

The illustration depicts a young woman with long brown hair in a braid, wearing a light blue, long-sleeved dress with a high collar and buttons. She is sitting on a mossy tree trunk in a dark, blue-toned forest. The trees are gnarled and leafless, and there are glowing blue, teardrop-shaped objects hanging from the branches. The overall atmosphere is mysterious and magical.

ЕКАТЕРИНА
ТИЧКО

ИСТОРИЯ О КРАЖЕ

ЛУНЬЯ

16+

Екатерина Гичко
История о краже. Лгунья. Том 1

«Автор»

2020

Гичко Е. И.

История о краже. Лгунья. Том 1 / Е. И. Гичко — «Автор», 2020

В городе Санариш произошло беспрецедентное ограбление городской сокровищницы. Главный хранитель убит, а главный подозреваемый бесследно исчез. Кто-то невидимый путает и затирает следы, заводя расследование в тупик. Более чем через год за расследование берётся легендарный Ранхаш Вотый. След преступления успел остыть, но новый глава санаришского сыска уверенно берётся за дело и возобновляет поиски исчезнувшего подозреваемого. Только подозреваемая уверена в собственной невиновности. Неужели Ранхаш действительно ступил на ложный путь? Или же жертва обвинения лжёт?

© Гичко Е. И., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Амайрида Мыйм	5
Пролог	6
Глава 1. Уважаемый харен Немилосердный	10
Глава 2. Мастера Искренность и Горячность	16
Глава 3. Нечестные методы	21
Глава 4. Госпожа подозреваемая и самые прекрасные болота	26
Глава 5. Свидетель и подозрения	34
Глава 6. Неоправданная надежда	38
Глава 7. Обманутый харен	43
Глава 8. Паника, воспоминания и неожиданный гость	46
Глава 9. Начало охоты	52
Глава 10. Неисправимые ошибки	57
Глава 11. Детали следствия	60
Глава 12. Прощание	63
Глава 13. Холод	65
Глава 14. Столкновение	69
Глава 15. Встреча	75
Глава 16. Допрос	80
Глава 17. Новые обстоятельства	86
Глава 18. Новые сложности	88
Глава 19. Неблагодарная профессия лекаря	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Екатерина Гичко

История о краже. Лгунья. Том 1

Амайярида Мыйм

1

¹ Художник Ксения Никитина (псевдоним Ксеопіка)

Пролог

Второй месяц лета 567 года эры Храммара

Майяри вздрогнула и вслушалась в тихий шелест дождя. Водяные потоки стекали по кровле, проникали в неумело заделанные щели и капали на пол где-то в сенях. В деревянную миску на столе тоже капала вода, но не так обильно. Одинокие капли плюхались в посудину, напоминая мерно тикающие часы.

Только что девушке почудился скрежет наверху, но он не повторился, и всё ещё напряжённая Майяри попробовала успокоить себя тем, что это наверняка скрипит старый дом. Она старалась даже в мыслях не называть своё жилище развалюхой, но оно наверняка было старше её деда.

Поправив лучину, закреплённую над свежеструганным корытцем, так, чтобы свет падал на потрёпанный кусок чистого пергамента, Майяри в очередной раз почувствовала сладостный трепет. Он возникал каждый раз, когда она прикасалась к единственной вещи, которая продолжала крепко связывать её с прежней жизнью. Но с недавних пор к сладостному трепету примешивался страх.

Осторожно, почти ласково прикоснувшись к растрёпанному нижнему правому углу пергамента, Майяри замерла в напряжённом ожидании. По поверхности неспешно разбежались чёрные тараканы букв. Душу девушки наполнили разочарование и страх.

Он так и не ответил на её последнее послание.

«Вишдаи, у тебя что-то случилось? В последнее время ты отвечаешь редко и пишешь совсем мало. Я начинаю бояться. Они заподозрили и тебя? Если это так, то смотри не поступи как идиот. Я ни в чём не виновата, поэтому не смей брать вину на себя! Пожалуйста, если можешь, ответь мне и поклянись, что не будешь творить глупости!»

Майяри резко встала и нервно отёрла лицо руками. Шагнув к окну, она сквозь щёлочку в закрытых ставнях попыталась посмотреть, что творится снаружи. Но затягивающая оконную раму желудочная плёнка бдшвика была мутной от дождевых капель. Неожиданно воздух сотряс дикий рёв, и девушка испуганно отскочила в центр полутёмной комнаты.

– Да чтоб тебя Тёмные! – рассердилась Майяри на зверя за свой испуг.

Сердце стучало где-то в горле, а пальцы дрожали от страха.

– Болота! – в сердцах процедила сквозь зубы девушка, возвращаясь к столу.

Строчки собственного письма вызвали досаду, и она поспешно провела по ним ладонью, а затем три раза стукнула пальцем по пергаменту. Текст пропал, и вместо него появился длинный список дат. Закусив губу, Майяри ткнула в одну из самых верхних, обозначавшую событие, произошедшее почти два года назад. Список стремительно исчез, словно бумага пожрала буквы, и по поверхности расплылась чернильная клякса. Она быстренько разобралась на строчки, и у Майяри болезненно кольнуло сердце, едва она увидела знакомый стремительно-решительный почерк.

«Давай через окно слиняем? Мастер Милим нескоро вернётся. Смысл торчать в этой духоте?»

Чуть ниже ровно и спокойно выстраивались буквы, написанные уже её рукой.

«Ты идиот? Мастер влепит нам прогул. Сиди на месте!»

«Боги, почему ты такая нудная? Поднимай задницу и лезь за мной!»

«Ищи проблемы без меня!»

Хихиканье сдержать не удалось. Посмеиваясь, Майяри припомнила тот день.

В учебном зале стояла страшная духота. Все окна были открыты, но ни один порыв свежего ветра не нарушал горячий застой. Ученики, пользуясь отсутствием мастера, дремали, сложив головы на столешницы.

Сама Майяри сидела у распахнутой створки и с тоской смотрела то на письмо, что лежало перед ней, то в окно, где соблазнительно свежел тенью парк. Сидящего рядом Вишдаша она старательно игнорировала, что было совсем нелегко. Оборотень, сообразив, что так просто на улицу подругу не вытиснуть, навалился на её плечо, изображая обморок.

– Ты! – с досадой прошипела девушка и всё же бросила на него раздражённый взгляд.

Вишдаш тут же закрыл левый глаз и навалился на неё ещё сильнее, изображая крайнюю степень измождения. Майяри всё же фыркнула от смеха. Широкоплечий парень под сажень² ростом в амплу обморочной девицы выглядел весьма забавно.

Воровато осмотрев спящих одноклассников, девушка потрепала оборотня по блондинистым волосам и отпихнула от себя. Тот мгновенно взбодрился, заговорицки подмигнул ей голубым глазом и осторожно встал.

Майяри не спешила подниматься. Вишдаш сам подхватил её под мышки и легко поставил на подоконник. Она, конечно, и сама могла бы туда подняться, но было приятно почувствовать себя слабой.

Вниз её также опустил Вишдаш, благо было невысоко, меньше сажени. А вот сам парень спуститься не успел. Окно с дребезжанием захлопнулось, ударив парня створкой по лбу.

– Вишдаш!

Майяри испуганно присела, узнав голос мастера.

Друг воровато втянул голову в плечи и осторожно обернулся.

– Куда собрался? – продолжал яриться преподаватель. – Живо сел на место! После занятий отправишься к мастеру Лодару отбывать наказание.

Майяри помрачнела. Вряд ли мастер забудет про неё.

– А Майяри останется снаружи!

Не забыл.

– И пусть только посмеет зайти!

Девушка недоверчиво посмотрела на окно, где продолжал стоять её друг. И всё? Это всё наказание?

Громыхнул гром. Вскинув голову, Майяри увидела, что с запада стремительно наползают тучи. Вся глубина учительского коварства стала предельно ясна.

Майяри опять повернулась к окну и разозлённо уставилась на друга. Вишдаш молитвенно сложил ладони, но это подругу не умилостивило. Взгляд её прищурился, и она многозначительно провела пальцем по горлу.

Майяри опять рассмеялась. В тот день она знатно промокла и перестала говорить с Вишдашем. Впрочем, молчание ей пришлось нарушить, когда этот придурок ночью влез в окно её спальни, чтобы извиниться.

– Какой он всё-таки идиот, – тихо прошептала девушка. Волна нежности разлилась в груди.

Свернув пергамент, Майяри убрала его в кожаный мешочек, а мешочек спрятала в карман. После чего встала и опять посмотрела в щёлку между ставнями. Озноб пробирал от одной только мысли, что придётся выбраться наружу. Но еда была на исходе, и не мешало добыть что-то ещё. Хотя бы абдарьки нарвать. Живот при воспоминании о фрукте неприязненно заурчал, но Майяри только похлопала по нему рукой, призывая смириться. Появился соблазн попытаться добраться до деревни – там-то её точно угостят мясом, в недовитости которого она могла быть уверена, – но его быстро заглушил страх.

² Сажень – мера длины, равная 2,13 м.

– Нет, обойдёмся абдарикой. Она очень полезная, – пробормотала Майяри, старательно прогоняя из головы образ склизкой зубастой твари, встреченной ею прошлым вечером.

Выйдя в тёмные сени, девушка привычно напряглась и, сглотнув вязкую слюну, осторожно подошла к двери, за которой непрерывным потоком стекал дождь. Жизнь на Гава-Ыйских болотах приучила её быть настороже всегда. Майяри обнесла весь дворик и дом охраняемыми знаками, но они не давали ей полной уверенности в собственной безопасности. Успевшая за свою жизнь повидать немало диких животных, девушка считала местных обитателей самыми опасными из всех ею виденных. Они вызывали ужас и оторопь одним своим видом. В первые месяцы жизни на болотах она едва не умерла от голода, не отваживаясь выйти из своей избушки.

Осторожно высунув голову за дверь, Майяри осмотрелась. Волосы намokли мгновенно, а ручьи воды проникли за воротник и потекли по спине.

Корявая узенькая каменная дорожка, почти утонув в лужах, змеилась к хлипкой ограде. Только прохода в ограде не было. Раньше был, но Майяри заделала его, чтобы наложить охранку по кругу. А через забор она и перелезть может.

За оградой в мутной пелене дождя вырисовывались деревья и кусты, и вроде бы новых среди них не прибавилось. Девушка подозрительно осмотрела каждый из силуэтов, придирчиво сверила их со своими воспоминаниями, а затем с не меньшим прилежанием осмотрела кроны над своей головой. Внутри затеплилась надежда, что, возможно, сегодняшняя прогулка пройдёт без приключений. Холодный дождь вмиг перестал быть противным, и Майяри даже поблагодарила богов за него. Всё же в такое ненастье местные твари предпочитали отлёживаться в топях или своих логовах. Если, конечно, логова не затапливало водой...

Обрадованная девушка уже почти шагнула за порог, как вдруг почувствовала тепло. В холодном влажном воздухе оно ощущалось так явно, словно рядом пыкала жаром печка. Майяри стремительно шагнула назад и дрожащими руками вытащила мешочек из кармана. Сердце пустилось вскачь, пальцы её не слушались, и она едва не разорвала свиток, пока разворачивала его. Лихорадочно горящие глаза с жадностью впились в такой долгожданный ответ.

«Прости меня, Майяри. Я предал тебя. Не пиши больше. Я не отвечаю».

Дыхание спёрло, а сердце, казалось, остановилось.

– Предал? – чуть слышно повторила Майяри. – Что за чушь? Нет... Да как... О Тёмные!

Выругавшись, девушка стремительно вбежала в комнату. Бросила свиток на стол и зашарила по столешнице руками в поисках уголька. Уголёк нашёлся: она смахнула его на пол в лужу, что успела натечь с неё. Зарывав от отчаяния, Майяри метнулась к потухшему очагу. По локти перемазавшись в саже, она наконец-то нашла нужное и бросилась опять к столу.

«Что случилось? Какое к Тёмным предательство? Ты с ума сошёл? Что ты сотворил?»

Буквы скакали вразнобой, строчки поплыли от накапавшей с головы воды, вся поверхность пергамента была замазана сажой, а Майяри с лихорадочно горящими глазами ждала ответа.

Как? Как Виидаш мог предать её? Он же ничего не знает! Ничего такого, чего не знали бы другие! Он даже не имеет представления о том, где она сейчас! Что сотворил этот идиот? Куда он влез?

Майяри закусилась грязные костяшки и опять уставилась на строчки. *«...не отвечаю»*. Он действительно не ответит, этот идиот!

В ярости Майяри смахнула корытце с лучиной на пол и замерла.

Его могли вызвать на допрос. Что там мог сказать этот благородный дурень? Взять всё на себя, а ей написать эту глупость, чтобы она и думать не смела возвращаться? О-о-о! Это вполне в его духе! Только он всегда проваливался на лжи!

Она убьёт его, если он посмел принести себя в жертву салейскому правосудию!

Бросившись к стоящему в углу дряхлому сундуку, Майяри извлекла на свет свой походный мешок.

Глава 1. Уважаемый харен Немилосердный

Начало третьего месяца осени 567 года эры Храммара

Здание санаришского сыска скромно ютилось на тихой улочке Каменные Норы между домами добропорядочных горожан. Выглядело оно настолько непритязательно, что глаз за него практически не цеплялся. Втиснутое между простецким постоянным двором и сырной лавкой, оно больше напоминало склад – большой, пустой, но незапущенный. Новенькая кровля приятно радовала глаз коричнево-красной черепицей, стены из серого камня дышали крепостью, а окна обоих этажей холодно блестя стеклами. Казалось, дом отстроили, а въехать в него забыли. Об истинном его предназначении только местные старожилы и знали. Ну и ещё паратройка десятков заинтересованных лиц, разбросанных по всему городу.

Говорят, раньше на стене справа от входа висела каменная табличка, где указывалось, что это за место. Сейчас на том месте в своё удовольствие курчавился плющ, но даже если заглянуть под него, глазу представала только отсыревшая стена. Каменнодёринские жители шутили, что санаришский сыск ещё нужно суметь сыскать.

Несмотря на наружную необитаемость здания, жизнь внутри тихо и медленно, но текла.

Грузный мужчина, опираясь на подоконник, с жадностью смотрел в окно на сонную улицу. Дерево под его ладонями натужно поскрипывало, выражая своё возмущение немалым весом.

Внешность у мужчины была не самая привлекательная. Мощный и кряжистый как дуб, он производил несколько пугающее впечатление. На короткой, покрытой складками шее сидела большая голова, которую украшало мясистое лицо красного цвета. Особый колорит этому лицу придавал широкий, приплюснутый, весьма ноздреватый нос. Ноздри его, казалось, жили отдельной жизнью, шевелясь, как им вздумается, так же, как и брови, кустисто нависшие над глубоко посаженными блекло-голубыми глазами. Зато рот был широкими, но тонкогубым, и этот контраст с остальными крупными и яркими чертами делал и так невероятно выразительное лицо ещё более живым. Волосы же словно издевались над своим обладателем, придавая его грозному и устрашающему облику некоторую комичность. Наполовину чёрные, наполовину седые, они были тщательно зачёсаны назад и щедро умащены маслом, но даже это не могло их укротить, и то тут, то там на крупной голове бодро и радостно торчали полные упругой жизни кудри.

– Не едет... – низко пророкотал мужчина и наконец-то отошёл от окна.

– Так ещё и рано, данетий³, – заметил бывший в этой же комнате молодой оборотень. – Обещали же, что к полудню явится, – он самодовольно улыбнулся и кивнул на настенные часы, стрелки которых почти подоברались к полудню.

Молодой оборотень, словно в противовес своему собеседнику, был высок, гибок и весьма смазлив. Рядом с неповоротливым и основательно скроенным данетием он казался излишне нежным. И кожа у него была белее, и голубые глаза ярче и веселее, а светло-русые волосы, едва закрывающие уши, куда аккуратнее и солиднее, чем седеющее непотребство начальника.

– Как приедет, так и приедет, – бойко продолжил молодой оборотень. – У нас всё готово, примем, как полагается.

Но, несмотря на браваду, глаза его нервно бегали, а пальцы мяли и теребили края карманов.

³ Данетий – с южносалайского это слово можно перевести как «начальник». Но употребляется оно только в отношении оборотней (и представителей других рас), которые занимаются соблюдением внутреннего правопорядка. Например, данетий городской стражи, данетий дворцовой охраны или, как в нашем случае, данетий санаришского сыска.

Данетий мрачно осмотрел комнату и подумал, что они действительно не смогли бы сделать большего.

Помещения сыска не отличались особым изыском, но сыскари всё же постарались прибраться, впервые остро пожалев, что в их рядах нет женщин. Посторонних в здание сыска допускать было строго запрещено, поэтому пришлось справляться своими силами. И многолетние залежи пыли и грязи сдались только после ожесточённой схватки, в которой весьма бесславно погибли три стула, пять столов, несчитанное количество полок и две улики, которые до своей гибели были способны засадить одного не в меру хитрого торгаша за решётку. Последняя утрата даже отправила двух растяпистых оборотней к лекарю: данетий был скор на расправу.

Эту же комнату, избранную под кабинет будущего начальника, выдраили с особым старанием. Потемневшие от пыли стены и пол неожиданно оказались отделаны панелями из светлого дерева. Из подвала притащили массивный стол, конфискованный у кого-то в незапамятные годы, и кресло ему под стать. Вдоль стены выстроились шкаф с застеклёнными дверцами и стеллаж тёмного дерева. В углу за столом мрачным стражем высился кряжистый металлический шкаф, имеющий некоторое сходство с данетием. Схрон этот был привезён два дня назад вместе с наказом установить его кабинете харёна⁴. Тогда же привезли и первый приказ от будущего начальника: подготовить все документы по тому проклятому делу.

Данетий неприязненно посмотрел на аккуратную кипу бумаг и свитков, высившуюся на столе. Уязвлённое самолюбие опять досадливо зануло, и он поспешил перевести взгляд на окно. На сердце потеплело, когда он увидел пестрый букетик троецветок⁵. Тут же вспомнилась шалунья-дочь, решившая помочь отцу достойно встретить высокого гостя и притащившая целую корзину этого пёстрого сора. Пришлось немного взять. Вряд ли новое начальство их заметит.

– Данетий Трибан, а вы знаете, за что его к нам? – с опаской спросил молодой оборотень.

Трибан медленно повернул голову и мрачно посмотрел на нахала. Больше всего он не любил, когда подчинённые говорили о начальстве в таком неуважительном тоне. Он считал, что это расшатывает дисциплину. Но наказывать болтуна не стал. Варлай служил в сыске всего полгода, слыл редким весельчаком и был, по мнению данетия, оболтусом. Сам Трибан никогда бы в здравом уме на службу его не взял, но дед парня, данетий городской охраны, подсуетился. Тем не менее Варлай ему нравился. Чувствовалось в нём что-то толковое.

– Не за что, а зачем, – сурово осадил Трибан охламона. – Неугодных в сыск не отправляют. У нас тут нередко всплывают тайны не самых простых лиц. Давать же такую информацию ненадёжному никто не рискнёт.

– Но ведь он был дарёном⁶! – глаза Варлая восторженно блеснули. – Я слышал про него. Ранхаш Вотый! Немилосердный! Гроза всех нарушителей закона! Молодой командир из числа подающих большие надежды! Блестящий воин! И это всё к нам?! – парень недоверчиво хмыкнул.

– А тут история, как с твоим дедом, – язвительно пробасил данетий. – Старый консёр⁷ Вотый отдал распоряжение, и дарену Ранхашу пришлось подчиниться. Слышал, он был серьёзно ранен, и вот для поправки здоровья его решили отослать на более спокойную службу.

⁴ **Харён** – невоинский чин. «Высокий начальник многих» – так именуется тот, кто имеет в своем ведомстве несколько различных учреждений и обладает весьма обширными полномочиями. Нередко этот чин даруется из уважения к заслугам бывшим военным, перешедшим на гражданскую службу с более высокого поста.

⁵ **Троецветка** – одно из названий анютиных глазок.

⁶ **Дарён** – командир тысячи. Это воинская должность.

⁷ **Консёр** – один из титулов Салеи. Почти то же самое, что и герцог. По функциональным особенностям можно поставить в один ряд с князем. Выше консера только хайнес. По сути консер – помощник хайнеса, и под его руководством и владением находятся несколько регионов страны.

К нам. И, видимо, чтобы он не скучал, поручили ему уделить особое внимание этому делу, – Трибан неприязненно кивнул на кипу бумаг.

Варлай посмотрел на документы без неприязни, но с осуждением. Это событие произошло более чем за полгода до его прихода в сыск, но он, как и все здешние сыскари, успел проникнуться нелюбовью ко всему, что было с ним связано.

Вообще этот случай считался беспрецедентным для их города. Санарйш хоть и имел значение одного из самых крупных городов Салёи, был речным портом и располагался на торговых путях, слыл всё же тихим местечком. Преступления тут больше совершались ненароком да не по трезвому состоянию. Крупные шайки и серьёзные нарушители закона предпочитали обходить их город стороной: здесь располагалась военная часть, которая нужна была для охраны от близости Гава-Ыйских болот. Кроме того, в Санарише находилась одна из трёх салеиских школ для магов, с которыми тоже далеко не все любили связываться.

А тут такое! Ограбление сокровищницы! С убийством! Да ещё кем! Город три месяца после этого события кипел и бурлил, переваривая новость. Данетий Трибан постоянно ощущал непривычное для него давление со стороны вышестоящего начальства, которое требовало раскрыть это дело в ближайшие сроки. Всё же была вынесена одна из главных реликвий сокровищницы.

Данетий даже не думал, что с этим делом могут возникнуть какие-то сложности. Главный подозреваемый был известен, хотя его личность вызывала недоумение.

Варлай встрепенулся и взволнованно уставился в окно, чем привлёк внимание данетия. На улице напротив входа в здание сыска остановился закрытый экипаж чёрного цвета без каких-либо опознавательных знаков. Дверца его решительно распахнулась, и на мостовую сошёл мужчина. Данетий даже не успел рассмотреть его лицо, как понял, что пожаловал их новый начальник: волосы, уложенные в длинную косу почти до пояса, серебром вспыхнули на солнце.

Приезжий стремительно зашагал к зданию, очень сильно припадая на левую ногу. Следом из экипажа выбрался высокий мужчина с полностью седой головой и, что-то крича и размахивая над головой тростью, бросился за ним.

Данетий нервно оправил одежду и повернулся к двери. Варлай, забыв, что ему вообще-то нужно встретить гостей, замер рядом с ним, а затем, спохватившись, метнулся прочь из комнаты. Трибан зашипел от досады. Никакого достоинства! Что о них новый начальник подумает?!

Дверь распахнулась, и в комнату быстро и уверенно зашёл харен. За его спиной звучали немного сконфуженный голос Варлая и возмущённый голос спутника харена.

– Проходите...

– Господин Ранхаш, если вам не дорога ваша нога, то давайте я вам её сразу отрежу!

Господин Ранхаш, проигнорировав оба голоса, прямо уставился на данетия и спросил:

– Данетий Трибан?

Тот кивнул. Голос на мгновение ему отказал. Данетий гордился своей выдержкой, но тут его взяла оторопь.

Харен Ранхаш, как и большинство мужчин его рода, не отличался высоким ростом. Всего лишь немного выше среднего. Среди присутствующих в комнате он был самым низким. Могучим телосложением он тоже не выделялся. Но, несмотря на это, данетий не мог назвать его незначительным. Даже рядом с ним господин Ранхаш не казался мелким, хотя куда более высокий Варлай в сравнении с данетием был слишком тощим. Красавчиком харена данетий бы тоже не назвал, хотя тот был красив. Черты его лица имели немного хищные очертания: резкий разлёт бровей, чётко очерченные линии скул, подбородка и нижней челюсти. Но эту хищность смягчала правильность каждой линии. Казалось, что это лицо с особой любовью и старанием создавал талантливый скульптор. Можно было даже вообразить, как он прилежно вытачивает

ноздри прямого аккуратного носа, смахивает пальцами пыль с только что выточенных губ или подправляет разрез глаз. Но от этого лица так и веяло холодной каменностью, которая убивала в живом существе всякую привлекательность. Даже короткие пряди, выбившиеся из причёски и обрамлявшие лицо, имели холодный стальной оттенок.

Но данетия ввели в оторопь глаза харена. Насыщенно янтарного цвета, с длинными, как у девушки, серыми ресницами, они казались скованными льдом. Когда харен взглянул на него, данетию показалось, что его окатили зимним холодом.

– Харен Ранхаш Вотый, – представился новый начальник.

– Мы рады с вами познакомиться, – его спутник решил побыть любезным и за себя, и за харена. – Позвольте представиться. Личный лекарь господина Ранхаша, Шида́й Да́ший.

Лекарь? Данетий едва удержался от недоумённого взгляда. Харена сопровождает лекарь? А где помощник? Слуга, на худой конец?

Судя по весёлому прищурю, господин Шида́й представлял, о чём мог подумать Трибан. В отличие от своего господина, он выглядел на удивление живым и солнечным. Будучи выше харена на целую голову, он маячил за его плечом, как телохранитель.

– О, какая прелесть! – господин Шида́й неожиданно обогнул харена и направился к окну, где ярко пестрели цветочки. – Это явно для меня. Наш холодный господин такое не оценит.

Стоящий за спиной харена Варлай смертельно побледнел и испуганно посмотрел на данетия Трибана, ожидая, что наглому лекарю сейчас язык вырвут. Но харен словно задался целью не замечать лекаря вообще и пропускать его колкие фразы мимо ушей.

Господин Шида́й, широко улыбаясь, склонился над цветами. На его лице было много морщинок, которые говорили о том, что улыбается он часто и с удовольствием. Данетий, пристально наблюдающий за ним, отметил, что мужчина явно не молод. Короткие волосы были совершенно седые, а жёлтые глаза выцвели, приобретя прозрачно-холодный оттенок. Только холодными они не казались. В окружении лучиков морщинок они горели весьма живо и посматривали по сторонам с интересом.

– Сами собирали? – лекарь весело посмотрел на Трибана.

Тот растерялся и лишь поэтому ответил:

– Нет, дочь.

– О, уверен, что это прелестная маленькая госпожа!

Данетий почувствовал, что это дружелюбие выбирает почву у него из-под ног, и мрачно спросил у харена Ранхаша:

– Прошу прощения, но на территории сыскарей могут находиться только сами сыскари. Вы уверены, что вашему лекарю можно здесь быть?

Шида́й улыбнулся ещё шире и насмешливо взглянул на своего господина. Тот впервые дал понять, что всё же знает о его присутствии.

– Уверен, – твёрдо заявил господин Ранхаш и похромал к столу.

– Ну, если это ваш приказ... – Трибан поморщился.

– Это приказ Шёреха Вотого, – холодно отрезал харен, присаживаясь.

Лекарь подмигнул обескураженному оборотню.

– Здесь всё? – уточнил харен, осматривая документы.

– Вы хотите посмотреть их сейчас? – растерялся Трибан. – Разве вы не сегодня прибыли в город?

– Сегодня. Не вижу смысла откладывать. Где здесь описание подозреваемого?

– В самом низу, – подсказал Варлай.

Три листа с описанием подозреваемого были скреплены сургучом зелёного цвета. Господин Ранхаш бегло просмотрел их и, не отрывая взгляда от написанного, уточнил:

– Амайярида? Что за странное имя? Какое у него значение?

– Мы не смогли выяснить его происхождение, – признался Трибан. – Лично я предполагаю, что это ничего не значащий набор звуков. Сейчас нередко называют детей не пойми как.

– Человечка... – тихо произнёс харен.

– Имя рода у неё вполне человеческое. Только Мыймы очень многочисленны, так что вычислить её прямых предков не удалось. Директор школы, где девушка училась, сказал, что она сирота. Приехала сюда с севера из местечка под названием Рёзыши специально, чтобы учиться. Вполне успешно отучилась три года.

– Санаришская магическая школа... Я не вижу, на каком отделении она училась, – голос господина Ранхаша звучал ровно, но данетий живо домыслил недовольство и даже почувствовал вину.

– Моё упущение. Она училась на боевом отделении и после окончания учёбы собиралась пополнить ряды военных магов.

– Нынешние девушки уже не так нежны, как прежде, – сокрушённо прицокнул лекарь харена.

– У боевых магов высокие требования, – заметил харен. – С каким результатом она прошла отбор?

– Директор, господин Пийш, сказал, что у неё был весьма хороший результат. Но даже если бы она была безграмотной деревенской девчонкой, он всё равно бы её взял. Уровень её магии выше среднего! И девочкой она была весьма умной и способной. Видимо, это и помогло ей уйти, – данетий помрачнел.

– Это не оправдание того, что вы еёпустили, – холодно отчеканил Ранхаш.

– Я не оправдываюсь, – сквозь зубы ответил Трибан.

Харен перевернул остальные бумаги, и в воздухе повисло недовольство.

– Это всё? – уточнил он. – Копии этих отчётов я уже видел. Неужели нет ничего нового?

Самолюбие данетия в очередной раз болезненно заныло. Он проработал в сыске почти семьдесят лет и очень редко оказывался в таком унижительном положении. Увы, в этом громком деле было очень мало улик. Когда они прибыли в сокровищницу, то выяснили, что придурковатый старик-уборщик успел привести помещение в порядок. Старуха, которая якобы видела что-то подозрительное на улице, неожиданно скончалась от сердечного приступа. Главная подозреваемая сбежала, не оставив ни единого следа или зацепки. В наличии у них имелся только сам факт кражи, список украденного, труп хранителя сокровищницы и мужчина-свидетель, который видел, как девушка убивает старика-хранителя и забирает реликвии, которые тот пытался спасти.

– Я сожалею, – глухо пророкотал Трибан.

Лицо харена по-прежнему было спокойным, но недовольство, витающее в воздухе, стусилось.

– Вы следили за её знакомыми? Может, кто-то из них общается с ней?

– Мы следили за всеми, но ничего подозрительного за ними не заметили.

– Характеристики ей дали положительные, – харен ещё раз задумчиво пролистал бумаги.

– Они все, словно сговорившись, утверждают, что она не виновата и что они не могут поверить в то, что она совершила подобное, – сдержанно подтвердил данетий. – Если бы не её побег, я бы даже усомнился в словах свидетеля.

– Если бы была не виновата, то не сбежала бы, – неожиданно буркнул Варлай.

Данетий мрачно посмотрел на него и показал кулак. Парень мгновенно прикусил язык и спиной вперёд выскользнул из комнаты.

– Прошу прощения, малоопытный он у нас, – извинился Трибан, – но учится быстро.

Но харена больше заботили бумаги, чем языкастый парень.

– Жених? – серая бровь едва заметно приподнялась. – Да ещё и оборотень?

– Да, – данетий почувствовал себя весьма неуютно. – Они вместе учились. Их школьные товарищи утверждают, что началось всё с дружбы, а на третьем году обучения они объявили о помолвке.

– Виидаш Ишый... Знакомый род. Надеюсь, чувство уважения к этой семье не помешало вам провести слежку? – харен пронзительно посмотрел на Трибана.

– Нет, но нам пришлось очень постараться, чтобы его прадед об этом не узнал, – данетий скривился. Старик Ишый был весьма вспыльчив и связываться с ним не хотелось.

– Мне нужно переговорить с директором школы и свидетелем. Но, – харен поднялся, – сперва бы я хотел увидеться с господином Виидашем. Где его можно найти?

– Он женился недавно и сейчас находится в родовом доме.

– Вот как... Значит, бывший жених... Хорошо, я сейчас к нему, а вы приведите свидетеля.

Отдав это распоряжение, харен стремительно покинул комнату.

– Господин, вы забыли тро-о-ость, – пропел ему вслед лекарь. Ответа, естественно, не дождался. – Вот гадкий мальчишка!

Размахивая тростью, господин Шидай направился на выход и, приостановившись у порога, искренне пожелал:

– Терпения вам, данетий.

Только он скрылся за порогом, как внутрь просочился Варлай. Убедившись, что начальник хоть и мрачен, но бить его не желает, парень приободрился и нахально заявил:

– Да уж! Вот это жуть!

Данетий его словно не слышал, продолжая прищурившись смотреть на распахнутую дверь. Харен его и впечатлил, и озадачил, оставив после себя множество вопросов.

– Зачем ему лекарь? – пробормотал Трибан.

– Так у него же нога... – растерялся Варлай.

– Что-то я не заметил, чтобы ты постоянно с собой лекаря таскал, когда руку сломал, – припомнил данетий.

Теперь и Варлай углядел эту странность. Но он не посчитал её слишком важной, чтобы придавать ей особое значение.

– Трости таскать, – шутливо предположил он.

Глава 2. Мастера Искренность и Горячность

– Погодка какая замечательная, – мечтательно протянул Шидай, выглядывая в окно экипажа.

Погода для третьего месяца осени действительно была на редкость замечательной: солнечной, но не очень жаркой. В южную часть Салеи зима всегда приходила поздно, и Шидай, большую часть года проводивший со своим господином на севере, был непривычен к подобному.

– Деревья только желтеть начинают. Посмотрите, господин, – Шидай раздвинул шторы шире, и солнечный свет упал на лицо харена.

Тот даже бровью не повёл, продолжая смотреть в стену перед собой. Лекаря, впрочем, это не смутило. Он давно привык к нраву господина и просто не замечал его холодности. Да и не считал он внешнее проявление спокойствия холодностью.

Родовой дом семьи Ишый, куда они направлялись, находился на северной окраине Санариша, где селилась вся знать. Это был единственный оплот этого рода на юге Салеи. Большая часть барсов, являющихся представителями клана Ишый, проживали именно на севере и прославили имя рода своими воинскими заслугами. Будь они более многочисленными, смогли бы побороться за власть у трона хайнеса⁸.

– Опасаетесь, что данетий из уважения к заслугам семьи плохо допросил этого Виидаша? – Шидай лукаво улыбнулся.

– Не опасюсь, – коротко ответил Ранхаш.

– А-а-а, – с пониманием протянул лекарь, – сами хотите разобраться. Всё сами, всё сами... Как всегда. Ногу бы хоть пожалели, – мужчина неожиданно посерьёзnel. – Её не жалко – пожалейте меня! Я уже не в том возрасте, чтобы после долгой дороги сразу же бросаться на допросы.

Харен лишь спокойно и открыто посмотрел на него, словно ожидая продолжения.

– Я серьёзно, – без тени улыбки продолжил лекарь. – Вы останетесь хромым на всю жизнь, если хоть немного не прислушаетесь ко мне. У вас и так срослось всё не очень хорошо из-за того, что вы слишком рано начали ходить!

Шидай раздражённо умолк и с мрачным ожиданием уставился на харена.

– Передай извозчику, что я передумал и мы направляемся в санаришскую школу магии, – наконец сказал тот.

Лекарь молча саданул по стенке тростью.

Санаришская школа магии тоже располагалась на севере города, но немного западнее, чем дом семьи Ишый, поэтому извозчику не пришлось сильно менять путь.

Совсем скоро каменная дорога вывела экипаж к высокой чугунной ограде, за которой желтел и зеленел обширный парк. Над кронами деревьев виднелась солидная красно-коричневая крыша и реяли два флага: бурое полотно с городским гербом – медведем и парящей над ним совой – и светло-голубой стяг с изображением меча в ореоле пламени – военное знамя салеийских магов.

Ученики, прогуливающиеся по парку, слабо заинтересовались приезжими, с большим интересом наблюдая за юным оборотнем, который медленно, прижимаясь грудью к стене, пробирался по карнизу самого верхнего третьего этажа.

– А ну вернулся, поганец! – орал грузный мужчина, стоящий в окне на противоположном конце этажа. Он то порывался шагнуть за юнцом на карниз, то отступал, понимая, что на этой узенькой полочке у него даже стопа не поместится.

⁸ Хайнес (женский титул хайнэси) – титул правителя Салеи. Является наследуемым. Правители Салеи – оборотни-совы.

– Простите, мастер Лодар, но к вам мне идти дальше, чем от вас! – нагло провопил в ответ ученик, продолжая свой путь.

Его товарищи внизу гоготали, а пара взрослых мужчин – видимо, преподаватели – мрачно смотрели на представление, теребя в руках широкое полотнище, подготовленное на случай падения нерадивого ученика.

Харен отнёсся к происходящему с вопиющим равнодушием. Пока Шидай с весёлой улыбкой смотрел наверх, господин Ранхаш поднялся по ступенькам и, хромя, скрылся внутри. Лекарь опомнился и поспешил за ним, вертя в руках несчастную трость.

Директора им посоветовали поискать на втором этаже в комнате преподавателей, и господин Ранхаш, нимало не жалея свою ногу, бодро зашагал по лестнице.

Коридор второго этажа был тих и пуст, неровная поступь харена гулко разносилась в оба его конца. Нужное место он нашёл весьма быстро: это была единственная комната, в которой слышалось хоть какое-то шевеление, – и, постучав, сразу же открыл дверь. Две пары глаз сперва с недоумением, а потом и с раздражением уставились на него.

– Харен Ранхаш Вотый. Мне нужен мастер Пийш.

Мужчины переглянулись, и один из них поднялся со своего места. Это был широкоплечий кряжистый оборотень с крупной лысой головой. Черты лица его были грубоватыми и придавали ему малость зверский вид, как на картинах с изображениями воинствующих троллей. Сама форма лица казалась несколько квадратной, хоть и гармонично правильной.

– Это я, – пророкотал мужчина. – Что вы хотели?

Харен спокойно прошёл внутрь и остановился напротив стола оборотня.

– Я хотел поговорить об Амайяриде Мыйм.

Лицо мастера Пийша окаменело. Через несколько мгновений он прикрыл глаза и устало вздохнул.

– Я могу узнать, чем наша бывшая ученица так заинтересовала вашу семью?

– Не мою семью, а меня, – сухо поправил его харен. – Я новый глава санаришского сыска и частично принимаю на себя обязанности главы городской стражи и розыскного отряда. Временно. Меня интересует кража, в которой обвинили эту девушку.

Лицо директора омрачилось пониманием. Второй мужчина презрительно фыркнул и сгорбился над бумагами. В отличие от мастера Пийша, он был высок, худ и почти симпатичен: приятное лицо с тонкими чертами портило лишь кислое выражение. С волосами ему тоже повезло больше, и он мог похвастаться длинной косой чёрного цвета.

– Вас устроит, если разговор пройдёт здесь? – директор обвёл рукой комнату. – Мой кабинет затопили, и там ещё не прибрались. Могу уверить вас, что мастер Милим нам не помешает.

– Да, меня это устроит.

– О, вот вы где! – в комнату заглянул Шидай. – Я с хареном, – тут же сказал он открывшему рот директору.

Тот растерянно посмотрел на господина Ранхаша, но того нисколько не озаботил посторонний оборотень, который без стеснения зашёл в комнату и расположился на одном из стульев.

– Присаживайтесь, – окончательно смутился мастер Пийш. – Я сейчас принесу её документы.

Выбравшись из-за стола, он вперевалочку добрался до невысокого схрона, неаккуратно поставленного у окна, и, порывшись в нём, вернулся с тонкой стопкой бумаг.

– Вот, это всё, что есть, – бумаги легли перед хареном, а сам директор тяжело опустился в своё кресло. Выглядел он усталым и подавленным.

Харен без особо интереса пролистал документы, задержав взгляд только на данных девушки, её характеристике и листе успеваемости. Всё это он уже видел. Двадцать один год,

человек, родилась в глухой деревеньке с неприятным названием Розыши, сирота. Училась хорошо, рекомендации от преподавателей имеет очень восторженные. Есть замечания относительно поведения, но все учителя сходятся во мнении, что в неприятности её втравливал Виидаш, с которым они были не разлей вода.

Харен отложил документы. Из них следовало, что Амайярида Мыйм почти идеальна. Вызывало подозрение только одно. Розыши. Ранхаш видел ответ на запрос данетия Трибана в сыск Бварина, в котором тот просил разузнать, действительно ли девушка когда-то проживала в этой деревеньке и не осталось ли у неё каких-либо родственников. Бваринский сыск сообщил, что Розыши сгорели шестнадцать лет назад. Оставшиеся в живых жители покинули это место и разбрелись в разные стороны. Потребуется много времени, чтобы найти хоть кого-то из них и допросить.

– Вам известно, как Амайярида жила до поступления в школу? – спросил Ранхаш.

Директор печально покачал головой.

– Мы в прошлое наших учеников не лезем. А Майяри ещё очень молчаливой была.

– Может, кто-то из учеников знает больше?

– Вряд ли, – с сомнением пожал плечами мастер Пийш. – Она ни с кем особо не сближалась. С Виидашем-то сдружилась только потому, что тот настырным слишком был и в покое её оставлять не хотел.

– Не сближалась? – повторил Ранхаш. – В её характеристике сказано, что она была очень дружелюбной.

– Ну... – директор досадливо поморщился. – Это действительно так и не совсем так. Она была очень вежливой и приятной девочкой, но держала всех на расстоянии. Воспитанная очень, даже откровенным хамам не грубила. Всегда держала себя в руках, – мужчина грустно усмехнулся. – Не знаю, как уж она жила раньше, но манеры ей привили хорошие.

– Как у госпожи благородного рода? – неожиданно вмешался в разговор Шидай.

Мастер Пийш обескураженно посмотрел на него, но всё же неуверенно кивнул.

– Что-то такое было. Может, при богатом доме росла.

– Как она относилась к учёбе? – поинтересовался харен.

– Ну, она хорошо училась, – удивлённый вопросом директор покосился на лист успеваемости, который всё ещё лежал перед хареном.

– Меня интересует не это, – мастер Пийш едва не поёжился под пронзительным взглядом. – Как она относилась к учёбе? Рьяно всем интересовалась, теребила преподавателей вопросами, допоздна засиживалась в библиотеке, позже всех покидала тренировочную площадку... Может, наоборот, не испытывала особого воодушевления или даже ненавидела учиться?

Директор задумчиво свёл брови.

– Я бы не сказал, что она была энтузиастом. Учёба ей давалась легко, и она не сильно напрягалась. Майяри могла бы учиться и лучше, но... – он пожал плечами.

Лицо харена не изменилось, но едва уловимое недовольство проскользнуло в воздухе. Мастер Пийш почувствовал это и поспешил добавить:

– А вообще она выбрала не ту специализацию. Я много раз ей об этом говорил и предлагал уйти с боевки, но она не соглашалась.

– А что было не так? Ей что-то не удавалось?

– Занятия по боевой физической подготовке у неё шли сложно, но это и не странно. Она же девушка, к тому же человек. Но дело не в этом! Видите ли, она была прекрасным артефактчиком. Это просто её стихия! Я много раз предлагал перейти ей под руководство мастера Милима, но она не соглашалась. Она постоянно создавала какие-то занятные вещицы. Достаточно вспомнить только зеркальное письмо. Мы всё никак не могли понять, как этот обалдуй Виидаш умудрился так хорошо сдать экзамен, а оказалось, что это Майяри помогла.

Создала два листа бумаги. То, что пишешь на одном листе, отражается на другом. Виидашу только и оставалось подменить бумагу у преподавателя, а ответ за него написала Майяри, сидя в общежитии. Мастер Милим их потом раскусил.

Мастер Милим поднял голову от бумаг и мрачно посмотрел на директора. Харен повернулся к нему.

– Это так? – поинтересовался Ранхаш.

В глазах преподавателя артефактологии вспыхнули искры ненависти, а на лице заходили желваки.

– Да! – отрывисто подтвердил он. – Это так! Майяри была невероятно талантлива. Но это не значит, что она могла кого-то убить ради раритетного камня и пары-тройки побрякушек!

– Я пока её ни в чём не обвинял, – холодно заметил Ранхаш.

– Простите, – мастер Пийш поспешил вмешаться в беседу, – просто данетий Трибан предположил, что она могла бы использовать украденное для своих целей, и у них был... м-м-м... не очень приятный разговор с мастером Милимом.

Харен знал об этом. В отчёте данетий Трибан написал: *«Господин Милим отказался отвечать на вопросы и повёл себя крайне агрессивно. Из-за устроенного им пожара пришлось отложить допрос»*.

– В отчёте данетия нет упоминаний о том, что у девушки были такие выдающиеся способности, – господин Ранхаш прищурился.

Директор опустил глаза, а мастер Милим лишь плотнее сжал губы.

– Как-то разговор об этом не зашёл, – с мягкой улыбкой ответил мастер Пийш. – Данетий задавал так много вопросов, что мы и не вспомнили.

– И в характеристике об этом тоже ни слова. Даже в написанной вами, – харен пристально посмотрел на мастера Милима.

– У меня было много других дел, – отрезал тот. – К тому же какое это может иметь значение?

Говорить о том, что многие артефактики вождельно грезят о том, чтобы получить в руки украденный камень, харен не стал. Господин Милим и сам это наверняка прекрасно знал и просто притворялся дураком. Причём без всякого старания.

– Благодарю за уделённое время, – харен поднялся и, не прощаясь, двинулся к выходу.

Несколько обескураженные преподаватели проводили его настороженными взглядами. Шидай плавно поднялся и, лучезарно улыбаясь, извинился:

– Простите, его плохо воспитали. Моё упущение. Хорошего вам дня и послушных учеников.

Закрывая за собой дверь, лекарь увидел, как мастер Милим кровожадно сжал пальцы на раскрытой чернильнице, а мастер Пийш поспешно схватил какие-то бумаги со стола.

Уже в экипаже Шидай не выдержал и, толкнув харена носком сапога в голень, серьёзно спросил:

– И что вы думаете?

Тот продолжал молчать, смотря на стену. Послышался щелчок хлыста, и экипаж тронулся.

– У вас же наверняка появились какие-то вопросы? – продолжал допытывать его Шидай. – Хватит молчать. Вознаградите меня за то, что я так безропотно сношу все тяготы общения с вами.

То ли харен действительно захотел его вознаградить, то ли просто решил проговорить свои мысли вслух, но он всё же раскрыл рот и задумчиво протянул:

– Хотел бы я знать, почему сгорели Розыши? И, – глаза его холодно блеснули, – почему список украденного известен тем, кто не вовлечён в расследование?

– Розыши... – заинтригованно протянул Шидай, но отвлёкся на что-то за окном.

Покидали территорию школы они через другие ворота и как раз проезжали мимо длинного двухэтажного здания красного кирпича. Часть его стены выделялась своей свежей красной, словно здесь не так давно обновили кладку.

– Это здесь её пытались задержать? – уточнил лекарь.

Харен прищурился, вспоминая строку из отчёта.

«Подозреваемая разрушила стену общежития и скрылась от стражи».

Глава 3. Нечестные методы

Сразу после заезда на территорию родового дома семьи Ишый в глаза бросился кусок скалы, точащий над кронами деревьев. Местность здесь была совсем не гористая, поэтому Шидай озадаченно приподнял брови. На вершине скалы показался белый пятнистый котёнок и огласил парк испуганным мявом.

– Площадка для детишек? – предположил лекарь.

Дорожка вильнула, и из-за поворота вынырнуло большое белое здание, немного вычурное в своей торжественности.

Экипаж остановился напротив широкой лестницы, и не успел харен ступить на землю, как в дверях появился высокий сухой старик. Он проворно сбежал по ступеням и придержал дверь экипажа.

– Мы рады приветствовать гостей в нашем доме. Мне будет дозволено узнать ваши имена? – старик улыбался благожелательно, но вот глаза блестели настороженно. Один из гостей был слишком похож на отпрыска Шереха Вотого: невысокий, смазливый, сероволосый и желтоглазый.

– Харен Ранхаш Вотый, – холодно представился глава санаришского сыска. – Мне нужно переговорить с господином Виидашем по поводу его бывшей невесты.

Старик старательно растянул губы в улыбке и махнул рукой в сторону дверей.

– Прошу вас, проходите.

Он проводил гостей внутрь дома и, оставив в небольшой гостиной, отправился искать молодого господина.

Харен осмотрелся и вместо того, чтобы расположиться в кресле, направился на выход. Ничуть не удивлённый лекарь спокойно последовал за ним.

– А хорошо Ерõн тут устроился, – протянул он.

– Знаешь его? – холодные жёлтые глаза уставились на Шидаю.

– Его много кто знает, – поморщившись, ответит тот. – Неприятный тип. Высокомерный, желчный, кичливый, но... – Шидай презрительно хмыкнул, – порядочный. Когда-то вдрызг разругался со всей семьёй и уехал сюда. С тех пор на севере больше не появлялся. К старости, наверное, стал ещё хуже.

Они миновали коридор и вышли в полукруглый холл – преддверие к изящной витой лестнице. Солнечный свет вливался в высокие арочные окна, играя в многочисленных хрустальных подвесках гигантской люстры. Осмотревшись, Ранхаш проигнорировал двери и направился вверх по ступенькам.

Коридор наверху, в отличие от залитого солнцем холла, был погружён в полумрак. Втянув носом воздух, харен мягко и почти неслышно направился к одной из комнат.

– Вы уверены? – только и успел прошептать ему вслед Шидай.

Ранхаш тронул пальцами дверь, немного приоткрывая её, но замер, так и не распахнув.

– Напиши ей! – донёсся до его слуха умоляющий женский голосок. – Виидаш, ты же мучаешься. Напиши!

– Боги, Рена! Ты думаешь, это так легко?! – в голосе ответившего мужчины слышалась боль. – Как я могу ей написать? Что написать? Это ведь я...

– Сразу видно – отпрыск Шереха! – прокатил по коридору скрипучий старческий голос. – Вместо того чтобы дожидаться хозяина там, где его оставили, он шатается по чужому дому!

Ранхаш мягко подцепил кончиками пальцем дверную ручку, прикрыл створку и только после этого повернул голову.

По коридору спешил морщинистый согнутый старик. За его спиной маячил слуга, что встретил их у входа.

– Шереховская порода! – презрительно процедил незнакомец.

Оценив почтенный возраст говорившего, крючковатый нос и копну выбеленных временем волос, Ранхаш предположил, что перед ним сам Ерон Ишый. Холодно приподняв брови, он устался на слугу.

– Это Виидаш Ишый?

Тот только улыбнулся и согнулся в поклоне.

– Что семейству Вотый нужно от моего правнука? – гаркнул старик, становясь напротив харена.

– Ваш правнук ещё не достиг зрелости? – спокойно уточнил Ранхаш.

– Что? – господин Ерон посмотрел на него с непониманием.

– Я не понимаю, почему должен беседовать с вами, если пришёл к господину Виидашу. Он ещё слишком мал?

– Наглец! – вскипел престарелый оборотень. – В семействе Вотый одни выскочки! Но я знаю, зачем ты здесь! Это всё из-за той девки, с которой идиот Виидаш имел глупость связаться!

Дверь, перед которой стоял Ранхаш, распахнулась, и в коридор шагнул очень высокий хорошо сложенный молодой мужчина с короткими светлыми волосами.

– Что здесь происходит? – голубые глаза холодно взглянули на Ерона Ишый, что ещё больше взбесило того.

– Смотри, к чему привела тебя эта девка! – старик махнул рукой на харена. – Я тебе сразу говорил, что нечего связываться с безродными человечками! Из-за неё ты втравил нашу семью в такую историю!

– Прекрати, – тихо, но твёрдо велел правнук.

Но прадед только распалился.

– Вся эта романтическая дурь от твоей бабки!

– Госпожа Юа́ра ещё жива? – с воодушевлением поинтересовался Шидай, беззастенчиво перебивая желчного старика.

Тот с яростью взглянул на него и замер. Гнев и презрение перестали искажать его лицо, выгладившись растерянностью и удивлением. Шидай же продолжал спокойно улыбаться и смотреть на него.

– Шидай... – словно сомневаясь, протянул господин Ерон. Он хотел сказать что-то ещё, но лекарь перебил его.

– Шидай, – подтвердил он.

Слуга за спиной патриарха рода Ишый побелел и с испугом посмотрел на своего господина.

Тот растерял весь свой гнев и, казалось, позабыл о присутствии харена. Растерянность на его лице сменилась мрачной сосредоточенностью. Ещё раз окинув лекаря взглядом, оборотень отступил.

– Сами разберётесь, – сказал он правнуку и, развернувшись, зашаркал прочь по коридору. Ранхаш пристально посмотрел на Шидаю. Тот ответил обезоруживающей улыбкой.

– Да расскажу я, расскажу! Я же не вы.

Харен перевёл взгляд на Виидаша. Тот мрачно и устало посмотрел в ответ.

– Вы по поводу Майяри?

– Да, мне нужно задать вам несколько вопросов.

Мужчина молча распахнул перед ними дверь и отступил в сторону.

По другую сторону двери оказалась гостиная, заставленная креслами и диванами бежевой расцветки. Посреди комнаты стояла невысокая девушка очень хрупкого телосложения с короткими ярко-рыжими кудрями. Она бросила испуганный взгляд на гостей, а затем вопрошающе посмотрела на господина Виидаша.

– Моя жена Рена, – представил тот девушку.

– Весьма рад такому прелестному знакомству, – Шидай галантно склонил голову, отвлекая молодую госпожу рода Ишый от невоспитанно глазающего на неё харена.

– Я надеюсь, её присутствие не требуется? – уточнил Виидаш.

– Нет, – коротко ответил Ранхаш.

Мягко притянув к себе жену, Виидаш нежно поцеловал её ладони и попросил:

– Подожди меня в спальне.

Та на миг прильнула к нему. Она была так мала ростом – даже харен был выше неё на голову – что рядом с мужем казалась совсем игрушечной. Порывисто сжав супруга в объятиях, она отстранилась и выскользнула из комнаты.

– Располагайтесь, – Виидаш махнул на кресла.

Дождавшись, когда гости устроятся, он тоже присел и мрачно уставился на них.

– Что вы хотите узнать от меня? Меня уже допрашивали, и я сказал всё, что мог.

– Мне хотелось бы услышать ваши ответы лично, – ответил Ранхаш. – Вы были очень близки с подозреваемой и наверняка знаете её лучше остальных.

– Я не очень любопытный. Если вас интересует её прошлое, то вряд ли я могу чем-то помочь.

– Неужели ваша бывшая невеста никогда даже вскользь не упоминала о том, как жила раньше? – усомнился харен.

Молодой оборотень отрицательно покачал головой.

– Мне порой казалось, что этого прошлого у неё нет. Она никогда ничего не вспоминала. Даже в школе, когда мы собирались вечерами с товарищами и рассказывали весёлые истории, она всегда молчала. Говорила, что на ум ничего не приходит.

– А страшилки? – с лукавой улыбкой спросил Шидай.

– Страилки она отказывалась слушать, – мрачно ответил Виидаш. – Я совсем не понимаю, что вам от меня сейчас нужно. Я действительно не могу сказать ничего нового. После её побега я потерял всякую связь с ней. Вы и сами это прекрасно знаете, – он усмехнулся. – Уверен, что вы за мной следите.

– Кое-что вы можете сказать, – уверенно заявил Ранхаш. – Ваша невеста когда-нибудь высказывала недовольство чем-то? Правительством? Законами? Чем-то ещё?

Виидаш вдруг просветлел лицом.

– Она не была довольна только мной, – с усмешкой заявил он. – Ко всему остальному она относилась равнодушно. Майяри мало волновало то, что происходит в мире. Прадед мой её ещё раздражал, но здесь её можно понять.

– А как часто она покидала территорию школы? – спросил Ранхаш.

– Очень часто. Майяри работала в городе в лавке лекаря, снадобья заготавливала. Она же сирота, и ей никто не помогал деньгами. Приходилось самой изворачиваться. После обручения я просил её бросить это, но она упёрлась, – Виидаш недовольно фыркнул. – Она всегда была такой упрямой!

– Мастер Пийш и мастер Милим считают, что она не могла убить хра... – Ранхаш не успел закончить.

Ноздри молодого мужчины негодуяще раздулись, а глаза вспыхнули яростью.

– Она не могла этого сделать! – сквозь зубы прошипел Виидаш. – Майяри бы никогда не поступила так! Я не знаю, что произошло. Я не понимаю, почему она сбежала. Но я уверен, что у неё были веские причины для побега. И я уверен, что она не совершала это преступление! Майяри лучше нас с вами обоих!

– И тем не менее женились вы на другой, – холодно заметил Ранхаш.

Виидаш вздрогнул и слегка побелел.

– Моя неверность должна говорить о моих недостатках, а не о её, – сухо парировал он. – Майяри прекрасна и достойна любви лучшего мужчины, чем я.

– А ваша жена, значит, достойна вас? – ехидно уточнил Шидай.

Глаза молодого оборотня ревниво вспыхнули.

– И она достойна большего! – заявил он. – Но у неё буду только я!

Не выдержав, Шидай расхохотался.

– Простите, господин Виидаш. Просто это так прозвучало... Она достойна лучшего, но будет терпеть меня!

Тот слабо и невесело улыбнулся в ответ. Отерев лицо руками, он опять заговорил. Быстро, горячо, словно стремясь оправдаться.

– Я правда её любил! Точнее я до сих пор люблю её, но не так. Я... – он прерывисто вдохнул. – Просто Рену я полюбил сильнее. И я полюбил её не потому, что Майяри плоха. Нет, Майяри тут не причём. Не нужно думать, что раз я оставил её, то значит, в ней есть что-то нехорошее.

– Это неважно, – сухо оборвал его Ранхаш. – Виновата она или нет – мы разберёмся. Но её побег выглядит очень подозрительно.

– Я уверен, что у неё была причина, – твёрдо заявил Виидаш.

– Вы чем-то можете подкрепить свою уверенность?

Молодой оборотень не ответил сразу.

– Нет. Просто я знаю Майяри.

– Только что вы утверждали, что не знаете её.

– Я не знаю её прошлого, но саму Майяри я знаю! – вскипел Виидаш.

– Может, вы знаете, где она сейчас? – провокационно спросил Ранхаш.

– Да откуда?! – разъярился оборотень ещё больше.

– Вы же поддерживаете переписку.

– Вы с ума сошли?! – Виидаш вскочил. – Да вы хотя бы подумали, как я это сделаю, когда вокруг контроль от вас и от моего прадеда?

– Ну, может, с помощью какого-то особого письма, – жёлтые глаза слегка прищурились. – Мастер Пийш рассказывал мне, что вы баловались на экзаменах чем-то подобным.

Молодой оборотень стремительно побледнел.

– Это было просто баловство, – наконец пробормотал он. – Да и с зеркальными листами нельзя устроить переписку. Они же на одну сторону работают... Как вы подумать такое могли?!

– Господин Виидаш, я слышал ваш разговор с женой. И я услышал достаточно, чтобы быть уверенным, что разговор шёл о госпоже Амайяриде.

Ноги молодого оборотня подкосились, и он плюхнулся в кресло. Шидай едва заметно покачал головой, словно коря своего господина за явную ложь.

– Так что мы будем делать? – Ранхаш пристально уставился в глаза ошеломлённого Виидаша. – После услышанного я имею полное право провести осмотр вашего дома и привлечь к допросу вашу супругу. Судя по всему, она не совсем чужая для госпожи Амайяриды.

Болезненный румянец вспыхнул на щеках Виидаша.

– Вероятно, я что-то найду. Это доставит неудобства не только вам, но и вашей семье. Вашего прадеда от подобного потрясения может хватить удар. Хотя эту утрату вы наверняка перенесёте. Но как быть с остальными членами вашей семьи и с вашей супругой?

Прерывисто вдохнув, молодой оборотень сжал кулаки и процедил сквозь зубы:

– Если вы пожелаете провести осмотр, то помешать вам я не смогу.

– Верно, – спокойно согласился с ним Ранхаш. – Но не думаю, что стоит устраивать такой шум. Мы можем решить всё между собой.

– И что вы хотите? – взгляд Виидаша полыхал ненавистью, и он едва сдерживался от того, чтобы не оскалиться.

– Мне нужно это письмо, – прямо заявил харен. – Клочок бумаги, который связывает вас с Амайяридой. Отдайте его мне.

Наступило молчание. Виидаш продолжал с ненавистью смотреть на него, но через почти пять минут всё же порывисто встал и покинул комнату. Харен откинулся в кресле, приготовившись ждать.

Вернулся Виидаш быстро. Бросив на колени харена сложенный вчетверо пергамент, оборотень опять плюхнулся в кресло.

– Вам это всё равно ничего не даст! – с мрачной уверенностью заявил он. – Даже мне она ничего не писала о своём местоположении. Вам же повезёт, если она вообще ответит!

Харен прикоснулся к пергаменту кончиками пальцев и ощутил едва уловимый пульс магии. Только после этого он его развернул и увидел... ничего не увидел. Лист был чист.

– Как им пользоваться? – поинтересовался он.

– Просто пишете, – угрюмо ответил Виидаш. – И ждёте ответ. И не сворачивайте лист, иначе записи исчезнут.

Совет показался харену подозрительным. Этот мальчишка так упорствовал, отрицая, что имеет связь с Амайяридой, что предостережения от него отдавали посылом в бездну.

– Благодарю, – под яростно горящим взглядом Виидаша господин Ранхаш сложил пергамент и спрятал его в нагрудный карман. – Больше у меня нет к вам вопросов.

Глава 4. Госпожа подозреваемая и самые прекрасные болота

Тонкий щуп стремительно обвился вокруг лодыжки и дёрнул девушку на себя. Та только и успела, что прерывисто вздохнуть и выпучить глаза от испуга, как полетела лицом в грязь. Её падению вторил гулкий хохот.

Майяри подняла голову и с раздражением отплевалась. За ногу несильно, но упорно тянули. Обернувшись, девушка разгневанно попыталась пнуть один из тонких щупов. Раздался обиженный булькающий писк.

– Я ж говорил, подальше обходи, – продолжал весело хохотать крупный мужчина, помогая Майяри подняться.

Девушка с возмущением посмотрела на его добродушную физиономию.

– Ты сказал, что он только до камня дотягивается!

Упомянутый камень едва проглядывал над грязью и находился на целую сажень ближе к дереву, чем то место, где её схватили.

– Ну, подрост малость, – ничуть не смутился Тошкан. – Зато какой живёхонькой ты стала, а то ходила тени подобна!

Майяри отёрла лицо чистой стороной рукава и с ненавистью посмотрела на бахвинного паразита. Опять всё стирать!

Тот тоже выражал возмущение, разевая круглую воронку рта и издавая неприятный булькающий писк. Выглядел он действительно несерьёзно, успев вымахать всего на полсажени в высоту. Но Майяри всё равно потряхивало от всплеска страха и лёгкого отвращения. К некоторым тварям на болотах она уже успела привыкнуть, но к паразиту, видимо, не привыкнет никогда. Один его вид вызывал склизкую дурноту: вытянутый к небу столб студенистой плоти с множеством длинных щупов, растущих из нижней его части, и воронкообразной пастью и белёсыми глазами в верхней. А уж какой у него был запах...

Хотя пахло тут везде не пряными лугами.

Майяри осмотрела клубящийся вокруг молочный туман, в котором дальше, чем на четыре сажени, видно ничего не было. Под ногами хлюпала грязь и с журчанием текла вода, струйки которой выбивались из-под корней высокого разлапистого дерева. На его ветвях тяжело покачивались большие, с тыкву размером, голубоватые грушевидные плоды. Эти же плоды распирали два мешка, один из которых нёс Тошкан, а второй лежал в грязи у ног Майяри. Девушка было протянула руку к нему, но мужчина опередил её. Закинув на плечо оба мешка, Тошкан зашагал дальше, продолжая посмеиваться. Раздосадованная Майяри последовала за ним.

Неожиданное столкновение с паразитом действительно оживило её. Почти три месяца пребывая в странном сомнамбулическом состоянии, Майяри привыкла воспринимать всё происходящее вокруг себя как сон. Пробуждение вышло ошеломляюще ярким. И грязным. Девушка с отвращением вытерла шею.

– Чтоб у тебя несварение было! – мстительно пожелала она паразиту.

– Эт у него-то? – ещё больше развеселился Тошкан. – Тока если приманника по дурости заест.

Майяри поморщилась, но мысленно поспешила забрать свои слова назад. Несмотря на довольно омерзительный вид, приманник был ей симпатичен. Главным образом потому, что он, сам того не ведая, выводил разбойников с болот, которых на окраине было что клопов в трактирной постели.

Споткнувшись о скрытый в грязи корень и едва сдержав рвущееся наружу ругательство, Майяри потопала за Тошканом.

Со всех сторон раздавались разнообразные звуки: болота булькали, хлюпали и ревели разными голосами. Но идти было не страшно. Сперва Майяри подумала, что это из-за присутствия Тошкана, но потом неожиданно поняла, что в ней самой что-то изменилось. Болота больше не наводили на неё ужас. От удивления она даже приостановилась, но потом бросилась догонять Тошкана.

А ведь когда она только попала сюда, всё казалось ей ужасно пугающим. И молочный туман испарений, постоянно витающий над топями и становящийся голубым ночью, и грязная хлябь под ногами, и деревья с узловатыми ветвями, на которых жутковато светились в ночи большие плоды. Но где-то позади была погоня, и Майяри не знала, потеряли ли оборотни её след. Возвращаться было страшно. На болотах у неё ещё был шанс выжить, а там – нет.

Про Гава-Бйские болота Майяри слышала и раньше. Они имели на редкость дурную славу, даже о Рирейских горах отзывались куда приятнее. Местные испарения считались ядовитыми, топи – гиблыми, а зверей – жутких болотных тварей – опасались даже самые бесстрашные из оборотней. Только в первый день, едва ступив на эту хлябистую землю, Майяри столкнулась с куда более жуткой тварью – представителем разумной расы.

Про то, что по окраинам болот скрывались от закона разбойники, говорили все. Но в пылу бегства, приняв отчаянное решение скрыться в этом страшном месте, Майяри боялась столкнуться не с ними. Воображение рисовало ей жутких монстров с ужасными мордами, но первые встреченные ею живые существа оказались оборотнями, грязными, исхудалыми, с какими-то странными червеобразными наростами на лице.

– Девка... – удивлённо пробормотал один из них. – Смотри-ка, девка! Мне ж не мерещится?

– Не мерещится... – протянул его товарищ, жадно осматривая Майяри.

Майяри тряхнула головой, отбрасывая это воспоминание. Подобные взгляды были ей знакомы, так что перепугалась она тогда жутко. Бросилась бежать вглубь болот, хотя до этого уже подумывала повернуть назад. Гнусные крики и улюлюканье тогда ещё долго раздавались за её спиной.

Бултых! Нога девушки по колено ушла в топь. Развернувшийся Тошкан подхватил Майяри под локоть и одним рывком выдернул из ловушки.

– Ты б уж кричала, – с укором протянул он. – Топай наперёд.

Майяри судорожно выдохнула сквозь сжатые зубы и опять вдохнула, стремясь успокоить гулко стучащее сердце. После нескольких месяцев отрешённости каждое, даже незначительное происшествие, ошеломляло и пугало её. Несколько секунд ей ещё понадобилось, чтобы понять, что от неё хочет Тошкан. Она прожила здесь больше года, но местный говор всё ещё вводил её в недоумение.

Обойдя Тошкана, Майяри зашагала по залитой водой тропке. Так-то тропки здесь видно не было, она пролегла по этому месту исключительно в воображении местных жителей и в воображении Майяри теперь тоже. Подобного рода фантазия играла в топях хорошую роль.

Совсем скоро туман впереди поплотнел и приобрёл серовато-белый цвет. С каждым шагом он всё более темнел и уплотнялся. Майяри вскинула голову и в просветах клубящегося тумана увидела кусочек пасмурного неба и скалистый уступ.

Впервые столкнувшись с Каменным Порогом, Майяри растерялась и неожиданно испугалась. Беглеца всегда вводит в отчаяние любая неожиданная преграда, но девушка испугалась не возможности быть пойманной, а чего-то совсем непонятного. Накативший ужас настоятельно требовал, чтобы Майяри немедленно убиралась отсюда. Она бы так и поступила, но ей послышались голоса за спиной и это испугало её куда сильнее. Майяри всегда боялась больше известного, чем неизвестного, так что предпочла лезть вверх по склону, благо лазить по горам

она умела превосходно. Терзаемая страхами, девушка даже не подумала попытаться обойти возникшую преграду.

Что оказалось к лучшему.

Подъём наверх был долг и тяжёл, но Майяри смогла его преодолеть, несмотря на усталость. Её даже посетило чувство ностальгии: она уже очень давно не была в горах и, несмотря на все неприятные воспоминания, скучала по ним.

Наверху девушке открылась чудесная картина. Болотные испарения остались внизу, и воздух был чист и свеж. На восток и на запад простиралась горная гряда. Не самая высокая, не самая длинная, да и выглядела она вообще странно: гребень у неё был плоский. Майяри и раньше видела горы с ровными как стол вершинами, но здесь такой была целая гряда. Плоскость, конечно, была неидеальной, но, стоя на вершине, возникало ощущение, что перед тобой расстилается бескрайний луг, украшенный небольшими рощицами.

Лучше бы тогда она осталась на этой вершине. Болотные твари залезали сюда редко и неохотно. Видимо, им было неуютно без испарений, но это Майяри узнала уже потом. А тогда она дошла до противоположного края плоской вершины и увидела по другую сторону гряды зелёный лес и несколько деревушек. Девушка решила, что за горами болота кончаются, хоть и была поражена тем, что они на самом деле занимают куда меньшую территорию.

Только спустившись, вниз Майяри поняла, как жестоко ошиблась, сразу же столкнувшись с бодвиком. Приземистая тварь, больше похожая по строению тела на рысь, но совершенно лысая, невероятно худая и безухая, быстро развеяла все её заблуждения. Отпугнуть её удалось только магией, но, даже потеряв лапу, зверь не отступил сразу. Майяри же поспешила туда, где видела ближайшую из деревень, но на неё накатила такая дурнота, что она едва-едва добрела до полуразрушенного пустого дома, встреченного ею на пути. Этот дом и стал её пристанищем на весь следующий год.

Майяри отодвинула в сторону красновато-зелёный растительный полог и, прежде чем шагнуть в темноту открывшейся трещины, пустила внутрь крошечный импульс магии.

– Никого, – сообщила она Тошкану и первой шагнула внутрь.

За поворотом на полу обнаружили крупные, с голову ребёнка, оранжево-красные плоды, от которых разливалось мерное свечение. Майяри выбрала тот, что поярче, и за черенок подняла его над головой. Сама она вызывать огонь с помощью дара опасалась. Она вообще старалась использовать магию только при большой необходимости и по мелочи. Как выяснилось, на Гава-Ыйских болотах было совершенно невозможно нормально колдовать. В самом этом месте было столько магии, что Майяри чувствовала себя так, словно плавала в ней. И магия эта не всегда была дружелюбной и очень часто предостерегающе дышала в затылок ледяным дыханием смерти.

Только предостережение это дошло до Майяри не сразу, а только после первого убийства, совершённого ею на болотах. Перепугавшись, девушка подохла смадника. Зверь загнал её к самому Порогу и уже примеривался к ноге, когда она наконец вышла из оцепенения и атаковала. Прежде чем тварь упала на землю, Майяри сама потеряла сознание.

Тогда ей очень повезло. Очнувшись, она поняла, что цела, рядом лежит обгоревший труп хищника и на его запах ещё никто не подоспел. Чувствовала она себя невероятно разбитой и, казалось, была полностью лишена сил. Кое-как добравшись до своей избушки, девушка упала прямо на крылечко и там проспала около суток.

В чём заключалась проблема, Майяри поняла не сразу. Но постепенно она отметила, что приступы недомогания начинаются именно после колдовства. Болота словно бы чувствовали её силу и, когда она её выпускала, стремились высосать из неё как можно больше.

Уже потом Майяри предположила, что болота так защищаются. Эта мысль появилась у неё уже после того, как она узнала эти места лучше. Всё же приступы недомогания ни разу не одолевали её, если она использовала свои силы для лечения.

Без магии было страшно. Майяри привыкла ощущать уверенность, которую ей давало осознание своей силы. Но на болотах эта сила обернулась против неё. Это тоже было страшно. Здесь всё было страшно.

Девушке послышался какой-то шелест, и она поспешила вскинуть голову и осветить свод, сходящийся треугольником над их головами.

– Майяри? – окликнул её Тошкан.

– Всё нормально, – ответила та.

– Чего? – не понял тот.

– Всё хорошо.

Про тоннели-проходы Майяри узнала не сразу. С местными жителями общаться она начала далеко не с первого дня, предположив, что раз она так горько ошиблась, решив, что за Порогом болота кончаются, то с жителями ей тоже может не повезти. Вдруг это разбойные поселения!

Опасения её начали развеиваться, когда она однажды набрела в лесу на раненого. Девушка очень спешила в свою избушку с только что собранной абдарикой, когда увидела лежащего на траве мужчину. Стыдно признать, но она сперва прошла мимо. Уже в сенях дома, когда девушка сгрузила добычу на пол, совесть начала нещадно грызть её, и Майяри, обмирая от страха перед встречей с болотными тварями, вернулась на ту полянку. Мужчина лежал на том же самом месте, и покуситься на него ещё никто не успел. Он даже в сознание пришёл, только говорил так странно, что Майяри его почти не понимала. Но чем смогла помогла и даже проводила до деревни. Правда, не до ворот. Страх оказался всё же сильнее.

Местные посетили её сами через пару дней. На порог Майяри их, правда, не пустила. Трое мужиков, у одного из которых была вместо ноги чешуйчатая трехпалая лапа, сильно её насторожили. Но они только поблагодарили и оставили ей яйца. Настоящие птичьи яйца! Изголодавшаяся на одних фруктах девушка чуть ли не плакала над корзинкой. Чьи это были яйца, она не знала и до сих пор не знает, но вкус у них был божественный!

После этого Майяри стала чаще обращать внимание на посторонние звуки, особенно, если они были похожи на стоны, и с куда большей охотой помогала раненым. А потом она сама неудачно упала со склона и сломала ногу. К тому времени уже наступила зима. Снег на незамерзающих болотах особо не залёживался, но стынь стояла такая, что волосы инеем покрывались. Ей повезло тогда, что Вараш с соседней деревни от родственников возвращался. Подобрал её и притащил к себе. Тут уж за неё местные бабы взялись и в несколько дней на ноги поставили, но ещё неделю в деревне продержали, откармливая. Майяри ранее никогда и ни к кому не испытывала такой жгучей благодарности.

Свет уперся в препятствие, и Майяри, осторожно нащупав растительный порог, выглянула наружу. Взору её открылся жёлто-зелёный лес. Часть деревьев уже успела наполовину сбросить листья, а другая часть даже не замечала приближение зимы. Девушка осторожно высунула голову и осмотрела склоны по бокам от выхода и сверху. Только после этого она пропустила Тошкана вперёд, а сама вернулась в проход и оставила светящийся плод за первым поворотом.

Тошкан терпеливо её ждал, с благостной улыбкой смотря на пасмурное небо.

– Эх, Майяри, скоро стынь снежная придёт! Перебралась бы к нам. Нахолодуешься же! Оглодаешь! Я б тебе местечко в избе дал, а по весне бы с отдельную избёнку сладили. Там глядишь, мож, и сердешного найдёшь...

Майяри раздражённо дёрнула плечом, но отвечать не стала. Её привлекала сама мысль перебраться из старого разваливающегося дома в более безопасное и тёплое местечко. В прошлую зиму ей действительно пришлось тяжело: одежды тёплой не было, дом едва протапливался, а с едой совсем туго было. Провезло ей тогда, что она ногу сломала и наконец-то сблизилась с болотными жителями, а то б до весны не дожидая.

Майяри мысленно поругала себя за то, что опять назвала своих добродушных соседей болотными. Те не любили, когда их так называли, да и вообще не считали они свои края болотами. Пообщавшись с ними, Майяри сама начала по-другому относиться к толям. Увидела всё в новом свете. И звери уже не казались такими жуткими и страшными, и болотная грязь – такой отвратительной, и сам туман не наводил суеверного опасения. Просто теперь девушка помнила, что это место – болеющий сад.

Первое время ей было сложно понять и принять то, что местные жители – садовники. По крайней мере, искренне считают себя ими. Майяри слышала легенду, в которой говорилось, что раньше на месте Гава-Ыйских болот росли Гава-Лиймские сады – самые прекрасные сады в мире, созданные богами Куадаром и Лавридаей. Но в период Древних войн бог Истаридан затопил эти сады и напустил в них полчища омерзительных тварей.

Раньше Майяри как-то не задумывалась, что вместе с садами мог пострадать кто-то ещё. А ведь у каждого великолепного сада должны быть сторожа и садовники. И как они выжили в те времена? Сами садовники утверждают, что боги помогли. Лавридая и Куадар, которых местные называют Всеблагая и Всеблагой, спасли их предков, воздвигли Каменный Порог и отселили за него всех насланных Истариданом тварей. Те, правда, потом всё равно пролезли, но садовники были уже готовы к встрече.

Откровенно говоря, Майяри сперва сомневалась, что её щедрые соседи являлись потомками тех самых садовников. Про себя она предполагала, что они уже и не помнят, откуда пошли, и просто придумали себе эту миссию по очистке болот. Но её сомнения сильно пошатнулись, когда она впервые увидела остатки охранных знаков на стене, что окружала деревню.

Дерево, из которого была построена стена, почти закаменело за многие сотни лет. Майяри даже заподозрила, что счёт времени шёл не на века, а на тысячелетия, но это было слишком невероятным предположением. Охранные знаки глубоко врезались в породу, словно раз за разом выдалбливались заново. Крупные, больше ладони, грубоватые, нарочито простые... Майяри впервые видела что-то подобное. Она прекрасно знала, что чем больше знак, тем больше сил придётся в него влить. А тут длинная непрерывная цепочка таких символов! Сколько магов потребовалось бы, чтобы оживить их? Сколько силы? Рассказы садовников про богов в тот момент не казались Майяри такими уже невероятными, хотя она давно перестала верить в божественную милость.

Разве могла она удержаться от того, чтобы не попробовать оживить эти знаки? Вряд ли бы кто-то, обладающий силой, на её месте устоял.

Охранка отозвалась легко и быстро. Майяри редко ощущала, как её силы уменьшаются, но в тот момент она вдруг почувствовала себя ополовиненной. На какой-то миг девушка решила, что лишилась части тела, но потом ощутила, как потерянные силы тонкой струйкой возвращаются назад. Охранка, впрочем, не ожила. Стена была разрушена, и цепочка знаков прерывалась. Но Майяри загорелась энтузиазмом.

Мужчины посмеивались над её странностями, но всё же согласились восстановить стену. Зимой забот особых всё равно не было. Хуже всего пришлось кузнецу, от которого гостя требовала каких-то странных орудий. Потом уже вся деревня с недоумением наблюдала за будто бы сошедшей с ума одинокой лекаркой, которая что-то выдалбливала непонятными железками на дереве. На утро третьего дня её обнаружили под стеной. Снег уже успел немного её присыпать, но сильно замёрзнуть девушка не успела. Зато охранка ожила.

Шум тогда среди местных поднялся такой... Если у кого и оставалась настороженность в отношении Майяри – ну а вдруг девушка из тех лиходеев, что посеивают на болотах жрут и топчут! – то тут недоверие окончательно исчезло и девушку полностью приняли. Она сама иногда шутила, что болота признали её своей.

Всю зиму и весну Майяри в сопровождении тройки мужчин ходила по гава-ыйским деревням и являла жителям божественное чудо. Ей даже было неловко, что они считали её

приближенной к богам и одарённой их благодеянием, хотя на самом деле ей просто силы некуда было девать. Но вместе с тем девушку посещало робкое, радостное, малопонятное ей чувство: её радовало само общение с садовниками, она тянулась к ним, частенько заворачивала в деревни, хотя необходимости не было, не избегала неожиданных встреч... Всего этого раньше в её жизни не было.

Вот и сейчас, завидев впереди ворота, Майяри испытала всплеск радостного воодушевления, почти позабытого за последние три месяца. Желудок одобрительно заурчал, и девушке почудился запах жареного мяса, хотя витать он тут не мог. Тошкан, услышав этот голодный звук, хохотнул и погладил себя по животу.

– Шас бы мятой абдарики и жирный кусок мяса... – мечтательно протянул он.

Майяри и поморщилась, и сглотнула одновременно: мясо она ела не так часто, а вот абдарику почти каждый день. Она согласна и просто на кусок мяса. Без всего! Ну, может быть, ещё и на яичко...

У ворот им навстречу попался коренастый бородатый мужик, у которого вместо одной ноги была трёхпалая чешуйчатая лапа.

– О, Майяри! – радостно улыбнулся он. – Давно ты к нам не хаживала, всё с Тошканом где-то маешься. Смотри, сердешная его призадумается... – хихикнув, мужчина игриво погрозил им пальцем.

– Хорош чепуху молоть! – рассердился Тошкан. – Куды собрался?

– Да на Кёстов погост за травами! А то Рыжжа мне уже всю плешь проела, – как доказательство мужчина снял шапку, но волосы под ней оказались возмутительно густы.

– Чаво? – из-за ближайшего дома вышла высокая крепкая баба. Подперев мощными руками бока, она разгневанно уставилась на мужика.

Тот ощутимо стусевался, но падать в грязь лицом перед Тошканом не захотел.

– Да ты у меня уже всё разумение вытянула! – по-петушину взвился он. – Одну утёшку взял, так взъелась, словно весь погреб вынес!

– Бёшка, ты меня не зли, – с угрозой протянула Рыжжа, грозя мужику пальцем. Палец был примечательный, когтистый, покрытый чешуйчатой кожей.

Рыжжа, ведущая собственное хозяйство и помогающая овдовевшему брату, защищала своё добро со стойкостью хозяйственного оборотня-медведя. Майяри порой думала, что где-то в предках у той кто-то и был из этой расы. Бешке, тому самому овдовевшему брату, с нравом сестры приходилось мириться. Тянуть в одиночку хозяйство и пятерых детишек было тяжело. Но так-то жили они дружно и перепирались только вот по таким пустяками.

Утешку эту милосердный Бешка дал больному гостю. Месяца три назад принесли в деревню двоих: мужчину и девушку-человечку. Умудрились они с бахвинным паразитом столкнуться, да не с мелочью, как сегодня Майяри, а с тварью высотой с дерево. Примечательная была парочка! Даже Майяри малость встряхнулась, когда увидела их.

Мужчина был нагом, причём каким-то странным. В книгах по расоведению представители этих существ описывались без костяного жала на кончике хвоста и гребня на спине. Да и глаза у него были какие-то уж больно чудные: полностью чёрные, с красной точкой зрачка. А вот его спутница была вполне обычной и, несмотря на ожоги, симпатичной. Необычным в ней было только одно: она этого хвостатого и черноглазого любила. Он же её просто обожал.

Майяри поспешила выбросить их из головы. Воспоминания об этой парочке вызывали в ней боль и зависть, и ей становилось противно от самой себя. Не сумела построить своё счастье и теперь завидует чужому. Мерзко это!

Аппетит пропал, и Майяри захотелось где-нибудь скрыться от своей боли.

– Бешка, подожди меня, – попросила девушка. – Я сейчас другой мешок возьму и с тобой пойду. Я же тоже утешку должна.

Лицо Бешки вытянулось, а вот Рыжжа грозно сложила руки на груди.

– Дурная ты девка, Майяри, – огорошила девушку женщина. – Нечего нам, бабам, на Кестовом погосте делать. А ежели себе занятия не найдёшь, то пошли за младшим моим дитём приглянешь, пока я с хозяйством управляюсь.

– Правду говариваешь, – поддержал её Бешка. – Неча тебе тама делать. Я и на твою долю надёргаю. Пусть эта злая баба своей травой подавится!

– Это я-то злая?! – прищурилась Рыжжа. – Да я раньше тебя злобу свою болотам отдала!

– А у меня больше взяли! – Бешка с гордостью продемонстрировал свою ногу.

– Да ты просто злее был, – фыркнула Рыжжа и поманила Майяри. – А ты топай-ка за мной. А то ишо сбежёшь на погост!

Майяри ничего не оставалось, как последовать за женщиной. С Рыжжи станется позвать соседок на помощь и силой её притащить. Хотя она наверняка и в одиночку справится!

– Злая... – продолжала ворчать Рыжжа.

Ворчала она больше по привычке. Майяри считала, что своим ворчанием Рыжжа своеобразно проявляла заботу. Наверняка и Бешка так считает, но не поддеть сестру не может. Со злобой у местных вообще были особые отношения. Они были уверены, что если есть в тебе это чёрное чувство, то болота рано или поздно «отъедят» его. Это, наверное, был единственный случай, когда они называли свои сады болотами. «Болота накажут...». Майяри поёжилась, сообразив, что уже настолько привыкла к местным верованиям, что уже сама начала опасаться, что болота её накажут, а ведь в самом начале её брезгливая оторопь брала, стоило только вообразить, каким образом проходило это наказание.

Садовники были уверены, что болота не будут держать в себе плохое, и что если ты несёшь зло, то когда-нибудь тебя «очистят»: отъедят часть тела, равную количеству зла. Бешка вон в своё время ногу потерял, а Рыжже в детские году руку обглодали. Майяри зябко поёжилась: воображение уж больно живо разыгралось. Для неё, девушки из более цивилизованного мира, это было дикостью.

Но местные жили и не горевали. Тощкан ей даже рассказывал, что раньше у них обычай существовал молодёжь в определённом возрасте на сутки выгонять на болота. Потом их покалеченных собирали и лечили. Слава богам, о том обычае только память и осталась!

Способы лечения здесь же были ещё более странными. Майяри никогда ранее даже в книгах не сталкивалась с тем, чтобы какие-то народы использовали части тела животных вместо утерянных. Обитала на болотах занятая зверушка, называемая савадник. Вот именно с её лапой ходил Бешка. И для Майяри самым пугающим было именно то, что части савадника действительно приживались.

Садовники объясняли это милостью богов, Майяри же предполагала, что причина кроется в самих болотах. Точнее, в том, чем они были раньше. А раньше они были известны как Гава-Лиимские сады, самые прекрасные сады в мире, чьи плоды были способны исцелить любую болезнь. Лечебные сады! После нахождения охранных знаков Майяри уже не так скептически относилась к возможному прошлому болот и частенько задавалась вопросом: а куда подевалась лечебная магия садов? Если она действительно была такой, какой её описывают легенды, то она не могла так просто исчезнуть. Вероятнее всего, она крылась в земле. Сейчас земля испоганена, но растения, всходящие на ней, все без исключения целебны.

Майяри предполагала, что жуткие монстры, выпущенные Истариданом, изменились под воздействием залитой водой земли. Они в огромных количествах ели плоды и траву садов и не могли не измениться. Возможно, с этим и связана поразившая её совместимость садовников и савадников. А может, нет. Одни боги знают, как всё было на самом деле! К тому же жители бывших садов и сами обладали потрясающей живучестью.

– Ну хоть ожила малость, – Рыжжа окинула её придирчивым взглядом, – а то ходила, словно сердешного потеряла. И исхудала-то как!

Рыжжа, сама того не зная, надавила на больное место. Майяри плотно сжала губы и отвела взгляд. Можно было сказать, что и потеряла.

– А груди-то, груди где? – продолжала горевать Рыжжа. – Тебе-то они, мож, и без надобности, но мужик тока на них и глядит. Он же как дитё в сисе нуждается!

Майяри фыркнула и рассмеялась.

– Рыжжа, ну ты... – начала она, но поперхнулась. Смех застрял в горле, а рука вцепилась в карман.

Майяри сама не могла ответить себе зачем, но продолжала носить письмо с собой. Вероятно, по привычке, а может, из-за подсознательного желания пострадать, сделать себе ещё больнее, почувствовать себя несчастной. Она всё так же каждое утро запихивала письмо в карман, а вечером бросала на стол. И вот сейчас по бедру разливалось горячее тепло, которого она совсем не ждала.

Написать ей мог только Виидаш.

Внутри затлела злость. Что ему нужно? Как он вообще посмел написать ей? Ах да! Он же не знает, что она уже осведомлена об изменениях в его жизни. Не знает, что она подвергла свою жизнь опасности из страха, что с ним что-то случилось, и поехала в город. Не знает, что она своими глазами видела его свадьбу!

– Чего эт с тобой? – озабоченно спросила Рыжжа.

Майяри заставила себя разжать пальцы.

– Ничего, – она улыбнулась. – Давай я действительно с Жйшкой посижу.

Брови Рыжжи удивлённо приподнялись, но более она ничего спрашивать не стала.

– Ну пошли.

Майяри шагнула следом за ней, ощущая, как в кармане продолжает пульсировать теплом письмо, но не испытывала никакого желания читать его. Она долго ждала внятного ответа от Виидаша, пусть и он немного подождёт.

Глава 5. Свидетель и подозрения

Когда экипаж харена вернулся к зданию сыска, солнце уже стремительно шло к линии заката. Ощутимо похолодало, и сошедший на мостовую господин Ранхаш хромал сильнее прежнего. Шидай уже ничего ему не говорил, только смотрел с непонятной мрачной решимостью и совсем нехорошо постукивал тростью по ладони. Видимо, терпение его иссякало.

В холле за низеньким столиком их ждал Варлай. Только они вошли, как молодой оборотень с облегчением подскочил и направился к ним.

– Харен, свидетель вас уже ждёт. Позвольте проводить вас в комнату для допроса.

Комната для допроса в здании сыска была одна, и приспособили её для преступников, поэтому здесь имелись только стол, стул и массивное деревянное кресло с цепями. Кресло с цепями обычно занимал или преступник, или дознаватель, если допрашивался свидетель. Но данетий не рискнул расположить харена на столь сомнительном месте, поэтому на жёстком сиденье беспокойно мялся широкоплечий мужик с чёрной окладистой бородой. Он ощутимо переживал, с опаской косился на цепи и стискивал пальцами край стола. Край натужно скрипел.

Стоило харену войти, как мужик подскочил и испуганно уставился на него.

– Господин Одаш? – уточнил Ранхаш.

Тот быстро кивнул головой.

– Рад видеть вас, – голос харена вдруг зазвучал мягко и вкрадчиво. Стоящий за дверью данетий даже приоткрыл створку, чтобы убедиться, что там действительно начальник, а не кто-то посторонний. – Садитесь. Надеюсь, вам не пришлось долго ждать меня?

Мужчина плюхнулся на стул и гулко сглотнул. Щеки его слегка порозовели, а пальцы чуточку расслабились.

– Нет-нет, господин, – торопливо заверил он харена. – Я почти и не ждал.

– Замечательно, – лицо господина Ранхаша по-прежнему было спокойным, но голос излучал тепло и умиротворение. – Я только начал заниматься делом об ограблении, свидетелем по которому вы выступаете, и хотел поговорить о том дне с вами лично. Вам не стоит волноваться.

– Д-да я не волнуюсь, – браво ответил Одаш, утирая пот со лба. – Тока я ничего более к тому, что сказал ранее, не прибавлю.

– Ничего, я хочу просто услышать ваш рассказ и задать несколько вопросов.

Свидетель, успокоенный вежливостью и мягкостью дознавателя, приободрился и выпрямился.

– Да чего там рассказывать-то? Шёл домой вечером от Охляши. Ну это гончар, у которого я работаю. Темень уже стояла, волчий месяц светил всюю, и на улицах почти никого не было. Я решил срезать мимо сокровищницы, там обычно прохожих мало в это время. Это из-за стражи, но мне-то, честному оборотню, чего бояться? Иду я, значит, вдруг слышу хрипы какие-то. Сердце у меня захолонуло. Нехорошее я почуял, ну и двинул на звуки. Завернул за угол, а там улочка, которая как раз к задним дворам сокровищницы ведёт. И на мостовой кто-то лежит, а сверху на него она наваливается.

Мужик судорожно сглотнул и отёр голову от затылка ко лбу, вымаливая у богов защиту.

– Свет волчий как раз ей на лицо падал, – голос его предательски дрогнул. – Страшное зрелище! Лицо бледное, глаза как две дыры, а губы кривятся в злобе. Одной рукой она держала старика за горло, а в другой зажимала кинжал.

Оборотень опять сглотнул и стыдливо опустил глаза.

– Оторопь меня тогда такая взяла, что с места двинуться не мог. Ноги от страха к мостовой пристыли. Не нашёл я в себе смелости на помощь броситься. Она два раза ударила старика-хранителя кинжалом в грудь, а потом уж вырвала из его рук свёрток. Его она прямо там

развернула. Своими глазами видел, камень вот такенной величины, – Одаш развёл пальцы так, что между ними могло куриное яйцо поместиться, – и ворох каких-то блестящих безделушек. Всё это она пересыпала в свою суму и побежала в мою сторону. Я чуть не обмер от страха! Едва разумения хватило в тени спрятаться. Она мимо проскочила и на Малого Медвежонка свернула. Вот и всё. Там уж стража набежала.

– И вы уверены, что это была Амайярида Мыйм? – голос харена зазвучал чуть твёрже.

– Она-она-она! – уверенно заявил Одаш. – Она частенько в нашу лавку навевалась за посудой под лекарства. Красивая такая, статная, вежливая... – он сбился и тяжело вздохнул. – Всегда монетку сверху накидывала. Кто бы подумал, что она на такое... – он качнул головой и умолк.

– А в какое время вы возвращались домой?

– Я в тот день задержался и вышел, когда за полночь перевалило.

Харен прикрыл глаза. Всё это время он внимательно слушал свидетеля, ни разу не оторвав взгляд от его лица. Казалось, его больше интересовали эмоции мужчины, чем слова.

– Благодарю за ваши ответы. Вы можете быть свободны.

Мужчина обрадованно подскочил и, кланяясь, направился к двери. Только он вышел, как в допросную шагнул данетий. Шагнул нерешительно, сомневаясь, что харену нужно его присутствие. Тот цепко взглянул на него.

– Что известно о свидетеле?

– Я сразу же направил сыскаря к его нанимателю. У господина Охляши он работает гончаром уже полтора года. Нареканий не имеет. Порой выпивает, но не больше, чем остальные. Добродушен, боязлив, покладист. Жены и детей нет. Приехал сюда из Рйшки на заработки.

Харен откинулся на спинку стула и уставился в стену перед собой.

Данетий немного потоптался и всё же решился прервать размышления начальника.

– У вас на сегодня ещё будут какие-то распоряжения?

– Нет, – тут же откликнулся харен и поднялся. – Утром меня можно не ждать.

В коридоре на него мрачно воззрился Шидай. Трость он держал в левой руке и раскачивал её как маятник. Варлай опасливо косился на лекаря и держался поодаль.

– Мы уезжаем, – коротко бросил харен.

Остановиться он даже не потрудился, продолжив свой путь, но Шидай просветлел лицом и криво улыбнулся.

– Ну наконец-то!

Слуги уже спали, поэтому торжественной встречи не вышло. Харена и его личного лекаря встретил старый управляющий – седой как лунь оборотень, больше похожий на вышибалу в питейном заведении.

– Молодой господин, – гулко пророкотал медведь, едва сдерживаясь от того, чтобы не прижать харена к груди, – что ж вы так поздно? Мы вас ещё к обеду ждали.

– А мы работали, – наябедничал Шидай, протягивая руку для рукопожатия. Её от души, до хруста в пальцах, пожали.

– Совсем не меняетесь, – с укором протянул управляющий, принимая плащ харена. – Вы хоть поздоровайтесь!

– Рад тебя видеть, – покорно поприветствовал его Ранхаш.

– Ну хоть так, – усмехнулся медведь. – Я вам сейчас на стол накрою.

– Я буду есть в кабинете. У меня дела.

Управляющий и лекарь молча проводили поднимающегося по лестнице господина одинаково неодобрительными взглядами.

– Что-то он ещё хуже стал, – заметил управляющий. – Я-то думал, он там с вояками пообтесается и чуть проще станет без наставлений господ-родителей и этого высокородного общества.

– Э, нет, Давий, – с усмешкой протянул Шидай, – это так просто не вытравляется. Ты поесть приготовь, а я ему отнесу. Может, снотворное подсыплю, а то опять утром поспать не даст, засранец!

– Тогда, может, сразу слабительного, – Давий многозначительно поиграл бровями и хохотнул. – Поживее станет.

– Ты что! Он разозлится, – не одобрил Шидай.

– Так на то и расчёт!

– Нет! – твёрдо заявил Шидай. – Учти, я проверю.

Давий недовольно прищелкнул, но спорить не стал.

Расположившись за столом, Ранхаш первым делом достал из нагрудного кармана сложенный пергамент. Расправив лист, он самым тщательным образом осмотрел его и повертел перед лампой, но ничего подозрительного не обнаружил. Только слабый пульс магии.

Что-то останавливало мужчину от написания письма. Неясное пока ощущение слегка царапало его. Ранхашу казалось, что он собирается сделать бесполезное дело, потратить время впустую.

Подождав ещё немного, харен взялся за перо и открыл чернильницу. Рука легко и быстро вывела заранее заготовленные слова.

«Госпожа Амайярида, я хотел бы побеседовать с вами. Это в ваших интересах. Я назначен следователем по вашему делу. Если вам не безразлична ваша судьба – ответьте мне.

Ранхаш Вотый»

Только харен поставил свою подпись, как дверь распахнулась и внутрь с подносом вошёл Шидай. Дверь лекарь закрыл ногой, а поднос сгрузил на столик у окна. Только после этого он повернулся и мрачно, тяжело посмотрел на харена.

– Поешь ты, надеюсь, без моих понуканий? – спросил он.

– Ты мне мешаешь, – спокойное лицо Ранхаша тоже омрачилось, а глаза недовольно прищурились.

– Больше почтения, мальчишка! – прошипел Шидай. – Не забывай, что я тебя ещё щенком в зубах таскал.

Желваки на лице харена напряглись, но он ничего не ответил.

– Я спать, и ты тоже ложись. Нога, наверное, отваливается.

Сочтя свой лекарский долг выполненным, Шидай облегчённо вздохнул и, мечтательно улыбнувшись, направился к двери.

Голос харена остановил его у самого порога.

– Ты обещал, – напомнил Ранхаш.

Лекарь непонимающе посмотрел на него, но потом просветлел лицом и улыбнулся.

– А-а-а, сказочка на ночь про господина Ишыя? Точнее, про его невестку Юару? Да там ничего интересного. Она была родной сестрой моей жены.

Лицо харена изменилось. Глаза чуть расширились, и в них мелькнуло что-то похожее на сожаление.

– Ясно, – поспешно ответил он.

– Да? – Шидай удивлённо приподнял брови. – И ты больше ничего не хочешь знать?

Ранхаш прямо посмотрел на него и спросил:

– А ты хочешь рассказать?

Шидай солнечно улыбнулся.

– Нет. Спокойной ночи.

Дверь за ним закрылась, и наступила тишина.

Харен ещё некоторое время просидел неподвижно, а затем повёл плечами, размял шею и тихо, почти неслышно вздохнув, откинулся на спинку кресла. Приподняв левую ногу, он несколько раз согнул и разогнул её и вздохнул уже чуть тяжелее. Брови раздражённо сошлись на переносице, и мужчина устало прикрыл глаза.

Когда Шидай через четверть часа заглянул в кабинет, чтобы забрать поднос, то обнаружил, что еда не тронута, а господин спит, откинув голову на спинку кресла. Некоторое время лекарь стоял в задумчивости, но потом решил, что слишком устал, чтобы тащить харена в постель. Вместо этого он ушёл и через несколько минут вернулся с одеялом. Тщательно укрыв спящего господина, Шидай осторожно отодвинул стол и аккуратно поднял и разместил больную ногу на свободном стуле.

– Мальчишка! – недовольно прошипел он напоследок и, забрав поднос, вышел из комнаты.

Харен проснулся в полночь, когда внизу раздался звон часов. Некоторое время он сонно хлопал глазами, смотря на пятно света на потолке, а затем перевёл взгляд на стоящий поодаль стол. Лист продолжали украшать только строки, написанные им. Выпростав руку из-под одеяла, Ранхаш притянул стол ближе и в очередной раз взгляделся в пергамент.

Этот бывший жених ему что-то недосказал. У письма есть какая-то хитрость, но какая?

Всматриваясь в лист, Ранхаш невольно отметил чёрточки и овалы, словно вытесненные на бумаге. Наверняка остались после предыдущих переписок. Он видел среди документов показания господина Виидаша, которые тот подписал своей рукой. Запоминающаяся подпись. Решительная, витиеватая, можно сказать, вдавленная в бумагу. Это многое говорило о темпераменте её обладателя. Вероятно, за каждое дело он брался со всей горячностью. И писал так же, с горячностью. Перья у него наверняка долго не жили, ломаясь и расщепляясь на конце.

Ранхаш поднёс письмо ближе к глазам, и неожиданно зрачки его расширились, а ноздри хищно раздулись. Пергамент и одеяло полетели на пол.

Харен встал и стремительно шагнул к двери, но затёкшая нога подвела его, и он был вынужден опереться на кресло. Ноздри опять хищно раздулись, но более ничем он не выразил своих эмоций. Продолжить путь он смог только через несколько минут, но за дверь так и не вышел: в коридоре слышались чьи-то шаги и тихое покашливание. Сменив направление, Ранхаш добрался до окна, распахнул его и плавно выскользнул наружу.

Глава 6. Неоправданная надежда

Домой Майяри возвращалась уже по темноте. Тошкан и вернувшийся Бешка рвались проводить её, но девушка решительно отказалась. Раньше одна мысль о возможной прогулке в одиночестве по ночному Гава-Ыйскому лесу вызвала бы у неё настоящую панику, но сейчас Майяри ощущала какое-то отрешённое спокойствие. Именно такое странное бесстрашие владело ею, когда она возвращалась три месяца назад из Санариша. Ей было так плохо, что встреча с болотными тварями её нимало не волновала. В этот раз было так же. Майяри даже казалось, что если прямо сейчас перед ней выскочит какой-то зверь, она просто отмахнётся от него, как от надоедливой собаки, и продолжит свой путь. Но прогулка выдалась спокойной.

Сильно похолодало и чувствовалось приближение мороза. Из рта густым облаком вырывался пар, но Майяри не мёрзла. Пальцы её стыли, в промокших сапогах неприятно зябли ноги, но девушке это не доставляло неудобства. Наоборот, ей казалось, что царившая свежесть бодрит её и приносит ясность в ум.

Ночь выдалась светлая, двоелунная. Лес слегка светился зелёными, голубыми и красновато-оранжевыми огнями. Не так сильно, как по весне и лету, но всё же достаточно ярко, чтобы в их сиянии голые ветви приобретали сходство с уродливыми длинными руками. Не хватало только плотной пелены голубого тумана, от земли лишь шла лёгкая мертвенно-молочная испарина. Неподготовленного наблюдателя это зрелище могло бы испугать. Майяри тоже посещало по-мистически суеверное чувство, которое ранее она испытывала, оказавшись ночью на троллём кладбище: причудливые силуэты огромных деревьев, каменных глыб и устрашающе-неказистых памятников могли тронуть и менее живое воображение. Но сейчас девушка наслаждалась увиденным и везде находила красоту. В груди поселилось лёгкое ощущение удовольствия, крылатое и звенящее. Своими крыльями оно щекотало Майяри изнутри, вызывая на её лице улыбку. Что может быть замечательнее прогулки по столь живописному месту? Тем более в такое прекрасное время. Звери поздней осенью становились менее активны, привыкая после летнего тепла к холоду, и предпочитали пережидать ночные заморозки в логовах. А кто-то из них готовился к спячке и берёг нагулянный жирок.

Прогулка была ещё прелестнее и оттого, что отделяла девушку от дома, где она наконец останется наедине с письмом.

Майяри хотела его выбросить. Это был первый порыв, который посетил её после выхода за ворота деревни. Она долго стояла на берегу ручья, смотрела в его слегка синеватые воды и сжимала в руке злосчастное письмо. В конце концов, девушка всё же запихнула его обратно в карман и зашагала в сторону дома. Не могла она так просто оборвать эту связь. С Виидашем её связывали слишком крепкие чувства. Подобные по силе эмоции она испытывала ещё только к двум персонам: одного любила, другого ненавидела.

Но заставить себя развернуть письмо Майяри не смогла. Да и не пыталась. Наоборот, она сознательно оттягивала этот момент, словно бы наслаждаясь ожиданием Виидаша и не испытывая по этому поводу ни малейшего стыда. Ведь если Виидаш написал после заявления, что он не будет ей отвечать, значит, у него что-то произошло. Не вытерпел и решил признаться? За него взялись дознаватели? Узнал что-то важное по делу об ограблении сокровищницы? Суть письма была для Майяри неважна. Она просто понимала, что о чём бы ни написал Виидаш – это важно, и он ждёт её ответа.

А она не хотела отвечать.

Она только сегодня проснулась от того опустошения, в которое обратил её поступок Виидаша, и не хотела опять переживать это.

Впереди вырисовался силуэт кособокого дома. Откровенно говоря, избушка Майяри в ночи выглядела более жутко, чем окружающий её лес. Тёмная, покосившаяся, без единого

живого огонька, что украшали ветви деревьев. Так и чудилось, что сейчас скрипнет, отворяясь, дверь, и из тёмных сеней на неё глянут жёлтые глаза старика-людоеда. Майяри зябко поёжилась. В детстве ей почти всегда на ночь рассказывали страшные сказки, после которых она глаз сомкнуть не могла.

Хорошее настроение, которое подарила прогулка, исчезло. Майяри почувствовала, что с каждым шагом к дому она становится похожей на него: угрюмой и мрачной.

Деревья рядом с её жилищем не светились, поэтому, перелезая через забор, Майяри порвала юбку. К испорченному настроению прибавилась детская обида на окружающий мир. Девушка мысленно обругала себя за излишнюю чувствительность и решительно вымела всё поганое из головы. Внутри появилась напряжённость, но в целом стало спокойнее, появилось высокомерное равнодушие к снующим рядом неприятностям.

Тёмные сени со скрипучими половицами всколыхнули было в девушке страх (в голове опять всплыли детские сказки), но она решительно пересекла комнату, даже не запалив светляк. Во второй и последней комнате Майяри на ощупь нашла стол и, пошарив по нему, наткнулась на короб с горячительными камнями. Камни оказались едва тёплыми, но стоило один из них поднести к лучине, как бока его нагрелись, и Майяри поспешила выронить камешек обратно в короб. Комнату осветил слабый огонёк. Укоренившись на тонкой деревяшке, он заплясал бодрее, и из темноты наконец вынырнуло скудное убранство.

Вещей здесь было прискорбно мало. В углу, слева от двери, скособочившись, стояла печь, сложенная, вероятно, в незапамятные времена. Её украшали свежие заплатки кирпича и глинистого раствора. Трубу, выскобленную от ржавья почти до дыр, закрывал нестройный ряд горшков и тарелок. Некоторые из них были даже почти новые.

Сразу за печью вдоль стены стояла широкая лавка, устеленная ворохом тщательно выстиранного, но очень старого тряпья, служившего девушке постелью. Рядом с единственным маленьким окошком расположились крепко сбитые стол и табурет. В углу справа от двери недвижимым памятником прежним хозяевам темнел большой деревянный сундук, трухлявый, рассыпающийся, но всё ещё неподъёмный. А по центру комнаты чёрным квадратом лежала крышка погребка.

Но Майяри была довольна своим обиталищем. Раньше здесь было ещё хуже. Когда она только поселилась тут, то части крыши не было вообще, а сени можно было просмотреть, не заходя в дом, – через дыры в стенах. Девушка кое-как приспособила большую комнату для житья, но с наступлением зимы тут стало совсем худо. Это садовники уже потом поправили стены, настелили новую крышу, которая, впрочем, немного протекала, заменили полы и вычистили погреб. Печь Майяри уже чинила сама: местные считали, что очагом может заниматься только хозяин дома. Потом девушка уже разжила посудой, тёплой одеждой, съестными заготовками, заполнившими полки в погребе, и такими приятными бытовыми мелочами, как горячительные камни. Быт скромный даже по местным меркам, но Майяри радовало и это. Главное, что в щели не дует.

Безжалостно смятое письмо девушка просто бросила на столешницу и, плюхнувшись на табурет, неприязненно уставилась на него. Неприязнь сменилась стыдом перед безвинной бумагой, и Майяри осторожно разгладила лист, избегая глазами написанного.

– Прости, – извинилась Майяри перед бумагой, – я не на тебя злюсь, а на того, кому так бездумно подарила твоего брата.

Она всегда с жалостью относилась к своим творениям. Окружающие редко вызывали у Майяри приятные эмоции, поэтому девушка изливала свою потребность в привязанности на вещи. С этим же письмом её связывало много прекрасных и смешных воспоминаний.

Изначально Майяри даже не думала создавать что-то подобное. Она просто хотела помочь оболтусу Виидашу сдать экзамен, чтобы он всё же поехал со всей группой на практику в Прийшский военный гарнизон, а не остался на всё лето в Санарише, готовясь к пере-

сдаче. Этот идиот прогулял больше половины занятий, пользуясь равнодушием преподавателя к посещаемости, и совершенно не старался нагнать упущенное. Майяри тогда устроила ему знатную головомойку: всё общежитие тряслось. Неудивительно, что после подобного преподавателя озадачились, когда Виидаш вполне хорошо сдал экзамен. Они-то о его готовности слышали совсем иное.

Майяри очень не хотелось ехать на практику без своего друга: с однокурсниками она почти не общалась. Но за оставшееся время Виидаш не успел бы подготовиться. И тогда Майяри придумала нечто гениальное по своей простоте. Взяв формулу, которую в артефактологии использовали для соединения различных предметов, она наложила её на два листа бумаги, но соединять их не стала. По итогу вышло, что они стали вроде единым целым, но продолжали существовать в форме двух различных листов. Далее девушка наложила формулу идентичности, используемую для слияния структур предметов уже после их соединения, и создала не очень длинную связку-цепь между этими двумя предметами. В результате она имела два листа бумаги, определяемых как один предмет. Если проткнуть один из них, то протыкался и второй.

Экзамен был сдан, и Виидаш поехал со всеми на практику. Правда после её прохождения в школе их ждал неприятный сюрприз: мастер Милим разгадал их хитрость. Наказали обоих, а Виидаша заставили пересдать экзамен. И он его сдал! Разозлённая Майяри впихнула в него все требуемые знания за два дня и две ночи.

Впоследствии она доработала своё творение, превратив его в своеобразное письмо, которое не нужно было никуда отправлять и долго ждать ответа и которое сохраняло в себе всю предыдущую переписку. Они с Виидашем называли его просто – Письмо.

Посидев ещё немного, Майяри всё же опустила глаза и взгляделась в строчки. Губы её дрогнули, когда она узнала знакомый почерк.

«Твоим делом занялись Вотые! Если ты ещё в Салее, то беги отсюда! Сегодня у меня был Ранхаиш Вотый. Так вот, он уже знает о письме и потребовал, чтобы я отдал его! Я вынес ему старую зеркалку, которую мы делали к экзамену, но это надолго его не обманет. Он Вотый! Думаю, у меня есть недели две до следующего его прихода. Наверняка он уже отдал письмо своим магам, а те вряд ли справятся быстрее. Ведь даже мастеру Милиму понадобилось почти три недели. Напиши мне, когда прочтёшь это. Я уничтожу свою половину».

Майяри овладело глухое раздражение. В других обстоятельствах сообщение Виидаша насторожило и напугало бы её. Вотые были хорошо известны. Само их имя стало синонимом изворотливости, беспрецедентного ума, поразительного чутья, потрясающего умения добиваться желаемого и раздражающего упорства. Неудачи не смущали членов этой семьи, а только раззадоривали. Меньше всего ей хотелось бы оказаться в центре внимания представителя рода Вотый.

Но сейчас Майяри даже не вспомнила об этом. Разочарование кольнуло её. Всё же она ждала объяснений.

Порывшись в очаге, девушка вернулась к столу с угольком и замерла над письмом. Эмоции всплёскивались в ней тягучей лавой, но она медлила. Ей столько всего хотелось написать Виидашу, но в то же время девушка не была уверена, что имеет право упрекать его. Обвинить его в том, что он полюбил другую? Одна мысль об этом заставляла Майяри чувствовать себя жалкой и ничтожной. Упрекнуть, что он предал её, изменил? С губ Майяри сорвалась усмешка. Она не была с ним откровенна, в его голове могли возникнуть сомнения в ней. Несмотря на боль, она не могла обвинить Виидаша. Он слишком долго был её другом и только потом стал возлюбленным.

«Это всё?»

Майяри не боялась, что Виидаш уже уничтожил своё письмо. Если бы он это сделал до того, как она увидела его предупреждение, то строки этого послания так и не дошли бы до неё.

Видимо, Виидаш ждал её ответа. На поверхности пергамента одна за другой начали торопливо возникать буквы.

«Всё? Майяри, что с тобой? Способность здраво мыслить отказала тебе? Это Вотье!»

Майяри порывисто вскочила и заметалась по комнате. Ей нестерпимо хотелось лично от Виидаша узнать, что произошло в его жизни. Казалось, без этого признания она не была способна жить дальше. Вернувшись к столу, она всё же решилась.

«Меня больше интересуешь ты. Виидаш, тебе же есть, что мне рассказать?»

В этот раз ответ пришлось ждать дольше.

«Да, есть».

Всего два слова и ничего больше. Майяри уже решила, что Виидаш этим и ограничится, но по бумаге опять поползли строки.

«Ты уже знаешь? Боюсь, что знаешь. Я никогда не мог ничего от тебя утаить».

«Я была на твоей свадьбе больше трёх месяцев назад. Прочитав твоё послание, я так перепугалась, что бросилась в Санариш. Я думала, ты попал в беду. Переживала. Корила себя. А пробравшись на территорию твоего дома, оказалась рядом с радостным событием. Поздравляю. Она красива. Я видела её раньше в школе среди учащихся-артефактчиков. Рена, верно?»

Майяри словно воочию увидела нервно вышагивающего по комнате Виидаша. Он часто делал глупости, о которых потом жалел и не знал, как сказать ей. И всегда очень нервничал, бросал на неё виноватые взгляды. Только нервничает ли он сейчас или просто испытывает досаду?

«Прости, Майяри я не могу попросить даже прощения: не чувствую, что достоин просить об этом. Я запутал тебя и запутал себя. Это всё моя вина. Я правда любил тебя. И люблю. Но я перепутал эту любовь с другой любовью. Я всё напутал».

Напутал? Майяри сцепила зубы, чтобы не расплакаться. Она вдруг остро ощутила, как сильно хотела быть любимой. Чтобы её любили настолько сильно, что для остальных ничего бы не осталось! Но другую полюбили сильнее! Почему ей опять не повезло? Почему хотя бы раз в её жизни что-то не сложится удачно?

Глубоко вздохнув, Майяри зажмурилась, загоня слёзы вглубь, и старательно потащила себя прочь от бездны отчаяния. Надо быть упорной! В её жизни уже была удача: она же смогла бежать шесть лет назад. Не стоит падать духом. Сколько раз её предавали, сколько раз обманывали! Виидаш хотя бы стыдится. Но, боги, от его поступка больше, чем от всех предыдущих неудач вместе взятых!

«Почему ты не сказал сразу? К чему было то странное письмо о предательстве? Неужели ты не понимал, что я буду переживать за тебя и думать, что ты по-прежнему любишь меня, ждёшь? Я ведь продолжала тебя любить тогда, когда ты уже полюбил другую. Это справедливо?»

Буквы дрожали и прыгали, строки шли вкривь и вкось. Майяри сцепила дрожащие пальцы и вперила взор в пергамент. Строки возникали на нём стремительно, а буквы скакали даже сильнее, чем у неё.

«Я не мог тебе сказать! Да, мне было стыдно признаться! Но, Майяри, я боялся и за тебя! Ты оказалась в таком положении, и я знаю, что являюсь твоей единственной поддержкой. Являлся... Я не знал, как ты отреагируешь. Я боялся, что это сломит тебя, что ты совершишь какую-то глупость, сдашься властям! Я не мог врать тебе, себе, Рене... Но я не мог и сказать! Я не мог подобрать слов. Майяри, я трус, но мы с тобой так долго были друзьями, и я не хотел и не хочу потерять нашу связь. Я написал то письмо в отчаянии. Я не знал, что делать. Я не мог оставить Рену, не хотел терять и подвергать опасности тебя,

боялся признаться и стать в твоих глазах предателем. Но именно предателем я себя и чувствовал! Я опять всё сделал неправильно. Это всё моя вина и...

Письмо оборвалось. Несколько минут Майяри ожидала продолжения, но его не было. Видимо, Виидаша отвлекли.

Горячность и эмоциональность частенько толкали Виидаша на необдуманные поступки. Нередко он потом затруднялся даже назвать причины своих действий. Майяри нравилась эта его черта, хоть она и ругала друга за неразумность. Эта черта была искренней, честной. Мгновенный отклик на что-то. Именно поэтому Виидаш всегда очень плохо врал: ему было сложно скрыть свои эмоции. А Майяри очень ценила искренность. Могла ли она подумать, что эта горячность и сиюминутные порывы когда-нибудь доставят боль ей?

Она сама оказалась виновата в своей боли, возложив на Виидаша надежду на то, что совместно они смогут переломить её прошлое и стать счастливыми. Влюблённость затмила ей глаза, на мгновение заставив позабыть, какие именно сложности им пришлось бы преодолеть. Полюбив Виидаша, она стала немного похожей на него. И она была счастлива от этого.

Склонившись над письмом, Майяри написала последние строки.

«Забудь. Я смогу это пережить. Я очень рада, что у меня был такой друг и возлюбленный, как ты. Ты подарил мне много прекрасных воспоминаний».

Отложив уголь, Майяри прерывисто вздохнула и спрятала лицо в ладонях. Но почти тут же отняла их и вскочила.

– Надежда... надежда... – лихорадочно бормотала она. – Ничего, судьба переломится.

Только надежды уже не будет. Будет уверенность! Она просто продолжит идти вперёд, пока не дойдёт до цели.

Глава 7. Обманутый харен

Виидаш лихорадочно царапал пергамент пером, выписывая строки. Волосы его были всклоочены, а лицо болезненно кривилось.

– Тёмные! – в сердцах выдохнул он и отбросил перо.

Некоторое время мужчина в тупой безысходности смотрел на написанное, а потом опять потянул руку к письму.

Как-то ему сказали, что он очень похож на своего прадеда в молодости. Юного оборотня разозлило сравнение с желчным стариком, и он вспылал. Но сейчас Виидаш ясно понимал, как прадед стал таким. Он путался, путался так же, как сейчас Виидаш, но был или слишком горд, чтобы признать это, или слишком боялся осуждения, как и его правнук. Груз вины и неразрешённых ошибок отравлял жизнь Виидашу уже сейчас.

Он коснулся кончиком пера пергамента, когда до его слуха донёлся тихий шорох. Вскинувшись, молодой оборотень осмотрел гостиную, в которой уединился, и задержал взгляд на распахнутой балконной двери. Ночной ветер раздувал занавеси и тихо звякал подвесками хрустальной люстры. Виидаш принюхался и медленно приподнялся со своего места. За полупрозрачной развевающейся занавесью очертился чей-то тёмный силуэт. Незванный гость приблизился к распахнутой двери и неслышно шагнул в тускло освещённую гостиную. Глаза Виидаша удивлённо распахнулись, и он невольно шагнул в сторону, закрывая собой стол.

Господин Ранхаш молча смотрел на него исподлобья, в жёлтых глазах клубилось мрачное недовольство. Кровь в жилах Виидаша взволнованно вскипела, и он опять почувствовал себя учащимся, которого мастер поймал за очередной проделкой. Радостный азарт вскружил голову, а лёгкий страх вызвал дрожь в груди. Виидашу всегда нравилось это состояние. Оно частенько толкало его на необдуманные поступки в стремлении продлить этот всплеск возбуждения. Но сейчас молодой оборотень поспешил его задавить.

– Доброй ночи, – вежливо поприветствовал его господин Ранхаш.

– Харен? – Виидаш старательно добавил в свой голос недоумение и раздражение. – Что вы делаете здесь в такое время? И почему вы пришли через окно?

Ранхаш ничего не ответил, только посмотрел на сжатые в кулаки пальцы Виидаша. Взгляд этот оказался настолько красноречив, что молодой мужчина вздрогнул.

– Мне не хотелось беспокоить вашего прадеда своим визитом, – сам харен выглядел возмутительно спокойно. – У меня возникли вопросы по поводу письма.

Виидаш почувствовал злость на свою неспособность контролировать собственные эмоции: он ощутил, как к лицу горячей волной приливает кровь.

– Что не так? – раздражённо спросил он. – Всё же очень просто. Вы не можете написать пару строк? Если Майяри не отвечает, то помочь я ничем не могу.

– И она не ответит, верно?

Как? Как он узнал об обмане так быстро? Даже очень хорошему магу понадобилось бы больше недели, чтобы разобраться с предназначением письма.

– Майяри очень упряма, – постарался взять себя в руки Виидаш. Он же ещё не был уверен, что харен обо всём знает. – Если она решит не отвечать, то ничто не изменит её решение. Вы напрасно тратите время.

Опустив ресницы, он украдкой скопил глаза на пылающий камин и опять распахнул веки. Камин был на другом конце комнаты, а нужно было ещё сделать шаг назад и стащить со стола письмо. Если не успеет добежать, то нужно хотя бы порвать пергамент. Это не помешает харену воспользоваться им, но доставит дополнительные трудности.

Но Вотый словно прочувствовал его настрой. Виидаш ещё не успел шагнуть назад, как Ранхаш подался корпусом вперёд. Молодой оборотень пригнулся и, оскалившись, метнулся

ему навстречу. На пальцах выдвинулись когти, и он полоснул харена ими по груди. Тот легко отклонился назад, затем шагнул вперёд, развернулся и, оказавшись в объятиях барса, ударил того локтем в солнечное сплетение. Виидаш задохнулся и отшатнулся, но почти тут же опять закрыл стол собой, яростно бросаясь на противника.

Разница в опыте оказалась колоссальной. Через секунду Виидаш полетел на пол. Сильная ладонь вдавила его лицом в ковёр, а заломленный локоть натужно заныл. Шеи коснулись чужие волосы, и над ухом раздался холодный голос.

– Очень смело, но глупо.

Виидаш приглушённо рассмеялся.

– И как же вы поняли? – в заглушённом ворсом голосе слышалась злость. – Неужели Майяри права и я совершенно неспособен лгать?

Харен не ответил. На мгновение его рука перестала давить на затылок Виидаша, и он даже дёрнулся вверх, но в следующую секунду ребро ладони ударило его сбоку по шее чуть ниже и впереди уха. Свет в глазах померк, и молодой оборотень уткнулся лбом в ковёр.

Ранхаш выпрямился и шагнул к столу. Взгляд его уткнулся в строки, которые возникали на пергаменте сами по себе, и мужчина, стремительно подавшись вперёд, вцепился руками в стол. Глаза его вспыхнули, ноздри яростно раздулись, даже уголки губ дёрнулись в торжествующей улыбке, но в следующий миг оборотень уже взял себя в руки и вернул лицу прежнее спокойствие. Аккуратно сложив лист, харен убрал его в карман и неспешно шагнул в сторону балкона.

Шидай стоял посреди пустого кабинета и недовольно смотрел на брошенное одеяло. Одет был лекарь только в портки, и оставленная без присмотра лампа бросала блики на мускулистые руки, сложенные на груди, и серебрила дорожку седых волос, которая, волнуяще курчавясь, шла от пупка и пряталась за поясом его единственного одеяния.

– Ну и где этот поганец?! – сквозь зубы процедил он и шагнул к распахнутому окну.

Лежащего на траве господина он не обнаружил, да и не надеялся обнаружить. Было не так уж и высоко, всего второй этаж, но с больной ногой и ступенька – уже сложное препятствие.

Неожиданно дверь распахнулась, и Шидай быстро развернулся. Ранхаш, шагнувший уже в кабинет, замер, но, узнав в полуголом красавце своего лекаря, расслабился и направился к столу.

– Мог бы через дверь и уйти, – желчно заметил Шидай. – И записку хотя бы оставить! А то я проснулся, а тебя и след простыл.

– Мне нужно было пойти одному, – спокойно парировал Ранхаш, усаживаясь в кресло. – Без тебя и пары десятков тайно следующей охраны.

– Какая охрана? – ненатурально возмутился Шидай.

– Не морочь мне голову, – сдержанно попросил Ранхаш, – и лучше поговори с дедом. Его опека меня уже раздражает.

– Да кто я такой, чтобы приказывать всемогущему Шереху? – поразился лекарь и поразился опять-таки не очень искренне.

– Его друг, – напомнил Ранхаш, доставая и разворачивая письмо.

Шидай счёл за благо замять тему и подался вперёд, с любопытством рассматривая лист.

– Что это?

– Письмо Амайяриды Мыйм.

– Что? – Шидай с недоумением взглянул на лист, который уже украшал почерк его господина, но потом его лицо озарило понимание. – Этот мальчик пытался тебя обмануть? – разве-селился оборотень. – А он мне нравится... И как ты догадался?

Харен молча отложил в сторону пергамент, который Виидаш отдал ему днём, и на его место положил другой. Разница сразу бросилась Шидаю в глаза. Он даже обошёл стол и встал за спиной господина, чтобы получше рассмотреть.

Первый лист выглядел почти новым, только несколько царапинок украшали его, а на поверхности едва проступали очертания букв. Им пользовались от сил раз или два. А второй лист выглядел весьма потрёпанно: многочисленные царапины, которое обычно оставляло перо, расчерчивали его как шрамы, оттиски ранее написанных букв накладывались друг на друга, края пергамента выглядели замусолено. Шидай в очередной раз поразился способности Ранхаша подмечать такие мелкие, но значительные детали.

Ранхаш быстро переписал заготовленный текст и, отложив перо, откинулся на спинку кресла. Брови его едва заметно сошлись на переносице, выдавая недовольство. Этот мальчишка отнял у него много времени, а ему ещё нужно многое обдумать.

Вдруг уха его коснулся горячий шёпот.

– Ранхаш, ты закончил?

Голос Шидаю звучал вкрадчиво, почти ласково. Озноб прошёл по спине харена, и он рванулся вперёд, почти ложась на столешницу, но сбежать не успел. Растопыренные пальцы, как когти хищной птицы, схватили его за затылок. По волосам скользнул голубой всполох, и Шидай поспешил обхватить уснувшего господина за плечи, чтобы он не ударился лбом о чернильницу.

Довольный собой, лекарь подхватил Ранхаша под мышки, легко выдернул его из кресла и, наклонившись, взвалил на плечо. Уже сделав шаг от стола, мужчина вернулся назад, сгрёб письмо и, небрежно запихнув его в карман харена, отправился укладывать уставшего господина в постель.

Глава 8. Паника, воспоминания и неожиданный гость

Майяри нащупала пальцами ног уступ и, упираясь в него, подтянулась наверх.левой рукой девушка ухватила за похожий на нос выступ, а правой – за края трещины. Перед глазами замаячил ярко-фиолетовый ворсистый цветок. Выпустив край разлома, Майяри осторожно обхватила яркую чашечку и, подтянувшись, зубами перекусила стебель. Рот наполнил водянистый сок, от которого через несколько секунд занемел язык. Девушка убрала добычу в мешок на поясе и полезла выше, к следующему фиолетовому пятну, одиноко горящему на склоне.

Тошкан смотрел на распластавшуюся по склону девушку с открытым в восхищении ртом. Сам он наверх лезть даже не пытался и остался сторожить сапоги Майяри, поражаясь, как ловко девушка ползёт вверх в подвязанной до колен юбке. А началось всё с того, что он пожаловался на то, редко попадаются большеголовки. От зубной боли они даже сильны помогают, да только высоко растут. Не достанешь.

Майяри только посмотрела на пламенеющие на высоте пятна, подвязала к поясу мешок и края юбки и, сбросив с ног сапоги, велела Тошкану немного подождать. За какие-то пару десятков секунд она поднялась на три сажени.

Девушка добралась до очередного цветка, перекусила стебель и полезла ещё выше. Туда, где дрожал лепестками последний большеголовик. Тошкан вдруг сообразил, что забралась Майяри слишком высоко, и распереживался. А ну как упадёт?

Долезла Майяри до цели, впрочем, благополучно, и не торопясь начала спускаться. В сажени от земли её подхватил под мышки Тошкан и опустил на траву.

– Ты где так выучилась? – поражённо спросил он.

Майяри весело улыбнулась и загадочно пожала плечами. Щёки её покраснелись, глаза горели радостью, и ей хотелось пуститься в пляс. Ощущение собственной силы и ловкости пьянило её, перед глазами всё ещё стояли пожелтевшие шапки деревьев, которые она видела с высоты, а на губах ощущался вкус ветра: холодный, свежий, с частичками каменной пыли. Девушка с силой растёрла замёрзшие пальцы и поспешила к оставленным сапогам.

– А всё же где? – не отставал Тошкан.

Майяри уже привычно напряглась. Но царившая на душе лёгкость перешла и на язык. Даже если она ответит, как далеко её слова смогут уйти от этого места? Гава-Ыйские болота казались ей другим миром, в который не так-то просто попасть.

– Я выросла в горах, – ответила она наконец. Волнение охватило её и вызвало дрожь. Когда она последний раз откровенничала с кем-то?

– Горах?

Видя, что Тошкан не понимает её, Майяри пояснила:

– Это место, где много-много таких Каменных Порогов. Они куда выше, больше. Их вершины вздымаются к небесам, а на самых высоких из них круглый год лежит снег. По их склонам сбегают стремительные реки, они падают с огромных высот и разбиваются о камни. А в глубоких ущельях – это очень большие трещины в земле – можно найти и леса, и водоёмы...

Майяри умокла. Перед внутренним взором опять пронеслись величественные горные пейзажи, а онемевший язык почувствовал вкус хрупчатого снега, что покрывал вершины. Какой бы нестерпимой ни была её жизнь в тех местах, она всё равно скучала по этим суровым и прекрасным видам.

– Скока собрали! – восхищённо протянул Тошкан, заглядывая в мешок, ворот которого оттопыривался на поясе Майяри.

Крупные фиолетовые ворсистые цветки издавали сочный запах, и Майяри, посмотрев на них, ощутила укол жалости. Стоило ли столько рвать? Они же могли и дальше цвести на склоне и радовать глаз.

Холодный ветер напомнил девушке, что близится зима и цветы всё равно бы загубил холод. А Тошкан им точно пропасть не даст. Все пойдут в дело. Отцепив мешок, Майяри впихнула его в руки Тошкана и потянулась к чулкам.

– Я к себе пойду, – пропыхтела она. – Можешь меня не ждать.

– А мож, зайдёшь? – Тошкан неловко помялся на месте. – Откушаешь хоть, стены посмотришь.

Девушка отрицательно мотнула головой и, закончив с чулками, потянулась к сапогам.

– Стены я утром посмотрела, так что давай без меня.

Майяри просила деревенских сообщать ей, если со стенами, а точнее со знаками на них, что-то произойдёт. Те заметили некую странность, и девушка сегодня увидела, что свежие брёвна, на которых она собственноручно вырезала знаки, начали каменеть. Удивительно!

Но если утром она горела желанием разгадать эту загадку, то сейчас от него осталось только пепелище. Лазанье по склонам вызвало у Майяри не только лёгкость и радость, но и нечто тёмное, что глодало её.

– Ну как знаешь! – махнул рукой Тошкан. – Но ежели возжелаешь, вечерять приходи.

– Хорошо.

Натянув сапоги, Майяри некоторое время наблюдала за удаляющимся мужчиной, а потом перевела взгляд на поросший кустами и лишайником склон. Опять захотелось почувствовать звенящее напряжение в руках и полюбоваться на мир с головокружительной высоты. Но Порог был не настолько высок, и это слегка отравляло настроение Майяри.

Девушка чувствовала, что в её жизни наступил поворотный момент. Недосказанность с Виидашем ранее словно держала её на одном месте и не позволяла взглянуть вперёд. Сейчас же оковы и пелена спали, и Майяри остро ощутила, что нужно что-то предпринять. Но её терзали сомнения.

Уходить с болот не хотелось.

Гава-Ыйские болота были страшным и жутким местом на первый взгляд, но это место приняло Майяри, дало ей защиту и даже заботу. И всё же девушка сомневалась, что стоит оставаться тут и дальше. Что её может ждать здесь? Тихая и мирная жизнь, которая, возможно, закончится в зубах одной из тварей, дружелюбные соседи, противные разбойники... Приятный, но ограниченный мирок. Рано или поздно ей станет тесно. Да и такая жизнь не соответствовала желаниям Майяри: она хотела изменить свою судьбу, переломить её, а сидя в болоте, она просто будет скрываться от рока. Нужно жить дальше. Жить, бороться и побеждать.

Только вот бегать ей тоже надоело. Майяри бегала, даже иногда не зная точно, от кого именно бежит. Как с этой историей в Санарише. Когда за ней заявили в общежитие, девушка сбежала, так и не разобравшись, стража ли это была или кто-то другой в облике стражи. А кто преследовал её от Санариша? Стража? Те, другие? Или все разом? Даже если уходить с болот, то куда? Путь в крупные города ей теперь точно закрыт. Да и может ли она знать, когда, где и с кем встретится? Скрываясь сразу от четырёх сторон, всегда чувствуешь себя в облаве. А если попробовать покинуть Салею? Сможет ли она вообще перейти границу? Майяри казалось, что именно там её все и поджидают. Действительно, куда ей ещё податься? Её ищут по всей стране в четыре загребущие «руки», и только две из этих «рук» знают о существовании друг друга и действуют совместно. Остальные же не догадывались о существовании конкурентов и из-за этого плотнее смыкали «пальцы», опасаясь, что девушка ускользнёт. Майяри приходилось действовать с большой осторожностью, чтобы, убегая от одних, не привлечь внимание других. А сейчас у неё даже амулетов нет! Майяри зашипела от досады и, поднявшись со своего места, направилась домой.

Топая через лес, девушка пришла к выводу, что у неё теперь есть только два пути: остаться здесь и продолжать прятаться или всё же попробовать пересечь Салею и навсегда покинуть её. В стране Майяри всё равно больше ничего не держало. А то, что она искала раньше, девушка уже отчаялась найти.

Майяри запоздало поняла, что не стоило вспоминать о Виидаше в таком ключе. Она опять почувствовала себя опустошённой и ужасно одинокой. На самом деле, если бы у неё не было Виидаша, как долго бы она просидела на болотах? Неделю? Две? Вероятно, даже меньше. Переждала бы, когда погоня уйдёт дальше или вернётся назад в город, и потопала бы в сторону границы. Но Майяри осталась. Хоть Гава-Ыйские болота и были опасны как место для схрона, но преследователи не сунулись бы дальше Каменного Порога. Относительно безопасное укрытие недалеко от Санариша, где остался возлюбленный... Она не хотела быть слишком далеко от Виидаша. Вот дурочка!

Перескочив через забор, девушка быстро пересекла дворик и поднялась на крыльцо. Дверь жалобно закрипела, и сердце Майяри дёрнулось словно бы от боли. Привязалась она. Вон, уже дом жалеет. Опять он будет заброшен и лишён заботы. Шагнув в сени, девушка увидела привязанные к потолку веники трав, заготовленные ею для травяных настоев на долгую зиму, и едва сдержала слёзы. Тёмные, видимо, никуда она отсюда не уйдёт!

Лёгкость окончательно покинула её, и Майяри мрачно потопала в комнату. Запахнув в топку поленья, девушка разожгла печь и заглянула в горшок с остывшей похлёбкой. Оранжевая гуща пахла весьма заманчиво, но аппетит не проснулся. И всё же Майяри направилась к столу, чтобы приготовить его к обеду.

Она не подходила к нему с прошлой ночи. Письмо продолжало одиноко лежать под затушенной лучиной. Майяри только свернула его из опасения, что Виидаш что-нибудь ответит: не хотелось больше ничего знать.

Едва коснувшись пергамента, девушка отдёрнула руку. Лист согрел её пальцы жаром. Всё же ответил. Помедлив, Майяри развернула письмо, и холод окатил её спину. Почерк был незнакомым.

Слова выстраивались в спокойно-ровные ряды и ложились на бумагу очень аккуратно. Но Майяри почему-то сразу бросились в глаза по-хищному острые кончики букв.

«Госпожа Амайярида, я хотел бы побеседовать с вами. Это в ваших интересах. Я назначен следователем по вашему делу. Если вам не безразлична ваша судьба – ответьте мне.

Ранхаш Вотый»

Девушка отбросила письмо и отшатнулась от стола. Кровь стремительно прилила к голове, пальцы задрожали, а во рту пересохло. С трудом сглотнув, Майяри сделала ещё один шаг назад, словно на столе не лежало безобидное письмо, а качался зловонный бахвинный паразит. Бежать! Ей нужно бежать!

Ранхаш стремительно вынырнул из сна и резко сел на кровати. Впрочем, почти тут же ему пришлось лечь обратно на подушки: затёкшую ногу прострелило болью и он едва не поморщился. В окно било высоко сидящее в небе солнце, а в спальне царило сонное умиротворение. Тело благодарно ныло и советовало поспать ещё немного: неумолимый хозяин редко давал поблажки.

Полминуты харену потребовалось на то, чтобы вспомнить о событиях прошедшей ночи и слегка взволноваться. Лицо его при этом немного оживилось, а глаза забежали по комнате, словно мужчина ожидал увидеть здесь кабинетный стол, а на его столешнице – письмо. Откинув одеяло, Ранхаш обнаружил, что раздет до портков. Одежды же нигде не было видно. Вероятно, Шидай отдал её слугам. Харен наугад приподнял подушку и обнаружил письмо под ней. Взволнованность ушла, и он, взяв лист в руки, медленно развернул его. Собственное послание

исчезло, и пергамент был чист. Брови харена слегка сошлись на переносице, и он осмотрел письмо с обеих сторон, словно надеясь найти какую-нибудь подсказку.

Дверь распахнулась, отвлекая Ранхаша от его занятия, и выпустила внутрь довольного собой и жизнью Шидаю.

– Проснулся, – жизнерадостно констатировал лекарь. – Как спалось? Отдохнул? Я вот наконец-то отдохнул, – последнее прозвучало с лёгкой укоризной, как намёк на то, из-за кого он не имел возможности отдохнуть раньше.

Ранхаш лишь мрачно посмотрел на него, что нимало не смутило мужчину.

– Я просил больше так не делать, – холодно напомнил он.

– Я тоже о многом просил, – не усовестился Шидай. – Если ты сам игнорируешь чужие просьбы, не ожидай, что к твоим будет больше внимания. Как нога?

– Хорошо.

– Правда? – засомневался лекарь и, опустившись на кровать, накрыл ладонью коленную чашечку господина.

Сильные и чуткие пальцы сноровисто ощупали её, а также ногу выше и ниже. Короткие всплески боли вспыхивали под кожей, но на лице Ранхаша это никак не отражалось. Впрочем, на реакцию господина Шидай и не ориентировался.

– Шрам потом нужно будет убрать, – лекарь обрисовал пальцами края багрово-белой области, которая занимала всё колено, напоздало на бедро и голень.

Это было всего лишь небольшим свидетельством того, что когда-то нога была почти оторвана.

– Всё же, Ранхаш, ты везунчик, – усмехнулся Шидай. – Встретить на болотах лекаря, который оказался способен враз справиться с такой раной... А ведь мог бы совсем без ноги остаться.

Ноздри Ранхаша недовольно шевельнулись. Тема была под запретом, но Шидаю было сложно хоть что-то запретить, и он нет-нет да и вспоминал события трёхмесячной давности, когда они занимались облавой на Гава-Ййских болотах. Разбойники так сильно там расплодились, что, осмелев, начали устраивать набеги на ближайшие поселения. Ранхаш вместе со своим отрядом теней был отправлен на устранение этой проблемы.

И болота едва не забрали его. Преследуя разбойников, он натолкнулся на одно из болотных чудищ. Оно не разбирало, кто истинный злодей, и, раскидав и преследователей, и преследуемых, скрылось. Ранхаш плохо помнил, что было дальше. Ужаснейшая боль туманила рассудок. Он пытался подняться, но не мог. Что там было с ногой, он тоже не помнил, но Шидай утверждал, что нога должна была быть почти оторвана. Страшные повреждения и болота вокруг.

Откуда она там появилась? Шидай осторожно выражал сомнения в её существовании – всё же Ранхаш тогда плохо воспринимал действительность – но харен был уверен, что его нашла девушка. Что за девушка? Почему она была одна? И как она смогла справиться с раной в одиночку за такой короткий срок? Лекарь всё же думал, что была она не одна. Он знал только одного лекаря во всей Салее, способного справиться с подобными ранами в одиночку. И это был личный лекарь хайнеса.

Несмотря на то, что увиденное сохранилось в памяти харена лишь мутным образом, тот испытывал уверенность в том, что его спасителем была девушка. Шидай был поражён тем, с какой горячностью Ранхаш пытался разгадать тайну своего спасения, но ни среди разбойниц, ни среди жительниц ближайших поселений он не нашёл никого, кто мог бы соответствовать его смутным воспоминаниям. А тайны Ранхаш не любил.

К тому же в этой истории было нечто совсем странное. Когда харена обнаружили, рана на его ноге была залечена не полностью: отсутствовала кожа и связанные с ней мелкие кровеносные сосуды. Вместо них рану покрывал толстый слой оранжевой мази. И под этой мазью

стремительно росла новая плоть. Завораживающее и жуткое зрелище. Эта тайна также осталась полностью неразгаданной.

Но как бы там ни было, Шидай был благодарен неведомому помощнику или помощникам харена. Одна из связок была сращена неправильно, но нога сохранилась. В иных обстоятельствах всё могло сложиться хуже. А связку Шидай уже потом поправил.

Но это было, по заверениям самого лекаря, неблагодарным и бесполезным трудом: господин совершенно не пытался соблюдать предписания и начал ходить на три недели раньше, чем того бы хотел Шидай. Только сращённые связки и мышцы не выдержали такого обращения, и теперь Ранхаш рисковал остаться хромым на всю жизнь. И это мало его волновало.

Ранхаш вывернул колено из пальцев лекаря и поднялся.

– И куда мы сегодня? – полюбопытствовал Шидай.

Помедлив, харен всё же ответил:

– К данетию городской стражи, а потом в сыск.

Шидай поморщился и страдальчески протянул:

– Стар я для всего этого...

Когда харен через полчаса спустился вниз, его уже ждал накрытый к обеду стол. Завтрак он благодаря Шидаю проспал. Но, шагнув в столовую, Ранхаш резко остановился и вперился взглядом в сидящего за столом мужчину. Невысокого, хорошо сложенного, с прямыми серыми волосами до плеч и жёлтыми глазами. Типичный Вотый! Ещё и смазливый. Причём красота его была чувственная, отдающая сладострастием.

Мужчина непринуждённо работал вилкой и ножом и выглядел весьма довольным. Ранхаш медленно повернулся и посмотрел на Шидаю почти с яростью, чем изрядно того повеселил.

– А я-то причём? – тихо спросил лекарь, хотя лукавая улыбка заставляла сомневаться в его искренности. – Это же не лично ваш дом, здесь могут остановиться и другие члены семьи.

– Доброе утро, Ранхаш! Как спалось? – мужчина оторвался от еды и ехидно улыбнулся харену. Глаза его лукаво прищурились, а на серых ресницах, словно огонёк, сверкнуло солнце.

– Доброе, ВIKAN, – с трудом откликнулся Ранхаш. Лицо его опять стало бесстрастным, но троюродного брата это не обмануло.

Отодвинув тарелку, ВIKAN откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

– Ты не рад мне, – весело заметил оборотень, – а я ведь к тебе с братской помощью и поддержкой.

– Обойдусь, – сухо отрезал Ранхаш.

– Не-а, – уверенно покачал головой ВIKAN, – не обойдёшься. Меня прадед к тебе в помощники направил. Так что я весь в твоём распоряжении.

Аппетит у харена резко пропал. Шидай с трудом сдерживал улыбку. Двух более разных оборотней, чем Ранхаш и ВIKAN, сложно представить. И, как совершенно непохожие личности, они друг друга невероятно раздражали.

– Супчик? – ВIKAN вопросительно приподнял брови и стрельнул глазами в сторону супницы.

Только Шидай и заметил, как нервно дёрнулся мизинец его господина.

– О, дядя Шидай, – ВIKAN улыбнулся лекарю. – Давно не виделись. Вы помолодели.

– Лстец, – усмехнулся лекарь. – С таким господином, как твой брат, я просто обязан усохнуть и сморщиться от волнения и беспокойства.

– Но тем не менее вы цветёте.

– Не расточай мёд, я не барышня. Ранхаш, что ты замер? Садись и ешь. У тебя сложный день впереди.

ВIKAN ехидно слушал, как Шидай командует его троюродным братом.

Помедлив, харен всё же шагнул вперёд и занял место во главе стола. Шидай оценил напряжённую атмосферу, но всё равно спокойно покинул столовую. Какие бы отношения ни были между этими двумя, разборки они устраивать не будут. Ранхаш уж точно посчитает ниже своего достоинства реагировать на подначки брата, который был младше него почти на сто сорок лет.

За дверь в коридоре обнаружился Давий. Хмыкнув, оборотень кивнул на дверь столовой и прошептал:

– Как вовремя господин Викан приехал, не находишь?

В ответ по губам лекаря расплзлась шkodливая улыбка.

– Я Шереха попросил его прислать, – признался он. – Ранхашу не мешает общение с ним. У Викана же самая дурная репутация в семье.

Давий хохотнул и одобрительно похлопал Шидая по плечу.

Глава 9. Начало охоты

Через четверть часа Ранхаш и Шидай уже отъезжали от ворот особняка. Лекарь несколько обеспокоенно смотрел в окно и в недоумении хмурил брови.

– Куда ты дел Викана? – наконец спросил он.

– Отправил с письмом к данетию Трибану, – холодно ответил Ранхаш и исподлобья посмотрел на лекаря. В непричастность Шидаю к появлению Викана он ни капли не верил. Но доказать обратное не мог.

– Викана? С письмом? – поразился Шидай.

– А что такого? – Ранхаш высокомерно приподнял брови. – Его отправили в помощь мне, вот пусть и помогает. У сыскарей ещё куча нераскрытых дел. Пусть поработает над ними.

Шидай опустил веки, скрывая вспыхнувшее в глазах веселье. Деятельный ВIKAN, привыкший лезть к Тёмным на рога, взвояет на такой нудной работе. Вряд ли данетий поручит ему что-то интересное и захватывающее. Припадет к какой-нибудь грязной работёнке. Всё же ВIKAN – не начальник, а очередной подчинённый, отданный на растерзание самим хареном.

Ещё через четверть часа экипаж заехал во двор перед гарнизоном городской стражи и остановился напротив внушительного серого здания, напоминающего оборонительную крепость. Видимо, о возможном прибытии харена здесь были предупреждены. Стоило Ранхашу ступить на мостовую, как один из часовых круто развернулся и, чеканя шаг, скрылся за дверями, а стража на стенах и воротах вытянулась в струнку.

– Твоя слава бежит впереди тебя, – с насмешкой заметил Шидай. – Думаю, в сокровищнице нас тоже уже ждут с дымящимся травяным настоем. И везде теперь ждут.

Ранхаш едва заметно сдвинул брови. Прадед ведь наверняка понимал, что с его славой только розыскной работой заниматься: едва заслышав, что на пост главы сыска поставили Ранхаша Немилосердного, все предполагаемые преступники залягут на дно или разбегутся по другим городам.

В мрачном холле их уже ждал высокий грузный мужчина с длинными усами, спускающимися ниже подбородка. Взгляд у него был истинно медвежий: тяжёлый и угрюмый. Даже не нужно было гадать, к какому виду оборотень относится.

– Харен Ранхаш? – хрипло уточнил он.

– Да, – коротко ответил харен.

– Данетий Варий. Пройдёмте в мой кабинет, – и, не теряя более ни секунды, развернулся и потопал к лестнице.

Комнату, в которую он привёл харена и его личного лекаря, лишь условно можно было назвать кабинетом. Полутёмное помещение с отсыревшими стенами, по центру которого стояли крепкий стол, жёсткое деревянное кресло и два табурета. Данетий молча переставил кресло на место одного из табуретов, выделяя лучшее место для харена, но его, к изумлению оборотня, занял улыбающийся лекарь. Харен же вовсе не стал садиться и встал у окна, с мрачным видом рассматривая раскинувшийся внизу двор.

– Как долго вы занимаете свой пост? – неожиданно спросил Ранхаш.

Данетий нахмурился и опустился на скрипнувший под его немалым весом табурет.

– Двести тридцать два года, – прохрипел он.

– Солидно, – холодно заметил харен. – Амайярида Мыйм. Её можно было задержать? Или остановить её было не в силах городской стражи?

Данетий почесал голову, но юлить не стал, ответив, как есть.

– Можно было. Если бы заранее знали, чего от неё ожидать. От магов же всегда больше пустых проблем, чем пользы. Сильных среди них один на две сотни, если не меньше, а колдовство их требует слишком длительной подготовки. Мы сами-то мага держим больше потому,

что по штату положен. А у неё, видать, всё подготовлено было. Только мы заявились, как нас тут же шарахнуло. Сам там был, – оборотень опустил глаза. – Ахрелий, хранитель сокровищницы, другом моим был. Думал сам поганку за волосы притащить, но меня же потом из-под обрушившегося потолка откапывали. А она уже за стены городские улепетнула. До Жишек её гнали, а дальше след словно растворился. И ни видал её никто. На драконах всю округу прочесали, все берлоги разворошили, но даже волоса не нашли. Помогал ей кто-то, – уверенно заявил данетий. – Сама она впопыхах так следы бы не зачистила. Хоть что-то, но осталось бы!

– Жишки... – задумчиво повторил Ранхаш и перешёл к стене, где висела отсыревшая карта, больше похожая на отслоившуюся штукатурку.

Жишки находились в тридцати вёрстах на юге от Санариша. Процветающая деревенька, он проезжал через неё по дороге в город. Местность там открытая, на пятнадцать вёрст вокруг никаких лесов. И где там могла скрыться человеческая девчонка, которую загоняли лучшие ловчие Санариша? Даже если она смогла оторваться от преследователей на пять или десять вёрст, то три десятка оборотней всё равно бы рано или поздно что-то нашли. Если бы он сам не видел прошлой ночью бегущие по пергаменту строки, то усомнился бы в том, что она вообще жива.

– Изображение её есть? – через плечо спросил Ранхаш.

– И не одно, – данетий поднялся и из вороха бумаг вытащил два свитка. – Вот этот нарисовал парнишка, который в школе магии учится, а вот этот один пьянчуга, оказавшийся художником. Он с попойки возвращался в ту проклятую ночь, когда она на него выскочила. Это уже после её побега из школы было. Зачем-то она рвалась на Лосиные тропы. Упрямо пыталась туда добраться, пока мои парни все пути не перекрыли. Наверное, там её подельники ждали.

Данетий сперва развернул рисунок ученика, а затем разложил рядом с ним работу пьяного художника. Обе они были выполнены углём и казались мало похожими друг на друга. На первом свитке была изображена девушка, чинно сидящая на стуле. Платье и волосы были в спешке едва намечены, а вот лицу юный художник уделил больше внимания. Резкие черты, высокие скулы, жёсткая складка губ и пронзительные тёмные глаза, решительно смотрящие на присутствующих в комнате.

– Не очень похожа, – признал данетий, – но характер налицо.

А на втором свитке была изображена девочка. Это было первое впечатление. Здесь художник уделил больше внимания своему собственному впечатлению от встречи. Девушка была изображена в облаке развевающихся волос и одежд с распахнутыми от ужаса глазами и приоткрытым ртом. Харен задержал взгляд на изображении, но затем всё же отдал внимание более реалистичному образу.

– Этот размножить и разослать по всем деревням, заставам и сторожкам на сто вёрст вокруг Санариша, – распорядился он.

– Да где ж я столько малюев найду? – опешил данетий.

Харен холодно посмотрел на него, и данетий решил, что где-нибудь да найдёт.

– Если она исчезла рядом с Жишками, значит, нашла хорошее укрытие, – харен очертил пальцем название деревеньки. – Ваши отряды прочёсывали местность ещё три месяца. Вряд ли она осмелилась высунуться.

– Но потом-то мы ушли, – заметил данетий. – Она могла уже раз сто смыться, если действительно всё это время была рядом с Жишками, – признавать это оборотню не хотелось. Одна мысль, что они просмотрели сидящую где-то недалеко девчонку, заставляла его скрипеть зубами.

– Что-то мне подсказывает, что она всё ещё где-то рядом, – протянул Ранхаш.

– Вы думаете, что она замыслила что-то ещё? – подобрался данетий.

Что бы ни подумал харен, свои мысли он предпочёл держать при себе.

– Мне нужно поговорить с вашим магом.

Просьба немного озадачила главу городской стражи.

– Это несложно устроить. Его лаборатория в левом крыле. Я провожу вас.

В левом крыле оказалось куда суше и солнечнее. Старенький маг встретил их очень радушно, словно дедушка давно не заглядывавших к нему внуков. Данетий хотел было остаться, но харен только посмотрел на него, и оборотень стремительно шагнул в коридор и закрыл за собой дверь.

– Садитесь, садитесь, – улыбаясь, скрипел маг.

Выглядел он настолько старым, что было сложно даже предположить, какой именно зверь сидел внутри него. Сухонький, прямой как жердь, с длинной, до пояса, седой бородой и такими же длинными волосами. Выцветшие светлые глаза, то ли серые, то ли голубые, то ли зелёные, лукаво поблёскивали, рассматривая Ранхаша.

– Сразу видна порода Вотых, – протянул он. – Вы не стойте. Может, хотите что-нибудь выпить?

– Благодарю, нет, – сухо ответил Ранхаш, присаживаясь. – Я хотел поговорить с вами по делу Амайяриды Мыйм.

– О! – восторженно выдохнул старик, переставляя на стол поднос с дымящимся чайником и вазой с яблоками. – Замечательное дело! Интересное, запутанное, неоднозначное. Самое то для молодого пытливого ума.

Шидай, до этого прохаживающийся по комнате и с интересом осматривающийся, бросил на мага любопытный взгляд. Но тот выглядел вполне здраво для своего солидного возраста, и лекарь опять вернулся к осмотру. Кабинет мага в противовес кабинету данетия был наполнен солнечным светом и теплом. Вдоль стен стояли высокие застеклённые шкафы, пространство по центру занимали столы с ретортами, склянками, стопками книг, инструментами и кипами бумаг.

– Вы занимались осмотром комнаты Амайяриды? – продолжил Ранхаш.

– Я, кроме меня, больше никому, – солнечно улыбнулся маг, присаживаясь на стул. – Весьма одарённая девочка. Я просматривал её учебные записи. На первый взгляд ничего необычного, но потом обращаешь внимание на то, с какой уверенностью она использует свои знания. Как жаль... – улыбка соскользнула с губ старика. – Среди нас редко появляется кто-то с таким выдающимся потенциалом. Она бы могла раскрыться ещё больше и стать невероятным талантом! – маг мечтательно прикрыл глаза. – Но, увы, мы всегда теряем лучшие возможности. Хотя вас, вероятно, интересует не это, – спохватился старик.

– Да, – сдержанно подтвердил Ранхаш. – Вы обнаружили что-то необычное?

– В моём возрасте уже сложно встретить что-то необычное, – маг зашёлся трескучим смехом. – В её комнате было мало личных вещей.

– Что? – не понял харен.

– У неё было мало вещей, которые бы говорили о ней, как о личности, – пояснил старик. – Одежда неказистая, украшений никаких, даже не оказалось милых девичьему сердцу безделушек. Только несколько подарков от жениха. Наверное, это можно назвать странностью. Всё же она прожила там три года...

– Действительно странно, – согласился с ним Шидай.

– А что произошло со стеной?

– О, весьма занятная вещь! – расцвёл старик. – Можно было бы предположить, что она заранее нанесла на стену взрывную печать, но я не обнаружил никаких следов. Возможно, она нанесла её на какой-то предмет, который унесла с собой. Лично я бы так и сделал. Это очень удобно, можно даже воспользоваться ею ещё раз.

– Наверное, в молодости вы знатно чудили, – усмехнулся Шидай.

– Ну, дело быстрое, – лукаво отмахнулся маг и вернулся к рассказу о взрыве. – Стену вынесло изнутри, частично обвалился потолок, а сама девушка спрыгнула через дыру вниз и пошла петлять по городу. Городок наш не очень большой, но она всё же умудрилась запутать наших молодчиков так, что они в родных стенах заблудились и чуть сами себя не потеряли. Всё же талант у неё изумительной тонкости!

– Да, талант у неё есть, – куда менее восторженно согласился с ним Ранхаш и опустил руку в карман. – И мне хотелось бы знать, какие границы у этого таланта.

На стол лёг сложенный пергамент, и Шидай заинтересованно подался вперёд.

– Это артефакт, созданный Амайяридой, – пояснил Ранхаш. – С помощью него она могла переписываться со своим женихом, находясь далеко от него. Мне хотелось бы знать, на какое расстояние простирается это «далеко».

Маг с воодушевлением подался вперёд и ласково погладил бумагу.

– Какой гениальный ум! – продолжал восторгаться он, поднося лист к глазам. – Похоже, души, жившие в древние времена, наконец-то начали опять возрождаться.

Он что-то прошептал, и письмо сердито вспыхнуло оранжевым. Старик хмыкнул.

– Судя по вложенной в него магии, оно может действовать на расстоянии не больше тридцати вёрст. Скорее меньше. Точнее я могу сказать после тщательного обследования.

– С обследованием придётся подождать, – Ранхаш протянул руку. – Оно мне сейчас нужно.

Старик разочарованно вздохнул и вернул пергамент. Харен тут же убрал его в карман.

– Господин... – Ранхаш к своему лёгкому удивлению запнулся, но маг поспешил на помощь.

– Абрерий, – представился он.

– Господин Абрерий, вы бы смогли справиться с этой девушкой при столкновении?

– Что вы! – маг затрясся смехом. – Я слишком стар, чтобы упражняться в ловкости и быстроте с молодостью.

– Мне нужен маг достаточно сильный, чтобы справиться с подозреваемой, – открыто сказал харен. – Но не преподаватели из санаришской школы.

– Не доверяете... Но у нас есть кое-что получше, – лукавая улыбка морщинками разошлась по лицу господина Абрерия. – Наверное, только столичный гарнизон может похвастаться подобным. Хаги, – почти сладострастно выдохнул он.

– Что? – брови Ранхаша напряжённо сошлись на переносице, а Шидай удивлённо взглянул на престарелого мага.

– Мой давний-давний друг попросил пристроить его правнука на службу, – продолжил маг. – Тот явно маялся от безделья и доставлял кучу проблем, и прадед решил, что служба и жизнь вне общины могут пойти ему на пользу. Разве мог я упустить такой шанс?

Хаги! Ранхаш резко откинулся на спинку стула. Действительно, редкая удача. Хаги предпочитают жить в своих общинах и выманить их весьма сложно. А тут хаги среди городской стражи.

– Их силы принципиально отличаются от сил магов, – продолжал вещать господин Абрерий. – Они не ограничены, как мы, сложными действиями и куда сильнее и способнее нас. И как бы талантлива ни была Амайярида, против хаги она не выстоит. Только, – старик поморщился, – наш хаги редкостный обалдуй и горазд больше девок портить, чем службу нести! Я вам его сейчас покажу.

Встав, старик направился не к двери, а к окну и ткнул пальцем куда-то вниз. Подошедшие Ранхаш и Шидай увидели крышу пристройки, на которой, закинув руки за голову, спал молодой мужчина. Он был до неприличия смазлив, весьма высок и хорошо сложен.

– Ну с такой внешностью грех девок не портить, – выступил на защиту парня Шидай.

По лицу красавчика блуждала довольная улыбка. Волосы его отливали на солнце чистым золотом, насыщенным и ярким, одна нога была закинута на колено другой, а рядом с бедром лежала початая бутылка вина.

Маг вернулся к столу и, взяв яблоко, опять подошёл к окну. Коротко размахнувшись, он весьма сноровисто метнул плод. Тот врезался парню прямо в лоб. Резко подскочив, мужчина охнул и на заднице покатился вниз по крыше, в самый последний момент успев упереться подошвой в чуть изогнутый край. Бутылке повезло меньше. Расплёскивая своё содержимое рубиновым дождём, она полетела вниз.

Парень резко вскинул голову, и ярко-зелёные злющие глаза уставились на мага.

– Старый маразматик! – грохнуло в воздухе.

Маг польщённо хохотнул.

Шидай продолжал хохотать всю дорогу до сокровищницы.

– О, Ранхаш, – проникновенно протянул лекарь, – он так мне напомнил тебя в двадцать лет! Нет, ну господин Абрерий просто невероятен! Надеюсь, в его возрасте я буду обладать таким же тонким чувством юмора.

Ранхаш лишь сдержанно вздохнул и первым покинул экипаж.

Рядом со светлым приземистым зданием сокровищницы было очень тихо. Где-то с дальних улиц долетал шум, но здесь слышались только шелест деревьев и слабое хлопанье флага, развевающегося на шпиле.

Ранхаш прошёл вперёд и внимательно осмотрелся. Он специально велел вознице подъехать к зданию со стороны заднего двора. Согласно отчётам, хранителя нашли на улочке, прилегающей именно к заднему двору. Предположительно старик пытался спасти ценности и именно там его нагнали и убили.

Харен не спеша подошёл к ступенькам, ведущим к скромной двери, и присел на корточки, осматривая выбоины.

– Есть что-то? – поинтересовался Шидай.

Ранхаш поднялся и отрицательно мотнул головой.

Он уже шагнул к двери, когда его внимание привлёк тихий звук. Неявный, но чужеродный в этой шелестящей тишине. Словно что-то мягкое мазнуло мостовую.

Медленно обернувшись, он увидел, что в проёме ворот замерла большая кошка светлой дымчато-серой расцветки с кольцеобразными узорами на шкуре. Длинный пушистый хвост ещё раз медленно мазнул мостовую, а затем барс пригнул голову и угрожающе зашипел. Глаза зверя полыхнули ненавистью, и он стремительно бросился вперёд.

Глава 10. Неисправимые ошибки

Зверь за секунду преодолел половину двора и распластался в прыжке. Шидай было дёрнулся в сторону харена, но тот шагнул вперёд и слегка пригнулся, приготовившись поймать барса. Но этого не потребовалось.

Словно бы из ниоткуда к кошке стремительно метнулся мужчина с короткими чёрными волосами. Он врезался в бок зверя, и они покатались по мостовой. Барс разъярённо зашипел и вцепился когтями в противника, но тому так же словно бы из ниоткуда бросились на помощь. Ещё двое мужчин подскочили к катающему по двору клубку и навалились на зверя.

Ранхаш мрачно посмотрел на Шидаю.

– Действительно, никакой охраны, – в холодном голосе звенел сарказм.

Лекарь изобразил чистейшее недоумение.

– О чём вы, господин? Это, вероятно, стража сокровищницы.

Эта маленькая ложь была почти тут же раскрыта.

К Ранхашу с поклоном подошёл четвёртый мужчина и попросил:

– Харен, не могли вы пройти внутрь, пока мы разбираемся с этой проблемой?

Взгляд его скользнул по левой ноге Ранхаша. Оборотень отвёл глаза почти тут же, но харен был очень внимателен. Ничего не ответив, он шагнул вперёд, к ярящемуся зверю.

Охранники в полном молчании прижимали изворачивающееся животное к мостовой, едва не ломая ему лапы. Черноволосый оборотень, изрядно ободранный и укушенный в плечо, сноровисто ощупывал хребет зверя, а затем, найдя нужную точку, надавил на позвонки, смещая их. Барс шипел, глаза его возмущённо распахнулись, и всё его тело выгнуло. Раздался треск смещаемых и ломаемых костей, туловище зверя начало укорачиваться и истончаться, лапы – удлиняться, мягкие подушечки вытягиваться пальцами. Морда вмялась внутрь, слегка вытянулась книзу, а уши безжалостно смялись. Шерсть начала укорачиваться и исчезать, словно втягиваясь в кожу. Через минуту стало понятно, что нападавшим была не кошка, а кот.

Охрана продолжала прижимать к мостовой дрожащего Виидаша Ишый. Парень всё ещё пытался выкрутиться и бросал на харена ненавидящие взгляды.

– Ого, – выдохнул Шидай. – А я грешным делом на мгновение решил, что это Ерон.

На его лице застыло странное выражение. Напряжённо нахмутив брови, лекарь будто что-то вспоминал. Затем в его глазах мелькнуло сожаление, быстро сменившись уже привычным весельем.

– Господин Виидаш, – Ранхаш, прихрамывая, подошёл ещё ближе и присел рядом с удерживаемым оборотнем на корточки. – Чем обязан столь странному визиту?

Парень яростно выдохнул, почти выплёвывая воздух.

– Чем? Харен, вы украли у меня кое-что!

Шидай не удержался от восхищённого присвиста и внимательно посмотрел на своего господина. Тот глядел на посмеявшегося обвинить его в воровстве наглеца с совершенно нечитаемым лицом. Просто смотрел ледяными глазами в горящие ненавистью глаза Виидаша. Тот взбесился ещё больше и дёрнулся вперёд.

Ранхаш медленно поднялся, не сводя взгляд с мальчишки.

– Ведите его за мной, – распорядился он и развернулся к сокровищнице.

Новый хранитель встретил харена, за которым вели голого парня, испуганным взглядом. По просьбе главы санаришского сыска он тут же предоставил им пустую комнату, и туда впихнули Виидаша. Тот было дёрнулся к харену, но его силой усадили на стул, а один из охранников встал рядом, недвусмысленно выдвинув когти. Мол, только дёрнись, и я вырву тебе горло. Его товарищ, заметив заинтересованный профессиональный взгляд Шидаю, прикрыл барса ниже пояса своим плащом.

– Господин, за нападение на вас его полагается убить, – тихо сообщил тот охранник, что ранее просил харена уйти с места схватки.

– Да? – сухо протянул Ранхаш, продолжая смотреть на Виидаша. – В каком из законов это прописано?

Охранник немного смутился.

– Господин Шерех... – начал он, но харен бесцеремонно перебил его:

– Шерех Вотый – закон?

Посрамлённый охранник сделал шаг назад и замер у стены.

– Надеюсь, вы возьмёте на себя труд обременить объяснениями ваше обвинение? – холодно поинтересовался Ранхаш, всё так же вымораживая взглядом барса.

Тот усмехнулся, зло и хищно.

– Конечно, – ядовито ответил он. – Вы пришли ко мне ночью как вор и повели себя соответствующе. Вы забрали у меня мою вещь! Моё письмо!

– Я вправе конфисковывать всё, что может помочь найти подозреваемую. В отношении же вас я проявил милосердие, – охранники не удержались и обменялись взглядами, – которое вы совершенно не оценили. По закону я был обязан заключить вас под стражу по подозрению в соучастии. Но, принимая во внимание вашу молодость, безрассудство и незапятнанную ранее честь рода Ишый, я решил оставить без внимания этот инцидент. Вы же, как я вижу, желаете, чтобы восторжествовал закон.

– Письмо, которое могло вам помочь, я отдал! – Виидаш подался вперёд, упираясь горлом в когти. – Но вам этого было мало, и вы забрали то, что забирать права не имели. Видимо, был прав прадед. Он всегда говорил, что для Вотых никакие законы не писаны. Хапаете всё, что плохо лежит!

– Господин Виидаш, не забывайте, – ровно напомнил ему о границах дозволенного харен. – Мне напомнить, что вы сами признали существование этого письма?

– И отдал его! – яростно заявил Виидаш.

– Вы пытались обмануть закон в моём лице, – Ранхаш едва заметно прищурился, – и отдали ложный артефакт.

– Он не ложный! – упрямо заявил Виидаш. – То, что Майяри не отвечает, не моя вина. Или вы настолько самоуверенны и думаете, что она беспрекословно ответила бы на ваше послание?

– Ваше поведение ночью очень явно показало, что я прав в своих предположениях.

– Какое поведение? – брови барса издевательски приподнялись, и он нагло ухмыльнулся. – Неужели вы хотите воспользоваться тем, что у нашего разговора не было свидетелей, и обернуть всё в свою пользу? Моё слово против слова правнука великолепного Шереха, конечно, ничего не стоит, но всё же, чем вы докажете, что это письмо то самое? Да, это артефакт, его создала Майяри, но создала она его для меня и другого оборотня. Чем вы докажете, что вторая половина находится у Майяри?

В комнате воцарилась звенящая тишина. Шидай, прищурившись, с невольным уважением осматривал наглого мальчишку, а харен молчал. Молчал и продолжал смотреть на барса, который даже не пытался скрыть победную улыбку. Действительно, харен, чем вы можете доказать свои подозрения? Возьмите на себя труд обременить объяснениями ваши предположения!

Ранхаш неспешно шагнул вперёд и наклонился, чтобы их с Виидашем взгляды были на одном уровне.

– Забудь. Я смогу это пережить, – тихо произнёс харен.

– Что? – Виидаш насмешливо прищурился, решив, что глава санаришского сыска сдаётся.

– Это то, что она ответила тебе.

Улыбка сползла с лица барса, и он стремительно побелел, а потом и посерел. Глаза его распахнулись и остекленели, словно из тела исчезла душа. Напряжённый оборотень безвольно обмяк на стуле.

Ранхаш выпрямился.

– Ты прав, у меня нет весомых доказательств, что это письмо то самое, – признал харен. – Но я чувствую, когда мне лгут, и ты лгал. Вероятно, я действительно злоупотребил своим положением и злоупотреблю ещё не раз. Но закон для меня не пустой звук. Именно поэтому тебя не упекут за соучастие: доказательств нет. Но три дня за решёткой отсидишь. За нападение.

Харен перевёл взгляд на охранника у стены и распорядился:

– Переправьте его в тюрьму и сдайте на три дня.

Охранник недовольно набычился: старый консер насчёт любых покушений отдал весьма недвусмысленный приказ.

– Я проверю, – добавил Ранхаш и развернулся к двери.

– Повтори, – неожиданно остановил его голос Виидаша.

Ранхаш обернулся и посмотрел на него. На щеках парня появился лихорадочный румянец, а лицо искривила мука.

– Забудь. Я смогу это пережить, – зачем-то исполнил его просьбу харен.

Парень стиснул губы и зажмурился, а затем то ли выдохнул, то ли застонал.

– И всё? – чуть слышно спросил он.

На это Ранхаш отвечать не стал и молча вышел.

Я очень рада, что у меня был такой друг и возлюбленный, как ты. Ты подарил мне много прекрасных воспоминаний.

У него не было желания произносить что-то настолько бессмысленное и наивное.

– Господин, куда вы так несётесь? – его нагнал Шидай. – У нас же по планам допрос хранителя.

– К нему, – коротко ответил Ранхаш.

Лекарь внимательно посмотрел на него и расплылся в понимающей улыбке.

– Не понимаешь и злишься? – предположил мужчина.

Предположение попало в точку. Выдержка изменила Ранхашу, и его лицо раздражённо искривилось. Впрочем, останавливаться и отвечать он не стал.

– Не одобряешь его, – продолжал вещать Шидай. – Навлекает позор на семью, ведёт себя недостойно, продолжает совершать одну ошибку за другой, врёт... Но чувствуешь, сейчас он ведёт себя правильно, верно?

Губы харена раздражённо сжались. Шидай усмехнулся.

– Этот мальчик – твоя полная противоположность... Хочешь, подскажу в чём правильность? – не дождавшись ответа, Шидай продолжил: – Он пытается исправить свои ошибки, хотя и понимает, что уже ничто не исправится. Но пытается, – вздохнув, лекарь добавил: – А вот тебе даже исправлять нечего...

– Прикуси язык! – не выдержал харен и прибавил шаг.

– А может, и есть чего, – с намёком протянул Шидай.

Глава 11. Детали следствия

Допрос господина Идария, немолодого уже оборотня, сменившего убитого господина Ахрелия на посту главного хранителя сокровищницы, не дал ничего нового. Тощий старик трясся под взглядом харена и поминутно показывал свою скорбь по убитому начальнику. До смерти господина Ахрелия он занимал пост всего лишь одного из хранителей и, видимо, опасался, что его посчитают причастным к ограблению.

Он подтвердил всё то, что уже было указано в отчётах. В ночь убийства сработала охранка. Сбои в её работе наблюдались уже месяц: она то начинала тревожно звенеть, когда причин для этого не было, то вообще срабатывала, будучи в отключенном состоянии. Они вызывали мага три раза, но ничего не изменилось. Главный хранитель всё сокрушался, что придётся полностью менять защиту, а они уже перестали вздрагивать, когда охранка срабатывала. Порой, когда главный хранитель отсутствовал, даже ленились пойти проверить, что там. Но господин Ахрелий к своим обязанностям относился с большей ответственностью и в ту ночь пошёл осматривать залы.

Они даже не услышали шум. Всполошились, когда до слуха донёсся звук захлопнувшейся двери. Ночью из сокровищницы строго-настрого запрещалось выходить. Да и стража не выпустит. Конечно же, всё бросились проверять залы и в зале Реликвий обнаружили страшную картину: пол был заляпан кровью, а дверцы трёх схронов оказались вскрытыми. Пропали шесть артефактов.

Главного хранителя потом нашли на улочке за зданием сокровищницы. По следам крови нашли. Господин Ахрелий был уже мёртв. Неизвестный противник нанёс ему три удара: один в правый бок и два в грудь.

– Он был очень смелым, – господин Идарий утёр слезу, – и преданным делу. Мы уверены, что он пытался спасти ценности, но он был слишком стар. Он... – хранитель трагически умолк.

Пока разбирались, почему охрана сокровищницы среагировала так поздно, и посылали за городской стражей, старик-уборщик выдраил место преступления.

– Идиот! – в сердцах выпалил господин Идарий и виновато улыбнулся харену. – Простите, сложно сдержаться. Как вспомню свои чувства, когда увидел идеально чистый зал... Деший неплохой малый, но у него проблемы с головой. На службу его взял господин Ахрелий шесть лет назад. Пожалел. Но Деший своё дело делал и делает хорошо. К сожалению...

Ранхаш пожелал увидеть уборщика, и того сразу привели. Как выяснилось, он действительно был идиотом. Чистенький, но обросший старик диковато смотрел на харена и его лекаря и что-то невразумительно мычал. Говорить членораздельно он мог с трудом и добиться от него ничего не получилось.

Глава охраны сокровищницы тоже ничего нового в дело не внёс. Разобраться, почему его оборотни ничего не слышали в ту ночь и не видели, как на улицу выбежал хранитель, он так и не смог, хотя высказывал предположение, что не обошлось без тифрити⁹. Вероятно, их потом убрали, но тогда возникало подозрение, что кто-то из служителей сокровищницы участвовал в ограблении.

В сыск Ранхаш и Шидай прибыли уже сильно за полдень. По-зимнему короткий день шёл на убыль, сменяясь вечерним сумраком, поднялся холодный ветер, а с неба капал противный ледяной дождик.

⁹ **Тифрити** – сероватые кристаллы неровной формы размером с кулак. Они запрещены законом, сложны в изготовлении и стоят баснословных денег. Кристаллы отражают только то, что было в момент их активации, скрывая, впрочем, того, кто их активировал. При этом они не заглушают звуки. Пример действия: в момент активации был цел пол. После активации пол разобрали, но все, кто заходит в коридор, видят целый пол.

В холле харена поджидал сам данетий Трибан. Выглядел он не очень радостно и недовольно шевелил ноздрями и ушами.

– Харен, мы можем поговорить? – тут же перешёл к делу он.

Ранхаш молча кивнул и похромал по лестнице в свой кабинет.

Только он расположился в кресле, а Шидай примостился на подоконнике, как данетий задал вопрос:

– Вы хотите разослать портреты подозреваемой?

– Данетий Варий уже сообщил вам?

– Конечно. Ему нужно знать, какой формулировкой снабдить портреты. Харен, я не одобряю этого. Если подозреваемая где-то рядом, то эти портреты спугнут её. Мы же ничего не дождёмся. Деревенский народец живёт по принципу не встревания: зачем им чужие проблемы? Даже если увидят, поленятся топтать до заставы.

– Напишите, что опасная злодейка, убивающая оборотней, – находчиво предложил Шидай.

– И живой мы её тогда не увидим, – мрачно ответил ему данетий. – Со страху на вилы подымут или на ключья разорвут.

– Проблема только в этом? – сухо спросил Ранхаш, и Трибан замер, предчувствуя момент позора. – Пропала высокородная госпожа. Добавьте ещё вознаграждение от опечаленных родственников. Надеюсь, это всё?

– Э-э-э, да, – стушевался Трибан.

– Хорошо. У меня тоже есть вопрос, – ледяные глаза харена заставили данетия вздрогнуть. – Почему список украденного известен не занятым в расследовании?

Данетий досадливо поморщился, но не пристыдился.

– Мы предполагаем, что Одаш разболтал, хоть он и отрицает.

– Разве вы не запретили распространять информацию? – вскинул бровь Ранхаш.

– Запретил, – буркнул Трибан. – Для всех был запрет, но по пьяни язык за зубами держать сложно. Думаю, это Одаш, так как по городу ходит слух, что украли камень Обана, комплект из двух лобайских браслетов и ожерелье Сашелии. Это всё, что смог опознать Одаш тогда. Самые известные в народе украшения. Про оставшиеся три предмета знают только у нас, в сыске.

– Ограничьте допуск к информации по этому делу, – распорядился Ранхаш.

– Вы думаете, кто-то из наших... – вскипел было Трибан, но умолк. Чего таить, он и сам об этом подумывал. – Мне отрядить вам в помощь кого-то определённого?

– Мне понадобятся вы сами и кто-нибудь ещё. Желательно кто-то, кто занимается этим делом меньше всех остальных.

– Да мы уже все по уши в нём! – проворчал Трибан. – Могу посоветовать только Варлая. Он меньше нас возился с этим делом, но исключительно потому, что пришёл в сыск лишь полгода назад. Правда, он олух и оболтус.

– Замечательно, – данетий не сразу понял, что одобрение харена Варлай заслужил сроком службы, а не данной характеристикой.

– Может быть, ещё вашего брата...

– Нет, – тихо, но решительно отказал Ранхаш.

В комнате повисло гнетущее молчание. Данетий осторожно посмотрел на лекаря, словно ожидая от него подсказки. Тот лишь весело поморщился.

– Можете привлечь к этому делу Шидаю, – милостиво разрешил харен.

– Что?! – обалдел тот. – Я лекарь, а не следователь!

– У него богатый опыт, – Ранхаш будто бы его и не слышал.

Данетий Трибан окинул возмущённого лекаря придирчивым взглядом и кивнул.

– Господин! – Шидай уставился на Ранхаша, но в этот момент внизу раздался страшный грохот.

Мужчины замерли, напряжённо прислушиваясь. Сквозь пол доносились ругань, возмущённые вопли Варлая и чей-то непринуждённый смех. Шум переместился на лестницу, и через полминуты дверь в кабинет харена с шумом распахнулась. Внутрь кубарем влетел щуплый бородатый мужичонка в облезлом тулупе. Следом за ним вошёл ухмыляющийся ВIKAN в распахнутой чуть ли не до пояса рубахе и небрежно наброшенном на плечи плаще. От оборотня сильно разило вином, а на уголке губ запеклась кровь. Щека же уже начала наливаться синевой.

– Вот он! – победоносно заявил ВIKAN.

– Куда ты его притащил?! – рявкнул данетий. – Живо в допросную!

ВIKAN хмыкнул и, подхватив ошалевшего мужичонку за воротник, поволок прочь из комнаты.

Данетий сообразил, что наорал на брата харена, и взглянул на начальника с мрачным предчувствием. Тот, впрочем, недовольным не выглядел.

– Что за дело вы ему поручили? – поинтересовался Ранхаш.

– Да ничего серьёзного, – отмахнулся данетий. – Шелупонь одну выискать. Повадился пьяных обирать.

– Ясно, – качнул головой Ранхаш. – Дайте ВIKANу что-нибудь посерьёзнее, пока он не спился.

Трибан смущённо кашлянул и сделал зарубку на памяти: не забыть намылить шею новичку за возлияния в рабочее время.

– Вы можете идти, – отпустил его Ранхаш.

Только дверь за данетием закрылась, как улыбка сошла с лица Шида и он мрачно посмотрел на своего господина.

– Учти, если надеешься отвлечь меня расследованием, то зря.

Ранхаш ничего не ответил. Он опять начал делать вид, будто бы лекаря не существовало. Порывшись в бумагах, харен извлёк один лист и вчитался в содержимое.

Камень Обана

Комплект из двух лобайских браслетов

Ожерелье Сашелиш

Перекрестный кулон Хведа

Колье из розового кварца магианы Овеи

Кольцо Дамма

Камень Обана был подчёркнут как наиболее важная из украденных вещей.

Ранхаш подумал и очертил ногтем ещё один предмет из списка.

Глава 12. Прощание

Покинуть болота Майяри решила только на пятый день после получения послания от Ранхаша Вотого. Нет, первым её побуждением было уйти немедленно. Она только-только решила, что будет делать со своей жизнью дальше, только начала строить планы, а тут это письмо. Появилось ощущение, будто бы враг её уже нашёл, окружил и теперь шлёт издевательские послания, лентясь захватывать её силой. В панике девушка едва не схватила первые попавшиеся вещи и не бросилась искать брешь в окружении.

Успокоиться удалось с большим трудом. Обхватив себя дрожащими руками за плечи, Майяри просидела в этой позе до позднего вечера, пока к ней не постучался Бешка, решивший вытащить её в деревню на какой-то местный праздник. Копчёным мясом от него пахло так, словно он специально стоял над коптильней, чтобы запах уж наверняка выманил нелюдимуую лекарку. Увидев его, Майяри неожиданно выпалила:

– Мне уходить нужно.

– Надолгось? – деловито уточнил Бешка.

Девушка сглотнула.

– Насовсем.

Мужик озадаченно почесал голову, а затем и бороду.

– Ежели так, то попрощаться со всеми надо, – наконец пришёл он к выводу.

Решение оказалось замечательным во всех смыслах.

Узнав об отъезде, бабы заохали и начали собирать вещи. Мужики уточнили, не нужно ли чего, и пообещали вывести с болот в обход всех разбойных лёжек. Тех с последней облавы осталось очень мало, но разрастались они быстро.

Все эти хлопоты отвлекли Майяри от её панических мыслей. Мирная суета напомнила ей время, когда они, школьники, собирались на практику по окончании учебного года. В общезжитии царил весёлый гвалт, раздавались хохот и возмущённые вопли, в коридорах громоздились вещи.

В её сенях тоже громоздилась гора вещей, и унести она могла только треть из них. Остальное уж никак, она же не на лошади. Пришлось выбирать только самое необходимое.

Но, несмотря на лёгкость, с которой её отпустили местные жители, расставание для Майяри прошло тяжело. Впервые в жизни она так сильно не хотела покинуть нажитое место. Она никогда не привязывалась. Не позволяла себе этого. И не хотела. Одной, без корней, проще. Но она умудрилась успеть пустить бледные тонкие корешки в этой болотной почве. Рвать их было страшно и жалко.

Пришлось напоминать себе о Ранхаше Вотом. Но он и сам о себе напоминал. За пять дней он написал ещё два послания. Последнее, пришедшее на пятый день, Майяри даже разозлило.

«Госпожа Амайярида, я знаю, что вы читаете мои письма. Ответьте. Не стоит усугублять своё положение. Рано или поздно мы всё равно встретимся, это неизбежно. Вы уже обречены».

Послание пришло утром, и Майяри, перечитывая его снова и снова, едва сдержалась от того, чтобы не смять письмо. Хотя зачем сдерживаться? Этот клочок бумаги больше не несёт в себе что-то хорошее, не связывает её с чем-то приятным. Скорее даже наоборот. И всё же какая удивительная самоуверенность! *«Вы уже обречены...».*

– Да я обречена с самого рождения! – в сердцах процедила девушка и порывисто свернула свиток.

– Майяри! – громыхнул снаружи Бешка.

Майяри испуганно вздрогнула, но, опомнившись, подхватила мешок и бросилась на выход.

На улице её ждали Тошкан и Бешка. Оба добродушно улыбались, отчего Майяри стало совсем тошно.

– Чаво это у тебя с лицом? – дружески подначил её Тошкан. – Не иначе реветь решила? Ну будет тебе!

Майяри всё же позорно шмыгнула носом, и Бешка, смущённо кашлянув, приобнял её за плечи.

– Да чего уж там, – промямлил он. – Если Всеблагим будет угодно, свидимся ищо. Пошли, пока окончательно не стемнело.

Уже вечерело, и Гава-Ыйский лес медленно наливался огнями. Майяри отстранилась и первой направилась в сторону Каменного Порога.

Они никуда не торопились. Мужчины громко разглагольствовались и посмеивались, Майяри молчала и улыбалась. Беседа сперва казалась натянутой, но после Каменного Порога ожилилась и потекла более непринуждённо. Бешка и Тошкан обсуждали, где почва уже достаточно плотна, чтобы выдержать саженец бахвинного дерева, вспоминали, все ли делянки убраны, а то замёрзнет нежная трава; в одном месте и вовсе остановились, горячо споря, стоит ли рубить паразита у бахвина Мешки или пусть ещё подрастёт. Майяри их не подгоняла и терпеливо ждала. Она не торопилась. А когда путь их пришёл к концу, замялась.

– Ну, бывай, – Тошкан крепко, от души, прижал девушку к груди. – Знать не знаю, чего тебя ждёт, но болота тебя не обидели и тот мир не должен обидеть. Мож, и свидимся ищо.

– Спасибо, – едва выдавила из себя Майяри.

Бешка выглядел смущённым – не привык он к таким нежностям – но девушку обнял едва ли не крепче, чем друг.

– Захаживай, ежели сможешь, – сдавленно попросил он. – За избёнкой твоей приглядим, крышу ей новую сладим... Захаживай.

Майяри не выдержала и всхлипнула. Оторвавшись от Бешки, она стремительно пошла прочь, но через десяток саженей всё же остановилась и обернулась. Тошкан и Бешка продолжали стоять и смотреть ей вслед. Ободряюще улыбнувшись, они помахали девушке, и она скрепя сердце помахала в ответ. Фигуры мужчин медленно заволакивал туман, с приходом темноты засиявший голубоватым светом. Майяри шагнула спиной вперёд, а затем повернулась и направилась прочь.

Под ногами хлюпала грязь, из глубины болот доносились рыки и леденящие душу звуки, в мертвенно-голубом тумане жутковато светились деревья, и Майяри было жаль оставлять всё это. Туман взвился завихрениями и неожиданно отступил, открывая обычную темноту, в которой вырисовывались силуэты облетевших кустов. Девушка замерла, не решаясь пересечь невидимую границу, разделявшую два мира. Этот, некогда обычный, мир пугал её сильнее, чем топь, которая хлюпала и рычала за её спиной. Он дышал холодным ветром, пах землёй и опавшей листвой, шуршал голыми ветками, был тёмен и в сравнении с болотами тих.

– Обманчиво безопасен... – тихо протянула Майяри, осматривая мир, в который ей предстояло вернуться.

Она ещё раз обернулась, но Бешки и Тошкана видно уже не было. Постояв ещё немного, девушка шагнула из тумана в ночную тьму своего прежнего мира. На мгновение Майяри показалось, будто чья-то рука коснулась её волос, и сердце испуганно дрогнуло. Стремительно обернувшись, девушка обшарила глазами клубящийся туман. Налетел порыв ветра, и в его завывании Майяри послышался приглушённый смех. Отступив от болот, девушка поклонилась.

– Да хранят вас Всеблагие, – тихо пожелала она и, повернувшись спиной к единственному месту, которое могла бы назвать домом, зашагала прочь.

Глава 13. Холод

Майяри шла не останавливаясь всю ночь. Впрочем, шла не очень быстро. Отвыкнув от столь тёмных ночей, девушка путалась в кустах, спотыкалась о кочки, заходила в тихие лужи и оскальзывалась на мокрых овражных склонах. В болотах-то в любое время суток было светло, даже в безлунные и безмесячные ночи.

Тоска по оставленным садам медленно, но верно сменялось волнующим возбуждением. Майяри заново привыкала к своему прежнему миру, по-новому относилась к уже знакомым запахам и звукам и почувствовала, что всё же скучала. Внутри всплескивалось что-то радостное, и девушка ощущала себя свободной. Опять.

Как бы ни были прекрасны болота и их обитатели, для Майяри это место всё же было тюрьмой. Она была в безопасности на территории этого маленького мира, а местные жители приняли её с радушием и доброжелательностью, но, чтобы оставаться там и дальше, пришлось бы подчиниться устоям и законам, которые там царили. Мир Гава-Ыйских болот суров, неподчинение его правилам грозило смертью. И как бы Майяри ни любила это место, она понимала, что не смогла бы долго жить так. Она всю свою жизнь живёт, пытаясь вырваться из круга смертельных ограничений. Неужели она не найдёт место, где сможет быть более свободной? Такое место должно существовать. Но не на территории Салеи.

И зачем она встряла в это дело? Это же не её заботы, она даже не понимает, что происходит! Она и так в бегах, а теперь ещё скрывается от закона и от кого-то непонятного. Майяри то злилась на себя за неразумность, то убеждала, что по-другому поступить не могла. Неправильно было бы. Теперь же у неё не было никаких шансов отступить в сторону: она стала неотъемлемой деталью этой истории.

Так что в Салее ей больше не жить. Свободы здесь она никогда не увидит. И Майяри решила податься на юг. Южная граница была ближе северной, да и на север идти слишком далеко, и путь шёл мимо Санариша. А в обход идти ещё дальше. На западе же были Нордас и хорошо охраняемая граница. С востока к Салее примыкали Многоимённые земли, от которых Майяри не знала, чего ждать. Юг был предпочтительнее всего: тепло, граница в Рирейских горах охранялась не так хорошо – всё же там много смешанных поселений, салеиских и давриданских, – и опять же там будут горы. Потом уже можно будет пересечь Давриданию и затеряться где-нибудь.

Только Гава-Ыйские болота было жаль. Может, она когда-нибудь их ещё и увидит, но вряд ли это будет скоро. Наверняка ни Бешки, ни Тошкана, ни Рыжжи уже не будет.

Майяри старалась убедить себя, что всё сделала правильно. За неё взялся Вотый. Даже она, выбравшаяся из своей глуши только шесть лет назад, слышала про эту семью. Есть ли что-то невозможное для них? Девушка порой слушала рассказы про Вотых как сказки. Особенно сильно ей нравились истории про Шереха Вотого. Про него говорили часто, с упоением и лёгким страхом. Майяри нравилась целеустремлённость Шереха и его упорство даже там, где достичь желаемого не представлялось возможным. Но он достигал! Это вызывало у девушки бурный восторг и веру в то, что и она своим упорством добьётся желаемого.

Но теперь за неё взялся Ранхаш Вотый. Про него она слышала не так много, он служил в основном на севере Салеи и был известен не так сильно, как его прадед. Но если за неё взялся один Вотый, то можно с уверенностью сказать, что она теперь под вниманием всей семьи. А Вотые не упускают добычу.

Как долго она смогла бы скрываться на болотах? Девушка предполагала, что долго. Но правда могла всплыть. Ей ли не знать, как легко быть пойманной, будучи уверенной в надёжности своего укрытия! Какая-нибудь маленькая незначительная деталь может всё испортить. Такая подлая, коварная и совершенно незаметная для неё. Но в этот раз Майяри обнаружила

опасность сразу же. Наверное, это из-за того, что в этот раз под угрозой оказалась не только она, но и жители болот: девушка была уверена, что внешний мир погубит гава-лиимцев и будет лучше, если их существование так и останется тайной.

В тот день, когда Майяри получила первое послание от Ранхаша Вотого, она сидела и лихорадочно обдумывала своё положение, пыталась оценить надёжность своего укрытия, ставила себя на место следователя, думала, как бы она поступила... И поняла, что у болот есть опасная брешь – разбойники. Эти твари, плодившиеся и множившиеся по окраинам, имели языки. Её редко видели, раз или два, но тем не менее видели. Поняли ли они, что она отличается от местных жителей? Запомнили ли?

Майяри порой украдкой наблюдала за ними. Живя в вырытых в топях колодцах, разбойники постоянно были под воздействием вредных болотных соков, и лица у них были неосмысленными. Девушка знала, что здесь в основном скрывались те, у кого не было ни единого шанса на милосердие со стороны закона. Она прожила в Санарише три года в непосредственной близости от болот и часто слышала про облавы, что устраивали военные. После этих облав только и говорили о массовых казнях. Болотную тать казнили сразу же, не слушая их полубредовые рассказы.

А если кто-то вслушается?

Майяри бы вслушалась. Она же знала, что самая странная и неправдоподобная информация может выдать беглеца. У неё был слишком большой опыт неудач, чтобы не понимать этого.

Ближе к рассвету девушка остановилась передохнуть. Небо ещё даже не начало светлеть и блестело только россыпью звёзд. Майяри уселась на большой камень спиной к чернеющему лесу и подняла глаза вверх. Звёзды... Широкая улыбка осветила лицо девушки. В лицо пахнуло запахом прелых листьев и речной воды. Где-то за спиной глубоко в лесу раздался волчий вой. Майяри разобрал смех. Волки! Всего лишь дикие лесные волки!

Майяри старалась обходить поселения, но к середине дня неожиданно наткнулась на одно из них. Сперва она увидела двух мужиков-оборотней и поспешила спрятаться. Того, что её учуют, девушка не опасалась. Для этого им пришлось бы оказаться рядом с ней не менее чем в сажени. Оборотни, весело похохатывая, прошли мимо. На поясе у каждого из них моталась связка убитой дичи.

Появление мужчин хоть и насторожило Майяри, но не напугало. Рано или поздно она всё равно столкнулась бы и с охотниками, и с собирателями дров, и с рыбаками. Местность здесь всё же обжитая. Но, когда на окраине леса показался свеженький тын, Майяри растерялась. Карта у неё была хорошая, но на ней этой деревеньки не было. Пришлось делать большой крюк, чтобы не попасться на глаза местным. Потом Майяри долго сидела среди валежника, и так и сяк крутив карту. Пришлось с досадой признать, что за год сидения на болотах могло измениться что угодно.

Ближе к вечеру заморосил противный ледяной дождик. Одежда девушки очень быстро вымокла, и ей пришлось искать укрытие. Нашлось оно в заброшенной берлоге под корнями раскидистого дуба. Почти полчаса Майяри стучала зубами, пытаясь согреться в мокрой одежде, а потом всё же вспомнила, что она вообще-то маг. От высушенной ткани не очень приятно пахло жжёной травой, но стало значительно теплее. Девушка уже по привычке напрягалась, ожидая, что болота покарают её недомоганием, но сила внутри бурлила радостно, вселяя в неё бодрость. Как-то странно было осознавать, что теперь можно не сдерживаться. Видимо, привыкать ей придётся не только к своему старому миру, но и к прежней себе.

Задремав под мерный шелест дождя и тихие завывания ветра, Майяри проспала до самого утра и проснулась от дикого холода. С трудом распрямив заочневшие руки и ноги, девушка выбралась наружу и увидела, что траву и деревья покрыло изящное узорочье инея.

– На юг! На юг! – стуча зубами, решительно пробормотала Майяри и потопала дальше. Сперва нужно согреться, а завтрак подождёт.

Шидай ногой открыл дверь в кабинет харена и осторожно внёс внутрь две чаши травяного отвара, от которых поднимался густой пар. Утро выдалось холодным, а здание сыска протапливалось не очень хорошо. Сам господин на холод не жаловался, но нога у него не гнулась совсем. Обматывать её мехом, как предложил лекарь, он отказался, и теперь больная конечность покоилась на низеньком табурете. На большее харен не согласился.

Поставив на стол одну из дымящихся чаш, Шидай недовольно посмотрел на открытую створку окна и, отхлебнув из своей чаши кипятка, пошёл её закрывать.

– Посланник? – полюбопытствовал он, возвращаясь к столу.

Ранхаш кивнул и отложил короткое письмо во внушительную стопку прибывших ранее посланий. Лекарь смерил стопку взглядом и щедро хлебнул отвар.

– Сколько всего писем ты послал? Тут ответов уже больше сотни.

Почти два дня харен потратил на то, чтобы связаться со командирами гарнизонов, данетиями городской стражи других городов, начальниками небольших застав, чтобы попросить их о содействии в поиске преступницы. Он решил оцепить область на расстоянии двухсот вёрст от Санариша и закрыть все границы.

– Двести семьдесят два, – ответил Ранхаш и вскинул глаза, услышав стук в окно.

На карнизе сидел встрёпанный, недовольный жизнью воробей.

– Ого, – только и выдохнул Шидай, но особо удивлённым не выглядел, и пошёл впускать пташку.

Харен же не стал добавлять, что двести семьдесят два письма он отправил только местным, а ещё около восьмидесяти писем – он точно не считал – были направлены пограничникам.

Шидай принёс озябшую птаху и грузил её на стол. Ранхаш быстро отцепил от ледяной лапки послание и, бегло почитав его, убрал в стопку. Воробей, возмущённо щебеча, прошёлся по столу, а затем вспорхнул на голову харена и, удовлетворённо клекоча, начал устраивать в его волосах гнездо. Харен помрачнел, но прерывать деятельность наглой птахи не стал. Шидай издевательски захохотал, но ничего не сказал: прошлым днём, когда посланники прилетали целыми стаями, ситуация была ещё комичнее. Озябшие птички в поисках тепла почему-то жались к холодному харену.

– Какое это послание? – интересовался Шидай, ненавязчиво подталкивая дымящуюся чашу ближе к господину. Тому понадобится тепло хоть бы для того, чтобы греть всех тех маленьких созданий, что так доверчиво к нему жались.

– Двести второе, – Ранхаш всё же не выдержал и устало потёр глаза. Несколько бессонных ночей всё же давали о себе знать.

– Отказы есть?

– Нет.

Шидай хмыкнул. Ну, конечно, никто не откажет правнуку самого Шереха!

– Тогда, может, домой? – предложил лекарь. – Посадим на твоё место Варлая, пусть принимает корреспонденцию и отогревает птичек. А то в решающий момент, когда девчонку найдут, ты даже на дракона влезть не сможешь. Это я тебе как твой личный лекарь обещаю, – последнее прозвучало весьма угрожающе, Ранхаш даже предостерегающе посмотрел на Шидаю. Мол, только посмей!

И всё же харен поднялся со своего места, выпутал из волос разъярившуюся птичку и, ссадив её на стол, направился на выход.

Пока Шидай отдавал распоряжения Варлаю, Ранхаш набросил на плечи плащ и теперь смотрел на спящих по улицам горожан. Плющ, напозлзший на карнизы окон, серебрился

инеем и от этого казался диковинной рамой, а сами окна – живыми картинами. Подошедший со спины лекарь по-панибратски обхватил харена за плечи и тихо спросил:

– Ну? Домой?

На краткое мгновение в груди всполохнуло тёплое позабытое уже чувство. Но Ранхаш поспешил его задавить и, вывернувшись из-под руки Шидаю, направился к двери.

Лекарь нагнал его уже за порогом, на ходу натягивая плащ.

– Слышал новость? – весело спросил он, залезая следом за Ранхашем в экипаж. – Про нашего Викана? Мне Варлай рассказал, что он опять влез в неприятности.

– Серьёзно? – в голосе харена прозвучало такое редкое веселье. – А я уже начал беспокоиться, что с ним что-то не то.

– Он сейчас вроде бы дома отлёживается, – ободрённый интересом господина, лекарь продолжил рассказ с ещё большим энтузиазмом. – Представляешь, решил к оборотнице из Сумеречных гор подкатить! Понадеялся на своё природное обаяние.

– Сумеречница? – повторил Ранхаш.

– Ага, – весело подтвердил Шидаю. – Сам же знаешь, какие они. Все в покрывалах, яркие, как экзотические птички, вот ВIKAN и повёлся, позабыв, что для тех любое внимание со стороны мужчины сродни лишению девственности. А она ещё и с братом была. ВIKAN ей подмигнул, девчонка побледнела, а потом в слёзы. Брат, естественно, разъярился. Насилу разняли. Данетий Трибан хотел Викана на неделю в камеру упечь, чтобы в следующий раз головой думал. Но в итоге отстранил от дел на пять дней.

– Стоило бы посадить.

– Стоило бы, – согласился с господином Шидаю. – ВIKAN ведь понимал, какими неприятностями могла обернуться его выходка. Но он всё же знает подход к женщинам. Дочке данетия всего семь лет, а наш мерзавец ВIKAN её уже очаровал, и малышка так плакала, что отец всё же смилостивился и...

Экипаж дёрнулся, вынуждая лекаря умолкнуть. Движение почти сразу же восстановилось, но Ранхаш отдёрнул занавеску и выглянул наружу. В воздухе медленно и торжественно кружил снег. Прохожие замирали посреди дороги и восторженно смотрели на первые снежинки, мелкие и колкие.

– Зима наступает, – медленно протянул Шидаю.

Колкая труха сменилась пышными хлопьями, и лекарь замер, наблюдая, как в жёлтых глазах его господина неспешно падает снег.

Глава 14. Столкновение

Уже седьмой день падал снег. Обычно первый снег падал и таял, но в этот раз зима сразу же решила занять прочную позицию. Заснеженные деревья – некоторые из них даже не успели до конца сбросить листья – клонились под тяжёлыми влажными шапками и были сказочно красивы. Майяри даже поначалу восторгалась. Пока не промёрзла до костей. Тёплая одежда у неё была: щедрые гава-лиимцы снабдили и зеленоватым тулупом с меховым воротником, и вязанными телогрейкой, чулками и варежками. Варежки и чулки они, впрочем, вязали не из шерсти, а из мягчайшей коры вездесущей абдарики, отчего те имели фиолетовый цвет. Майяри каждый раз, когда встречала кого-то, запихивала варежки поглубже в карман, чтобы те в глаза не бросались. Да и сама на глаза попадаться не спешила.

Устроившись на хвойном опаде под разлапистой елью, девушка извлекла из мешка крупный фиолетово-зелёный плод и вонзила в него зубы. Брызнул сок. Мякоть оказалась сочно-зелёной. Майяри куснула плод ещё раз, и стала видна коричневая косточка. Девушка поморщилась и с вожделием посмотрела на мешок, где лежало вяленое мясо. Его она ела только по вечерам и не более одной тонкой полоски. В остальное время перебивалась сушёными овощами и фруктами или вот свежей абдарикой. Она хоть и была вкусна и питательна, но уже изрядно приелась.

Куснув плод третий раз, девушка подняла глаза на небо и замерла. Высоко в вышине, среди завихрений снега, кружила большая птица. Майяри сглотнула и поспешила поглубже забиться под сень дерева.

Больших птиц – поодиночке или парами – она видела уже третий день подряд. Так бы всё ничего. Мало ли какие пташки тут водятся. Но эти летали и в сильный снегопад, когда поднявшийся ветер вызывал снежные завихрения. Какая нормальная птица высунется из укрытия с риском переломать крылья? Да и большие они очень...

Майяри напряжённо проводила птицу глазами и рискнула выбраться из укрытия, только когда она скрылась за снежной пеленой. Недоеденную абдарику она случайно сжала, и превратившийся в слякотный ком плод пришлось прикопать в снегу. Всё ещё нервно осматривая небо, Майяри продолжила путь, одновременно радуясь снегопаду, который скрывал её от чужих взглядов, и негодуя на него: зелёный тулуп уж больно на снегу выделялся.

Крупный ястреб вынырнул из снежного завихрения и неуклюже спланировал на крепостную стену. Часовые не преминули подшутить и посоветовали сбить лёд с перьев. Злобно наклекотав на шутников, ястреб вперевалочку двинулся к лестнице и уже оттуда слетел во двор к пылающему костру. Юнец, зябко притоптывающий рядом, тут же набросил на птицу покрывало, скрыв её полностью. Сквозь шум ветра послышался треск, и через минуту, кутаясь в ткань, на ноги поднялся мужчина. Ухнув, он подпрыгнул на месте и вприпрыжку помчался к дверям крепости. Уже внутри он сбил с босых ног снег и направился наверх.

Пыхнувшее из-за открытой двери тепло приятно согрело замёрзшие ноги и руки. Оборотень зашёл внутрь, тщательно прикрыл за собой дверь и повернулся лицом к начальнику. Тот, высокий черноволосый мужчина с орлиным профилем, сидел за столом, спиной к ярко горящему камину. Жёлтые глаза выжидательно уставились на подчинённого.

– Я опять её видел, – доложил оборотень. – Всё так же двигается на юг. Мне кажется, она избегает поселений.

– Похожа? – хаварий¹⁰ кивнул на портрет девушки, нарисованный углём. Он висел на стене в окружении канделябров, и непосвящённый мог бы подумать, что это возлюбленная владельца кабинета.

– Не-а, – мотнул головой подчинённый. – Эта посытней будет, – он кивнул на портрет.

– Ну, за такое время могла и исхудать, – заметил хаварий. – Может, какие-то отдельные черты?

– Да в такой снегопад и не рассмотришь! – поморщился мужчина. – А подлететь ближе... Так она шугается!

– С чего бы? – протянул начальник.

– Да понятно, что с ней что-то нечисто. Вряд ли эта та девка, что харену Ранхашу нужна, но она определённо странная. Куда эта женщина тащится одна, да ещё в такую погоду? Она даже не оборотень.

– Уверен?

– На охоту ни разу не ходила. Подозрительная она какая-то...

Хаварий задумчиво уставился на портрет, словно спрашивая у него совета. Языки пламени причудливо плясали по полотну, придавая изображению несколько зловещий вид.

– Напишу харену, – решил хаварий. – Лучше ошибиться, чем упустить добычу.

Шидай вздрогнул от громкого удара в стекло.

– Вот негодники! – лекарь сердито поднял голову, решив, что это шалящие на улице детишки запустили снежок в окно, но увидел распластанного сыча.

Сыч нахохлился, вспорхнул с карниза и ещё раз попробовал пробить стекло. Шидай поспешил птице на помощь, пока та не убилась.

– О, Ранхаш, тут письмо, – лекарь ловко обманул агрессивно нацеленный на его палец клюв, стащил с лапки птицы футляр и кинул его на стол. Сыч разразился бурей негодования и возмущённо захлопал крыльями. – Вот же бестия!

Ранхаш оторвался от бумаг и, распаковав послание, вчитался в него. Холодное его лицо почти тут же дрогнуло.

– Что там? – моментально заинтересовался Шидай.

Харен сперва полностью прочитал письмо, а потом всё же соизволил ответить.

– Хаварий Глод сообщил, что они уже несколько дней наблюдают на своей территории странную девушку. Она не оборотень, путешествует одна и избегает поселений. Он не уверен, что это Амайярида. Сходства с портретом почти нет.

– И что ты думаешь делать? Хотя кого я спрашиваю! – лекарь закатил глаза. – Мне собираться? Ты же ведь сам захочешь проверить?

Ранхаш кивнул.

– Предупреди данетия Трибана. Нам будут нужны драконы.

– И очень тёплая одежда, – протянул Шидай и, заметив тяжёлый взгляд господина, добавил: – Что ты на меня так смотришь? Наверху будет очень холодно, а до Тривийской заставы три дня лёту.

Через три дня снег сменился дождём. Осень словно бы вспомнила, что пока ещё её время, и вступила в схватку с зимой. Та сдаваться не спешила, поэтому дождь был со снегом, отчего стал ещё противнее. Майяри уже не пыталась сушить одежду и лишь раз за разом грела себя магией. Деревья без снежных шапок разом стали каким-то голыми, и лишь часть из них продолжала стойко щеголять пожухшей листвой.

¹⁰ **Хаварий** – можно перевести как «начальник». Но употребляется оно только в отношении оборотней, которые занимаются соблюдением внешнего правопорядка. Это воинский чин. Его носят начальники крепостей, гарнизонов и застав.

Девушка окинула небо взглядом, выискивая больших птиц. Они всё ещё продолжали появляться. Майяри даже казалось, что их стало больше и летали они чаще. Конечно, может быть, где-то здесь находится община каких-то неведомых ей пернатых, но девушка не смела надеяться на такую удачу. Может, она просто зашла на территорию излишне бдительных оборотней? Уйдёт, и они перестанут её преследовать.

Девушка ещё раз осмотрелась и увидела далеко на севере крылатые точки. Как-то их в этот раз многовато... Оглядевшись, Майяри оценила крутой берег бурной реки, что текла по её левую руку, и посветлевший лес, зеленеющий густым ельником, что был по правую, и двинулась в сторону последнего. Добравшись до полосы кустов, девушка опять вскинула голову и в недоумении нахмурила брови.

Крылатые точки стали больше, и теперь Майяри понимала, что они от неё довольно далеко. Это что же за птички такие? В голове как вспышка мелькнуло яркое воспоминание.

Яростный рык, гибкое, извивающееся в воздухе чешуйчатое тело и крики: «Хватай её! Хватай!».

Майяри отшатнулась и бросилась в лес. Драконы!

Оказавшись в ельнике, девушка бросилась на землю и по влажной земле забралась под низко висящие еловые ветки. Но укрытие ей не понравилось. Она вылезла из него и, лихорадочно осматриваясь, попыталась найти более надёжное. И оно нашлось! Под огромной елью друг на дружке лежали три более мелкие ёлки, видимо, поваленные ураганом. Сверху они были густо покрыты еловым опадом, и Майяри поспешила забраться под них.

Сердце гулко стучало, а пальцы сотрясала мелкая дрожь. Что здесь делают драконы? Что им здесь понадобилось? Некстати вспомнились птицы, что нервировали её все эти дни. Не зря они кружили! Майяри почувствовала, что неконтролируемая паника захлёстывает её, и прикрыла глаза, заставляя себя успокоиться и подумать о чём-то насущном.

– Холодно, – тихо пробормотала она. – Да, мне холодно.

Девушку так трясло, что она не сразу смогла обратиться к своей силе и согреть тело и одежду блаженным теплом. Вместе с холодом отступила и бесконтрольная паника. Майяри заставила себя вспомнить, что много раз оказывалась в подобных ситуациях, давно бы пора отучиться дрожать.

В своём укрытии она просидела до самой ночи, так и не рискнув выбраться наружу. В какой-то момент ей показалось, что над головой прошелестели крылья, но она лишь глубже забилась под деревья и затаилась. Только в ночной темноте девушка посмела покинуть своё убежище и продолжить путь. Её всё ещё потряхивало, но уже не так сильно. В конце концов, мир на ней не сошёл. Возможно, это был просто отряд, направляющийся на одну из застав.

Хаварий Глод лично вышел встретить прибывшего харена. Дюжина драконов только что опустилась на крепостной двор, и юркие, размером с лошадь, ящеры возмущённо рычали и рвались обратно в небо. Видать, не налетались.

Харен покинул седло одним из первых. Выстуженная левая нога ожидаемо подводила его, но Ранхаша это не остановило. Почти не сгибая её в колене, он направился к хаварию.

– Хаварий Глод?

– Верно, – отозвался тот. – Вы прибыли очень быстро. Мне даже неловко. Вдруг я оторвал вас от дел по пустяку.

Раздался громкий вопль, и харен с хаварием разом оглянулись. Данетий Трибан, пожелавший лично поучаствовать в поисках, грузно свалился с дракона и теперь костерил его на трёх языках. Харийд, хаги, красуясь в седле, глумливо заржал.

Собрались они в путь действительно быстро. Уже после полудня отряд, состоящий из самого харена, Шида, данетия и девяти молодцов из городской стражи, среди которых был

и хаги, вылетел из города. На утро следующего дня они прибыли на Ордийскую заставу, где сменили драконов, и направились дальше.

– Надеюсь, мы наконец-то поспим, – страдающе протянул Шидай и ловко соскользнул по драконьему боку на землю.

Харен и данетий торопились, поэтому поспать отряд действительно не имел возможности.

Ранхаш окинул взглядом темнеющее небо и был вынужден оправдать надежды своего лекаря.

– Отдыхаем, – распорядился он. – Хаварий Глод, где мы можем поговорить?

Майяри шла всю ночь и с рассветом даже не подумала об отдыхе. Лишь переместилась ближе к лесу, чтобы при необходимости спрятаться под его спасительной сенью. Она уже успела окончательно успокоиться, но опасения отбросить даже не пыталась: не стоит расслабляться. При свете дня рассмотрев карту, девушка обнаружила размытые очертания крепости. Так обычно помечали заставы. Тёмные знают, почему знак оказался таким неявным: то ли картограф специально только наметил его, не будучи уверенным в расположении крепости, то ли чернила легли слишком толсто и потом отлетели с бумаги, как штукатурка.

Знание, что рядом застава, девушку слегка успокоило. Это объясняло и обилие оборотней-птиц, и отряды ездовых драконов. Но ничуть не умаляло опасность для неё лично.

Ближе к полудню в небе опять появились птицы. Девушка опасливо попятилась к лесу, решив подождать, когда они скроются. Птиц было пять, и они все кружили над лесом и рекой, будто выискивая что-то. Покружив, они переместились на запад и наконец скрылись. Майяри облегчённо вздохнула и решила дальше идти исключительно лесом.

Опасливо окинув небо взглядом, девушка было шагнула, но в то же мгновение замерла и побелела. Замешательство её длилось всего пару секунд, и Майяри стремительно забралась в кусты и затаилась. В небе появились драконы. Сердце предательски дрогнуло. Двенадцать небольших ящеров летели неспешно и, самое странное, нарезали круги. Словно искали кого-то. Девушка нервно вскинула голову вверх и с облегчением убедилась, что дерево над ней ещё не до конца облетело. Но напряжение всё равно нарастало.

Майяри заставила себя успокоиться и осмотреться. Далеко на севере в небе качались ещё несколько точек. Ещё один отряд драконьих всадников? Как вовремя она решила углубиться в лес. Девушка уже хотела вылезти из кустов и осторожно двинуться под прикрытие густого ельника, но опять была вынуждена спрятаться за ветками. На луг один за другим неспешно выбежали пять волков. Они двигались в отдалении друг от друга и почти не отрывали носов от земли. Майяри едва слышно перевела дыхание, убеждая себя, что нет смысла бросаться бежать. Они её не нашли и, может, не её ищут. И идут они достаточно далеко, чтобы её учуять. А если найдут, то бежать всё равно бесполезно. Они же быстрее! Но упрямый разум требовал борьбы, и девушке пришлось приложить немало усилий, чтобы остаться в кустах. Если от драконов она ещё могла незаметно ускользнуть, но волкам её мог выдать любой неосторожный шорох.

Волки не спешили. Вытянувшись в линию между девушкой и рекой, они тщательно обнюхивали траву и, казалось, присматривались к ней. Майяри с замиранием сердца ожидала, что сейчас они обнаружат отпечаток её сапога, и...

Если бы появление драконов не было для неё такой неожиданностью, Майяри бы сразу обратила внимание на то, как странно ведут поиски волки. Обнюхивая луг, они даже не пытались зайти под сень леса. Опасность Майяри почувствовала, только когда услышала хруст. Вздвогнув, она повернула голову и увидела вываливающихся из чащи медведей. Звери были крупнее своих лесных собратьев, и у девушки не осталось никаких сомнений. Оборотни! По спине прошёлся холодок, когда её глаза столкнулись с тяжёлым звериным взглядом.

Несколько секунд медведь просто смотрел на неё, а затем поднялся на задние лапы и оглушительно заревел. Его товарищи повернули тяжёлые головы, волки оторвались от своего занятия, а драконы отозвались ликующим клёкотом. Все прежние увещевания, что ей всё равно не сбежать, оказались позабыты, и девушка сорвалась с места, спеша проскользнуть в единственную брешь в линии волков.

Бегала она всегда хорошо. Почти всю жизнь. Мастер Лодар тяжело вздыхал, глядя на неё, но потом утешал себя, что слабосильная ученица вполне сможет удрапать с поля боя.

– Вон она! – заорал кто-то с неба.

Волки круто развернулись навстречу беглянке и, припав на передние лапы, оскалились. Майяри сперва притормозила, но вовремя вспомнила, что здесь не Гава-Ыйские болота. Стремительно очертив в воздухе круг, девушка обозначила в его центре символ ветра и толкнула невидимую печать на животных. Тех раскидало в стороны, брешь превратилась в дыру, и девушка бросилась к реке. С визгом и глухим рычанием преследователи бросились за ней.

Майяри бежала что было сил, летела вперёд, перескакивая через ямки и пожухшие кусты, чувствуя, как за спиной хрустят ветки, приминаемые тяжёлыми лапами. Дыхание разрывало ей грудь, сердце было готово выскочить из горла, но девушка была сосредоточена на достижении одной цели: добраться до реки.

Сверху с клёкотом спикировал дракон. Майяри покатила по земле, уворачиваясь от его когтей, и едва успела нарисовать ещё одну печать, чтобы отбросить волков. Наверху раздалось ликующее «Йеху!», и девушка помимо воли задрала голову. На загривке юркого дракона сидел, залихватски свесившись из седла, золотоволосый мужчина. Майяри вздрогнула, почувствовав сильную волну магии, и вскочила на ноги. Задрав юбки выше колена, она стремглав бросилась к реке. Если ранее у неё оставались сомнения, что эта поисковая делегация здесь по её душу, то теперь нет. Испуганно мечущийся разум был уверен: кто-то всё же дотянул до неё свои длинные руки.

– Не уйдёт! – ликующе провопил данетий Трибан харену.

Сверху им была прекрасно видна летящая через луг девушка и преследующие её по пятам волки. Чуть в отдалении тяжело бежали медведи. И все они следовали в одном направлении: к реке. К обрыву, висящему над бурным потоком на высоте в семь саженей.

Харийд опять спикировал на беглянку, то та была слишком неудобной целью. Мечущуюся фигурку было проще пронзить когтями, чем схватить живой. Рядом с драконьим боком вниз камнем ухнула большая птица, и Майяри пришлось уворачиваться от когтей куда более точного ястреба-оборотня.

Это усилие повалило девушку на землю. Ей опять пришлось использовать печать, чтобы отбросить четвероногих преследователей. Скатившись с пригорка, Майяри из последних сил припустила к уже виднеющемуся берегу. Мышцы звенели от натуги, дыхание разрывало грудь, и девушка летела вперёд, словно бы хватаясь руками за воздух и отталкиваясь от него. За спиной слышалось разъярённое рычание, над головой – возбуждённый клёкот. Мир перед глазами плыл и смазывался.

– Не уйдёт! – глаза данетия Трибана лихорадочно горели. – Сама себя в ловушку загоняет!

Харийд первым сообразил, что беглянка не собирается останавливаться. И камнем спикировал вниз.

Майяри чувствовала, что волки её почти нагнали. Девушке казалось, что ещё немного, и тяжёлое мохнатое тело врежется в её спину и собьёт на землю. А острые клыки вцепятся в плечо, чтобы не думала колдовать, или в ногу, чтобы больше не бегала. Стиснув зубы, она рванула вперёд и, подпрыгнув, вылетела за край обрыва. За спиной разочарованно щёлкнули зубами.

Мир на мгновение замер. Всё тело Майяри омыло невероятное облегчение: она успела. Как сквозь слой корпии, до её слуха донёлся клёкот, и девушка, задрав голову, увидела драконьи когти. Мир дрогнул. Вверх взметнулись юбки, и Майяри камнем ухнула вниз. Драконьи лапы вхолостую загребли воздух, и ящер разочарованно взвыл.

– Полоумная! – выдохнул ошеломлённый Х`арийд, пляясь на расходящиеся по воде круги.

На мгновение он успел увидеть взгляд беглянки. Тёмный и торжествующий. Эта точно знала, что делает.

Ранхаш резко дёрнул поводья, заставляя своего дракона накрениться на левое крыло, а потом и вовсе перевернуться в воздухе. Выровнялись они у самой у воды, и харен, опасно свесившись из седла, вперил ищущий взгляд в серые бурные воды.

– Внимательнее, ребята! – распорядился данетий Трибан. – Не дадим ей уйти!

Драконы спикировали к воде, и их всадники, накренившись в сёдлах, внимательно установились на речную поверхность, прочёсывая каждый её дюйм взглядами.

Через четверть часа они осмотрели каждую пядь реки на расстоянии одной версты, но девушка на её поверхности так и не показалась.

Глава 15. Встреча

Столкновение с ледяной водой вышибло из Майяри воздух. На мгновение сознание дрогнуло и едва не ушло во тьму, но девушка отчаянно ухватилась за него. Эта секундная борьба лишила её способности трезво мыслить. Холод мгновенно сковал тело, руки и ноги свело судорогой. Майяри отчаянно затрепыхалась и почти распахнула глаза, но опомнилась и сомкнула веки ещё сильнее. Ледяная стынь сковала её грудь, намокший тулуп и мешок потянули девушку на дно.

Холод, тело, вышедшее из повиновения, тяжесть воды, отсутствие воздуха вызвали у Майяри почти звериный страх. Судорожно дёргая руками и ногами, она скинула с себя мешок, а следом за ним и убивающий её тулуп. Ощущение тянущих на дно оков пропало, и Майяри наконец вернула себе способность трезво мыслить. Приложив руку к груди, девушка очертила пальцем два круга: один с символом движения, а второй – с символом лёгкой смерти. Тело её дрогнуло и двинулось в воде головой вперёд. Сердце же замедлилось и словно приостановилось. На мгновение сознание померкло. Через секунду, а может, и дольше, Майяри увидела себя как будто бы со стороны. Тёмный силуэт, парящий в водной толще. Вокруг подобно рыбьим плавникам дрожала юбка и змеёй вилась коса. А может, всё выглядело и не так, может, Майяри себе это всё надумала, вообразила, и это лишь сон.

Девушке казалось, что она превратилась в кусочек льда. Холодно уже не было. Не хотелось вдохнуть воздуха. Не вспоминались преследователи. Мысли словно застыли. Перед закрытыми глазами, исключительно в воображении, медленно проплывали тёмные речные глубины: дрожали похожие на нити водоросли, лениво шевелили плавниками рыбы, а в верхних слоях быстро нёсся водяной поток.

Печать лёгкой смерти, словно отсчитывающая секунды до гибели, вспыхнула, показывая, что жизненные силы на исходе, и тело Майяри направилось вверх. В тот момент, когда печать окончательно угасла, девушку вытолкнуло на поверхность, и её лёгкие судорожно сократились. Майяри распахнула глаза и жадно, с хрипами, задышала. Сердце рвануло вскачь, сокращаясь почти до боли. Девушка закашлялась и опять нырнула. Оглушённая борьбой своего тела за жизнь, Майяри наглоталась ледяной воды и яростно замолотила руками, вновь выныривая. Судорожный кашель скрутил её, но она больше не позволила себе уйти на дно.

Осмотревшись вокруг, Майяри едва осознала, где находится. Ей потребовалось время, чтобы вспомнить о преследователях и окинуть взглядом небо. Крылатые силуэты она увидела значительно севернее, но всё же недостаточно далеко. Собрав все свои силы, девушка погребла к берегу.

Она едва выбралась на сушу. Тело её сотрясала дрожь, зубы стучали, а из груди вырывались хрипы и всхлипы. Кое-как собрав мысли в кучу, Майяри призвала силы, и её тело окутало блаженное тепло. От платья и волос пошёл пар, и девушка опять закашлялась. Но ум прояснился, и Майяри, как могла поспешно, на четвереньках поползла в сторону леса.

О потере тулупа и мешка она почти не переживала. Даже к лучшему, что они остались на дне реки. Если её поймут, то хотя бы не будет вопросов по поводу странных вещей.

Майяри пошатнулась и опёрлась на ствол дерева. Драконы всё ещё кружили на севере, но вряд ли они дадут ей слишком много времени, чтобы убраться.

– Да не могла она утонуть! – ярился Хàрийд, дракон под ним отозвался согласным рёвом. – Эта девка точно знала, что делает. Неужели она больше года была в бегах, чтобы теперь сдохнуть?

Их отряд продолжал кружить над рекой, хотя некоторые из мужчин проявляли больше показное усердие, чем искреннее рвение, подозревая, что девушка пошла ко дну. Вода ледяная,

преступница наверняка позабыла, что хотела сделать, когда попала в неё. Но свои мысли они держали при себе. Харен явно был на стороне нетерпеливого хаги.

Ранхаш хоть и не видел взгляд девушки, даже лица её рассмотреть не успел, но был согласен с тем, что она знала, что делает. Он много раз видел преступников, которые, оказавшись загнанными в угол, решали покончить с жизнью. Мол, выкусите, законники! Дохлым моим телом довольствуйтесь! В их движениях чувствовалось отчаяние. Если они спрыгивали с высоты, то вниз летели кубарем, как мешки с песком. Эта же беглянка всё сделала чётко: решительно перепрыгнула через край и вошла в воду ногами, вытянувшись в струнку. Она не планировала умирать.

– Ищем, – отдал короткий приказ харен и, дёрнув поводья, заставил дракона лечь на правое крыло.

Внизу восточный берег реки обшаривали волки и медведи, над западным летали оборотни-птицы, драконы же прочёсывали саму реку.

– Вода ледяная, – сбоку появился Шидай. Ранхаш с невольным раздражением отметил, что выглядит лекарь несколько разгильдяисто: тёплый плащ не застёгнут, шейный платок то ли утерян, то ли забыт, а поводья привязаны к луке. Шидай даже не потрудился пристегнуться к седлу. И после этого он ещё смеет говорить, что он, Ранхаш, плохо о себе заботится? – Она бы там долго не просидела. Только если бы магией прогрела какой-то участок и там зависла. Но тогда бы ей пришлось вынырнуть за воздухом...

Харийд, застонав, хлопнул себя по лбу и резко спикировал вниз. Его дракон, не ожидавший такой резкой команды, едва успел выровняться и не нырнуть в бурлящий поток. Сам хаги, чуть ли не выпадая из седла, свесился вниз и простёр раскрытую ладонь к воде. Глаза его словно остекленели, а дракон вдруг возмущённо взвизгнул и даже повернул башку, чтобы посмотреть на всадника. Жёлтые с чёрными узкими зрачками глаза были укоризненно прищурены.

Манипуляции хаги привлекли внимание только Ранхаша и Шидаю, остальные продолжали выискивать беглянку.

– Интересно, что он делает? – лекарю пришлось всё же запахнуть плащ. Поднявшийся ветер пробирал до костей. – Хаги могут чувствовать чужую магию? Я слышал, что над водой или в воде они не так сильны...

Харийд издал ликующий вопль, и его дракон, торжествующе зарывчав, понёсся по руслу реки на юг. Харен среагировал мгновенно, и уже через несколько секунд летел следом.

– Наверное, к нашему хаги это не относится, – решил Шидай и заставил своего дракона накрениться набок.

Майяри остановилась и согнулась в рвотном позыве. Проглоченная вода рвалась наружу. Отдышавшись, ослабевшая девушка ухватилась за дерево и осмотрелась. Вокруг, насколько хватало глаз, простирался смешанный лес, большую часть которого составляли польсевшие деревья. Жёлто-красная листва густым влажным ковром устилала землю и проминалась под ногами. Один раз под стопой хрустнула шляпка гриба. Девушка едва смогла заставить себя остаться на ногах. Сил уже не было, и тело настоятельно требовало отдыха и тепла. Кроме этого, в груди разливалось надсадное жжение, а голова кружилась всё сильнее и сильнее – последствия купания в ледяной воде и применения не самой хорошей печати.

Майяри сделала шаг вперёд и, не удержавшись, бухнулась на колени. Под ладонями хрустнули грибы и треснула ветка, и девушка почувствовала сильнейшее желание расплакаться от жалости к себе. Ей было плохо, она замёрзла, и её кто-то преследовал. Обида на несправедливость мира навалилась на плечи, и Майяри легла лицом в листву.

– Мне досталась неудачная жизнь, – тихо прошептала она.

Чтобы собраться и заставить себя подняться, Майяри пришлось сжать в кулак всю волю, что у неё оставалась. Приступ отчаяния отступил, и жизнь перестала казаться такой отвратительно беспросветной. Нужно просто ещё немного потерпеть.

Поднялся ветер и стало куда холоднее, но девушка даже не поёжилась. Было уже всё равно. Она даже не вздрагивала, когда над головой проносились силуэты птиц. Поймают её или нет... Это вдруг стало неважным. Вперёд Майяри двигало исключительно упорство.

Когда высоко вверху раздалось ликующее «Йеху!», Майяри вскинула голову с усталой обречённостью. Над верхушками деревьев, возбуждённо повизгивая, нарезал круги дракон. Из седла на его спине свешивался молодой мужчина с золотыми волосами, весело махающий девушке рукой. У неё едва ладонь не дёрнулась махнуть в ответ. Нашли. Мысли сдать у неё даже не возникло. Если решили испортить ей жизнь, то пусть приложат хотя бы усилия для этого.

Майяри присела и, добравшись через листву до земли, прижалась к ней ладонями. Земля отозвалась быстро, и руки обожгло бодрящим теплом. Жар растёкся по телу, выжигая усталость, боль и зарождающееся недомогание. Голова прояснилась и заработала. Девушка резко встала, ощущая распирающие её силу и бодрость. Теперь она была готова бежать дальше, но недолго. Сила никогда не даётся надолго и забирается потом сторицей. Нужно успеть до этого момента найти укрытие.

Сорвавшись с места, девушка понеслась между деревьями на запад. Она помнила по карте, что на юге территория леса прерывалась и сменялась открытой степью. Да и незачем показывать преследователям истинную цель её пути. Майяри старалась выбирать поросшие ельником места, чтобы дракону было негде сесть. Боком проскальзывая между двумя близко растущими стволами, девушка вскинула голову и увидела, что дракон переместился восточнее. Раздавшийся почти тут же рёв сообщил, что она ошиблась: золотоволосый маг был всё ещё рядом, а на востоке был кто-то другой. Дракон мага кружил над деревьями, радостно размахивая хвостом. Причина его радости стала понятна почти сразу же: он потерял седока.

Майяри даже не успела испугаться. Хрустнула ветка, и она стремительно развернулась навстречу выбежавшему мужчине. Лицо того светилось возбуждением охотника, наконец загнавшего дичь. Майяри вскинула руку, но мужчина лукаво подмигнул ей, и в следующее мгновение девушка почувствовала, как немеют обе руки. Она яростно трянула ими, не понимая, что произошло, а потом с подозрением посмотрела на мужчину.

– Что? Не работают? – с сочувствием спросил тот.

Он? Но как? Он же ничего не сделал!

Догадка, ужасная как сход камнепада, пришла в голову Майяри почти тут же. Только одно из известных ей созданий могло использовать свои силы, не призывая и не контролируя их словами, движениями, знаками и предметами. Хаги!

Холодок ужаса медленно стёк по спине, и девушка попятилась. Хаги... Неужели она ошиблась, и её преследователи не имеют отношения к этой истории с ограблением сокровищницы? Неужели её нашли те, другие?

Резко присев в выпад, Майяри стремительно расчертила стопой листву, и мужчину ударной волной воздуха отбросило в валежник. Девушка же бросилась прочь, на ходу, как перчатки, стягивая с рук невидимые путы.

Ошеломлённый Хәрийд кое-как выбрался из веток. В волосах его застряли жёлтые листья, а в зелёных глазах плескались удивление и обида. Он недоверчиво посмотрел на место, где только что стояла девушка, и, откинув голову назад, простонал.

– Ногой начертила! Надо было сразу её глушить!

Над лесом уже кружил весь драконий отряд. Если в более спокойном состоянии Майяри признавала, что её, скорее всего, схватят, то сейчас, в горячке побега, она не хотела даже думать об этом. Ей нужно сбежать!

Большая часть драконов прочёсывала западную сторону. Видимо, оборотней посетили те же мысли, что и девушку. Майяри было дёрнулась на север – это обескуражило бы её преследователей, – но потом всё же направилась на юг. Если сейчас упустит момент, то потом путь к южным границам будет перекрыт и придётся двигаться на восток.

Майяри нервно обернулась, проверяя, не появился ли хаги, и побежала дальше.

Драконы продолжали рыскать над её головой, но их всадники не могли разглядеть девушку сквозь густой ельник. Майяри осторожно перебежала от одного дерева к другому; один раз ей пришлось скатиться в овраг и замереть на его дне среди глинистых луж и побуревших размякших стеблей травы. Выполосканное в реке платье опять вымокло и испачкалось. Но Майяри холода уже не чувствовала: её грела заёмная сила.

Выбравшись из оврага, девушка оказалась в светлом лиственном, сейчас голом лесу. Только кое-где деревья продолжала украшать листва, но редкая и пожухшая. До следующего ельника было саженой двести, драконы всё ещё кружили за спиной, и Майяри бросилась вперёд, надеясь успеть преодолеть опасный участок до того, как на него обратят внимание.

И она не успела. Небольшой юркий дракончик мелькнул над кронами деревьев, и с его спины вниз перед девушкой прыгнул мужчина. Приземлился он неуклюже, припав на левую ногу. Майяри было понадеялась, что тот не оборотень – те всё же более ловки – но когда мужчина выпрямился, девушка словно на стену налетела. Глаза её потрясённо распахнулись, а рот приоткрылся.

Она помнила этот взгляд!

Майяри подошла к раненому и задумчиво посмотрела на длинную, вымазанную грязью серебристую косу, размышляя, стоит ли помогать. Посмотрев на Тошкана, который с улыбкой глядел на неё в ответ, явно ожидая хорошего поступка, девушка вздохнула и присела рядом с раненым на корточки. Оборотень повернул голову набок и посмотрел на неё мутными глазами. Цвет их был насыщено-янтарный.

Те самые глаза. Жёлтые, яркие, только в этот раз холодные и осмысленные.

Мужчина медленно выпрямился, не сводя с девушки пристального взгляда, и замер, словно не желая спугнуть её. Майяри продолжала с ошеломлением смотреть на него, не понимая, что здесь делает он – мужчина, которому она помогла на болотах. Как он здесь оказался? Оборотень неспешно качнулся вперёд, припадая на левую ногу, и Майяри уставилась на неё. Болит? Почему он хромает? Она же всё срастила.

– А-а-а! – раздался ликующий вопль.

Девушка вздрогнула, приходя в себя, и увидела выбирающегося из кустов хаги. Парень был весь перемазан овражной грязью и выглядел невероятно довольным. Майяри перевела взгляд на хромого мужчину и наконец осознала, что он тоже ловит её.

Харийд замер, увидев харена. Преступница и господин Ранхаш не отрываясь смотрели друг на друга. Ноздри девушки подрагивали от едва сдерживаемой ярости, а харен, казалось, выжидал момент, чтобы схватить её. На мгновение Харийд решил, что он лишний. Харен и девчонка смотрели с одинаковой непреклонностью, готовые добиваться своего до самого конца, невзирая на такие мелочи, как недомогание или истощение. Два невероятно упрямых сильных противника, встравать между которыми было чистым самоубийством.

Но всё же харен был сильнее, и девчонка это понимала. Когда он шагнул к ней, она отшатнулась и вскинула руку. Харийд поспешил набросить на неё кокон, но тот почему-то не подействовал. Парень даже не успел задуматься о причинах, ему пришлось срочно отскакивать: листва взметнулась вверх, словно бы из неё стремительно выросла стена. Девушка присела, отведя одну руку за спину, а вторую вперёд. Воздух вокруг неё задрожал, и хаги поспешил выставить перед собой и хареном щит. Невидимая стена упруго дрогнула и как лавина налетела на мужчин. Щит хаги отбросил удар, и Майяри упала на землю, задетая волной.

– Вон она! – раздался крик сверху.

Майяри вскинула голову и увидела драконов. Окружили! Зажали! В груди вскипела тяжёлая ярость, и девушка упрямо сжала губы. Она всё равно уйдёт, даже если ей придётся ради этого использовать всё, что у неё есть!

Медленно встав, Майяри глубоко вздохнула и обратилась к той силе, что тягуче плескалась внутри. Та радостно отозвалась и, повинувшись мысленному приказу, по ногам направилась в землю. Почва дрогнула.

Вдруг до слуха Майяри донёлся тихий хруст, раздавшийся прямо за её спиной. Она стремительно развернулась и рванула прочь, увидев перед собой растопыренные пальцы. Перед глазами мелькнул голубой всполох, и сознание накрыла темнота.

Шидай ловко подхватил уснувшую девушку и довольно улыбнулся. Ай да молодец! Хоть бы кто-нибудь похвалил!

– Господин, в качестве приманки вы были просто бесподобны!

Судя по взгляду харена, он не был в курсе того, что выступал в роли приманки.

Харийд облегчённо застонал и опустил на землю.

– Я не знаю, что это было, но на мгновение мне показалось, что нам крышка, – признался он. – Она какая-то... непонятная.

– Харен! – между деревьями показался данетий и ещё трое оборотней. – Вы поймали её?

Увидев девушку в руках лекаря, Трибан издал ликующий вопль и махнул одному из драконов. Его всадник что-то сбросил вниз, и один из стражников, что следовали с данетием, бросился искать это по кустам.

Шидай тем временем задумчиво приподнял девушку, словно взвешивая её.

– Боги, да её тут на один укус! Господин, а это точно наша?

Ранхаш, хромая, подошёл ближе и внимательно всмотрелся в измождённое заострившееся лицо девушки.

– Наша, – с непонятной уверенностью ответил он.

Он так много думал об этом деле, что сейчас при взгляде на уснувшую девушку у него возникло ощущение, что они уже встречались. И они действительно встречались. Встречались на страницах многочисленных документов, что ему довелось прочитать.

Глава 16. Допрос

Пока стражник рыскал по кустам, Шидай прижал девушку к своей груди и запахнул полы плаща, в ответ на недоумённый взгляд данетия заявив:

– Мы же не хотим привезти труп?

Оставшиеся стражники вместе с хаги рыскали по округе, пытаясь найти вещи преступницы. Они смогли проследить её путь до самого берега реки и предположили, она сбросила мешок в воде. А если так, то это дело лучше поручить хаварию Тривийской заставы.

Харен, к радости подчинённых, возражать не стал. Он сомневался, что в вещах есть что-то важное. А если и есть, то девушка об этом обязательно скажет на допросе.

Стражник наконец-то вернулся с кандалами. Сноровисто заковав руки и ноги беглянки, он вытащил контролирующий штырёк, и металл сверкнул витиеватыми знаками, запирая силу девушки. После этого девушке завязали глаза и завернули в меха, чтобы действительно довести живой. Шидай отказался её отдавать, сообщив, что добычей он делится только с господином, и сам потащил беглянку на полянку, где сели драконы.

Драконам добыча почему-то не понравилась. Они испуганно шарахались и подозрительно принюхивались. С благожелательным интересом к девушке отнёсся только молодой дракончик, попытавшийся носом залезть в шкуры, но Шидай добродушно его отшугнул.

– Мы сейчас на заставу? – поинтересовался он у господина, пристраивая добычу на спине своего дракона.

– Да, поменяем зверей и в Санариш, – скупно ответил Ранхаш, терпеливо пережидая прилив любознательности молодого дракона, всадником которого он оказался. Обнюхав оборотня, ящер пришёл в ещё большее расположение и радостно завилял хвостом, став похожим на собаку.

– Уверен? – тихо спросил Шидай и с сомнением посмотрел на девушку. – Она сильно истощена, и если держать её всю дорогу в таком состоянии, то я могу её уже не разбудить.

– Будешь поднимать её на привалах. Дурмань и выгуливай, – Ранхаш почему-то мрачно посмотрел на лекаря. – Со мной этот способ прекрасно проходил.

Шидай польщённо улыбнулся.

Майяри не была уверена, что наконец-то пришла в себя. Её тошнило, тело ныло, а горло надсадно першило. Девушка попробовала открыть глаза, но перед взором всё плыло и качалось. Складной картинке не выходило. Звуки доносились как сквозь слой корпии и отдавались в голове глухим колоколом.

Опустив веки, Майяри развела дрожащие руки и нащупала под собой что-то мягкое, но в то же время топорщащееся острыми углами. Голова взорвалась болью, когда она попыталась сопоставить ощущения, и девушка, застонав, свернулась клубочком. Из горла вырвался сухой кашель, грудь справа отозвалась глухой болью. Что с ней? Где она?

Через несколько минут неподвижного лежания боль и тошнота утихли, и Майяри осторожно потрогала своё лицо. В сравнении с холодными ладонями оно было обжигающе горячим; губы потрескались и болезненно ныли. Опустившись ниже, девушка погладила вспухшие участки горла и с трудом слотнула. Но хуже всего была тянущая боль в груди.

Майяри наконец-то вспомнила, что с ней произошло. Перед глазами мелькнула бурлящая поверхность ледяной реки, драконья морда, парень с зелёными глазами... или жёлтыми... Потом воспоминания стали совсем размытыми, и девушка уже не была уверена, что они ей не приснились. Перед глазами маячило улыбающееся добродушное лицо с жёлтыми глазами, окружёнными лучиками морщинок.

– Проснулась? – ласково спрашивало лицо. – Будешь кушать? Будешь. Давай, ешь. А то даже допрос не переживёшь.

Майяри почувствовала на языке сочный вкус жареного мяса и жадно вцепилась в него зубами.

– Похвальный аппетит, – без особого энтузиазма произнесло лицо, с досадой осматривая свой палец. – Водички?

Вода оказалась невероятно вкусной. Майяри почувствовала всепоглощающее расположение к лицу и прижалась к нему в поисках тепла. Если он её накормил и напоил, значит, может и согреть.

– Ох, господин, смотрите, какие птички ко мне жмутся!

На плечи Майяри лёг тяжёлый толстый плащ, и она блаженно зажмурилась, ощущая тепло, всё ещё хранимое мехом.

Майяри распахнула глаза. Плащ всё ещё был с ней. Кто-то постелил его на кипу соломы и положил девушку на импровизированную постель. Впрочем, этим забота неведомого благодетеля и ограничилась. Майяри была в тюрьме.

Она находилась в довольно просторной камере, явно предназначенной для большего количества арестантов, одна. В каменных отсыревших стенах не было окон, но одну из стен, ту, которая выходила в коридор, заменяла толстая решётка. Через неё девушка видела другие камеры с такими же толстыми решётками, за которыми сидели обросшие и грязные мужики, а в одной из темниц и женщины весьма вульгарной наружности.

– О, смотрите! Новенькая очухалась, – к решётке камеры, что располагалась напротив, лицом прижался тощий оборотень с растрёпанной бородёнкой. – Чистенькая, – он с наслаждением втянул носом воздух.

Майяри затошнило ещё сильнее, но она всё же заставила себя сесть и осмотреться.

– Эй, краля! Не хочешь к нам? – к ней обратился высокий, нагловатой наружности оборотень. – Мы парни ласковые...

Его сокамерники глумливо загоготали. Женщины в соседней камере заинтересованно зашевелились и подались к решётке.

– Да зачем вам эта худосочная? – проворковала одна из них. – Сними с неё платье, и одни мослы останутся. Как вам это?

Она задрала платье и просунула между прутьев решётки длинную, несколько полноватую ногу в чёрном шерстяном чулке. Мужчины одобрительно загомонили, кто-то в темнице, что находилась слева от камеры Майяри, попросил показать что-нибудь ещё. Женщины расхохотались и в ответ показали кукиш. Одна, впрочем, всё же приспустила платье на груди, вызвав бурное одобрение и похотливые комплименты.

Майяри, словно не слыша их и не видя, осмотрела стены своего узилища и обнаружила потемневшие знаки. Место заключения магов, хаги и хагаресов. Сухой смешок сорвался с её губ. Она могла бы выбраться и отсюда, но у неё не было никаких физических сил, чтобы встать и уйти. Голова опять закружилась.

– Чего разорались, курвы! – гаркнул кто-то.

В коридоре загромыкала колесами тележка, и показались двое стражников. Один из них катил перед собой тележку, на которой стояли два чана, от одного из которых шёл пар, и несколько стопок мятых жестяных мисок.

Арестанты разом притихли и с жадностью уставились на дымящийся чан.

Охранник ещё немного поворчал, а потом принялся помогать своему товарищу с раздачей еды. На каждого из заключённых полагалось две миски: одна с отвратного вида кашей и ещё одна с чистой, но ледяной водой. В решетке камеры Майяри имелась маленькая дверца, куда тоже просунули воду и еду.

Закончив с раздачей, стражники удались, и в тюремном коридоре воцарились чавканье и хлопанье. Эти звуки раздражали Майяри не в пример сильнее похабных шуточек. К горлу подкатил ком, и она, осмотревшись, увидела деревянную покосившуюся ширму в углу камеры. Встав, девушка кое-как добралась до неё, и её вырвало в деревянное ведро.

Отдышавшись, Майяри добралась до решётки и опустила перед мисками на колени. Окунув дрожащие пальцы в холодную воду, девушка тщательно вымыла руки и лицо.

– Ты глянь-ка! Чистюля какая, – презрительно протянул кто-то. – Её пить надо, а не культы свои полоскать!

Помутневшую воду Майяри вылила в кашу, чтобы заглушить тошнотворный запах, и, придерживаясь за стеночку, потопала к постели.

– Нос воротит, – хмыкнул один из арестантов. – Видать, из благородных.

– Что ж её, такую благородную, к нам занесло?

– Мож, ноги перед кем-то важным раздвинуть не захотела?

Коридор опять огласил многоголосый гогот.

Майяри мрачно посмотрела на шутников, и неожиданно по её камере прокатился яркий всполох. Он ударился в решётку и брызнул искрами. Хохот резко оборвался, и наступила пугающая тишина.

– Магичка! – с отвращением сплюнул кто-то.

Майяри прикрыла глаза и нервно рассмеялась.

– Ещё и безумная!

За Майяри пришли на следующий день. Она даже не услышала, как открывается дверь. Проснулась, почувствовав, что на ногах и руках защёлкивают кандалы.

– Вставай! – огромная ручища грубо тряхнула девушку за плечо, и она с трудом разлепила веки.

Голова пульсировала от боли, горло раздирала сухость, а в груди ощущалась тяжесть. Майяри кое-как села и обвела камеру мутным взглядом. Рядом с ней стояли двое плечистых стражников, а у входа в темницу их поджидал ухмыляющийся хаги. Правда, когда взгляд девушки упал на него, улыбка медленно сползла с лица мужчины.

– Ну же! – поторопил стражник.

Его слова доходили до девушки с трудом и разносились в голове глухим звоном, причиняя лишь боль и не донося никакого смысла.

Грубый тычок в спину всё же подсказал, что от неё хотят, и Майяри поднялась на ноги. Те подвели её почти сразу. Стража едва успела подхватить её под руки.

– Эй, чего это с ней? – обеспокоился Харийд. – Вы ей подсыпали что-то?

– Больно надо! – обиделся один из охранников. – Эта цаца от воды и еды отказалась. Мы же силком арестантов кормить не нанимались. Давай, шевели ногами!

Шевелить ногами у Майяри получалось кое-как. Она только-только начинала понимать, что происходящее – не продолжение её бредового сна. Грудь раздирали кашель, и чувствовала она себя совсем отвратно. В какой-то из проблесков сознания ей подумалось, что купание в ледяной реке было не самой лучшей идеей. Но такой заманчивой... Разум опять погрузился в горячечный бред, и девушке очень захотелось оказаться в той ледяной воде. Сейчас ей было невыносимо жарко.

Майяри попыталась сосредоточиться на окружающих предметах, но коридор проносился перед глазами качающимся смазанным пятном. За решётками маячили бородатые злорадно ухмыляющиеся лица, а в уши лился неразличимый гомон чужих голосов.

– А ну заткнись, сукины дети! – голос охранника прозвучал неожиданно чётко.

Майяри трянула головой и ненадолго обрела ясность рассудка. Куда её тащат? На допрос? Нужно собраться, ей нужно собраться! Она выкрутится... Сознание опять поплыло, и Майяри затошнило.

В следующий раз она вынырнула из горячечного бреда, уже сидя в большом деревянном кресле за маленьким столом. Её отрезвил холодный взгляд жёлтых глаз. Майяри пристально уставилась в них, ощущая физическое облегчение от их ледяного выражения.

– Не нужно, – Ранхаш махнул рукой в сторону цепей, что свисали с кресла. Стражники с сожалением отпустили их и вышли в коридор.

Харен же окинул сидящую перед ним девушку взглядом, и увиденное его не устроило. Подозреваемая была совершенно невменяема. Стоящий у стены Шидай заинтересованно подался вперёд и с подозрением протянул:

– Видимо, тюремный лекарь до неё так и не дошёл.

– Халтурщики! – сплюнул данетий Трибан. – Как её теперь допрашивать?

В допросной помимо них троих был ещё и Харийд, которого пригласили исключительно как сторожа для подозреваемой. Но судя по её состоянию, она не была способна ни колдовать, ни броситься в атаку с кулаками. Антимагические кандалы явно были лишними.

Сгорбившись на своём месте, Майяри продолжала с маниакальным упорством ловить взгляд харена, чтобы ещё раз испытать облегчение. Ей это удалось, и её губы дрогнули в улыбке.

Ранхаш замер. Лицо его не изменилось, но почувствовалось напряжение. Да почти все присутствующие ощутили озноб, когда по измождённому лицу скользнула почти сумасшедшая улыбка.

Ранхаш ещё раз осмотрел девушку. Худая, даже тощая, с запавшими щеками, тёмными кругами под глазами и грязными тусклыми тёмно-русыми волосами. Сходства с портретами, что с первым, что со вторым, не было никакого. Даже взгляд, тёмный и тяжёлый, сейчас казался куда легче из лихорадочного блеска. Харен попытался выделить какие-то характерные черты, но взгляд спотыкался то об обломанные ногти, то о потрескавшиеся сухие губы, то об угловатые плечики. Но, несмотря на крайне болезненный вид, в запахе девушке лишь едва-едва чувствовалась нечистота. У неё вообще был очень слабый запах. Сперва Ранхаш предполагал, что у неё есть амулеты, но Харийд при обыске ничего не нашёл.

Глаза девушки скользнули по столешнице и задержались там. Перед хареном лежал сложенный кусок пергамента. Острое сожаление привело её в чувство. Зря она заклала эту бумажку от воды и магического огня. Ой, зря! Вероятно, в кармане нашли. Она его последний раз туда запихивала, прочитав очередное послание от харена. Майяри вскинула глаза и уставилась на Ранхаша. Сомнений не было. Именно этого оборотня она встретила на болотах. Нужно было не слушать Тошкана и пройти мимо! Лучше бы он там сдох!

Взгляд подозреваемой неожиданно стал осмысленным, и в нём загорелась ненависть.

– Вы осознаёте, где находитесь? – поинтересовался Ранхаш.

Майяри облизнула пересохшие губы и прохрипела:

– Осознаю. Только вы кто?

– Вы должны помнить меня.

На мгновение голову Майяри помутил страх. Он запомнил! Запомнил её на болотах! Что теперь будет с садовниками?

– Я писал вам, – Ранхаш постучал пальцем по сложенному пергаменту.

Девушка не сразу поняла его, но, когда поняла, рассмеялась от облегчения. Мужчины с беспокойством переглянулись, а харен помрачнел.

– Вотый, – на распев протянула девушка. – Тот самый Вотый. Знала бы... – Майяри мотнула головой и оборвала фразу.

– Вы понимаете, почему оказались здесь?

– А? – Майяри уставилась на него пьяным взглядом, а затем широко улыбнулась. Зубы у неё оказались белыми и здоровыми, что на фоне общей измождённости выглядело странно. – Меня же поймали, да?

– Да, – терпеливо подтвердил Ранхаш, всё яснее понимая, что допроса не выйдет. Можно звать свидетеля, чтобы тот провёл опознание, а потом сдать девчонку в руки тюремному лекарю. Она ему нужна в более вменяемом состоянии.

– А кто поймал? – живо поинтересовалась Майяри. – Закон или воры в шкуре закона?

– Что? – брови Ранхаша сошлись на переносице, и он с искренней заинтересованностью подался вперёд.

Майяри резко подалась ему навстречу – Харийд нервно дёрнулся – и проникновенно прошептала:

– А ты думаешь, я не понимаю? Ты же от них. Я знаю, знаю это... – Майяри оборвалась и поморщилась, приходя в себя.

– Госпожа Амайярида, вас обвиняют в ограблении и убийстве, – напомнил Ранхаш. Бредовые высказывания девушки его несколько запутали и насторожили.

– Я не виновата! – резко ответила девушка.

Отлично! Хоть на имя откликнулась. А то Ранхаш начал думать, что они всё же ошиблись и схватили не ту девушку.

– Но вы сбежали, – вкрадчиво прошептал Ранхаш, склоняясь к ней.

Запах болезни он всё же почувствовал. В дыхании девушки. Неприятный гнилостный запах борьбы тела с недугом.

– Воры, вы все воры, – взгляд Майяри опять потерял осмысленность.

Ранхаш откинулся на спинку стула, окончательно поняв, что добиться чего-то внятного от неё невозможно.

– Приведите свидетеля, – попросил он данетия Трибана.

Пока данетия не было, к девушке подошёл Шидай. Майяри уставилась на него взглядом дикого зверя, и лекарь даже подумал, что она сейчас оскалится. Но та всё же не была оборотнем, поэтому просто отшатнулась.

– Не тронь!

– Да и не надо, – недовольно откликнулся Шидай. – От тебя жаром на полсажени пышет. Харен, мне не нравится её дыхание. Боюсь, простуда на лёгкие перешла. Почему её не осмотрел лекарь?

– Мне сходить за ним? – спросил нервничающий Харийд.

– Куда? – Шидай посмотрел на него, как на дурачка. – А если она буяннить начнёт?

– Так в кандалах же...

Дверь опять открылась, и внутрь вошёл Трибан. За ним боязливо, по стеночке, зашёл Одаш. Увидев затылок девушки, он испуганно вытаращил глаза и замер.

– Ох, боги-защитники, – торопливо пробормотал он.

– Что ж ты на затылок смотришь, – недовольно попенял ему данетий. – Ты лицо посмотри.

Одаш нервно посмотрел на него и, обойдя девушку по дуге, оказался за спиной харена. Глаза его ещё больше выпучились, и он отчаянно закивал.

– Она! Как есть она! Ох, как вспомню ту ночь...

По лицу Майяри скользнула кривоватая улыбка.

– А я ведь тебя знаю... – потянула она.

– Да лучше б не знали, – чуть не плача отмахнулся Одаш. – Я ж от вас, госпожа, подобного и не ожидал. Если б собственными глазоньками не видел, ни за что бы не поверил.

Глаза девушки широко распахнулись, и она усмехнулась так, словно не могла поверить своим ушам.

– Все вы тут... – начала она, но Одаш с жаром её перебил:

– Она это, харен, как есть она! Как сейчас помню: ночь, двоелуние, и она нож заносит. Господин хранитель что-то хрипит, остановить пытается, а она бьёт его, бьёт... – оборотень спрятал лицо в огромных ручищах и всхлипнул. – А потом куль у него вырвала, развернула и хватить камень оттуда. Смотрит на него, любитесь в лунном свете, а по белым рученькам кровь течёт. А она ещё и ухмыляется... Вот как сейчас!

Майяри действительно улыбалась. Язвительно и с безумным блеском в глазах. Неожиданно она резко подалась вперёд и крикнула:

– Врёшь!

– Как есть правду говорю! – Одаш испуганно отшатнулся. – Не гневитесь, госпожа. Сами же себя в эту яму посадили.

Майяри попробовала было встать, Харийд даже сделал пару шагов к ней, но девушка обессиленно упала в кресло. В голове опять помутилось. Перед глазами завитали образы из реальности и воспоминаний. Искажённое болью лицо главного хранителя сменилось ледяной маской харена, в ушах, смешиваясь, зазвучали два голоса: «Ей лекарь нужен» и «Лови, её лови!». Майяри постаралась сосредоточиться на холодном лице харена. Не время терять сознание, ей нужно выбраться из этой передрыги.

– Госпожа Амайярида, вас сейчас отведут в вашу камеру и откажут помощь, – донёсся до неё голос господина Ранхаша. – Допрос мы продолжим позже.

Девушка опять наклонилась вперёд и оперлась рукой на стол.

– Он врёт, – прохрипела она с маниакальной настойчивостью. По губам её скользнула полубезумная улыбка. – И я могу доказать.

Данетий, уже шагнувший к ней, замер и вопросительно посмотрел на харена. Тот продолжал глядеть на девушку, ожидая, что она скажет. Та продвинула дрожащую ладонь ближе к нему. Харийд и Шидай ощутимо напряглись, но сам Ранхаш не пошевелился и даже не подумал отодвинуть руку, на которую так пристально смотрела преступница.

Майяри подняла трясущуюся ладонь и осторожно коснулась пальцем голубого камешка, сияющего в перстне харена. На камешке была вырезана голова волка – печать рода Вотый, палец скользнул по ней, и ладонь девушки накрыла руку харена. Ранхаш замер, ощутив прикосновение ледяных пальцев.

– Он соврал, – проникновенно повторила Майяри, приподнимая руку и разгибая пальцы. – Я не могла держать камень в «белых руках», – она нервно рассмеялась. – Если бы я коснулась голой ладонью того камня, то он до сих пор был бы в ней.

Зрачок Ранхаша резко расширился, и мужчина прерывисто вздохнул. В указательном пальце девушки сияло голубое пятно. Он бросил взгляд на свой перстень и убедился, что камень-печатка исчез.

– Я хаги, – с видимым удовольствием протянула Майяри и зашлась сухим смехом. – Он соврал...

Глава 17. Новые обстоятельства

В допросной воцарилась потрясённая тишина. Шидай и Трибан обменялись непонимающими, обескураженными взглядами, а Харийд подскочил к девушке и схватил её за плечо.

– Этого не может быть! – лихорадочно прошептал он, чуть ли не обнюхивая Майяри. – Я бы почувал! Я бы понял, что она хаги! Ты врешь!

В ответ девушка показала ему кончик языка и, словно издеваясь, медленно надорвала зубами манжет платья. Она долго трясла рукой в полной тишине, нарушаемой лишь грохотом цепей. Наконец на стол выкатился маленький, не больше просяного зёрнышка, блестящий камень. Харийд прерывисто вздохнул, словно учуяв что-то новое, и медленно опустил руку на голову девушки. Та сжалась как щенок, боящийся удара, и замерла. На несколько долгих томительных секунд в допросной воцарилась полная тишина. Харийд с трудом выдохнул, а затем с грохотом упёрся руками по обе стороны от девушки, нависая над ней.

– Живо вынести отсюда все камни! – прерывающимся от ярости голосом потребовал он.

Первым пришёл в себя Ранхаш. Он молча вытащил из-за ворота гроздь амулетов и не глядя протянул Шидаю. Тот прибавил к ним от себя несколько кулонов и кольцо и передал в свою очередь данетию, а Трибан вынес всё это в коридор, где просто сложил у двери в комнату и тут же вернулся.

– Ты! Дура! – клопочущим от бешенства голосом прорычал Харийд на ухо Майяри. Кажется, он был готов оттащить девушку за волосы за глупость. – Зачем ты тронула камень?! Зачем, идиотка?! Достаточно было вытряхнуть свои манжеты, и я бы тебя признал! Ты понимаешь, кем можешь стать?

– А что может быть хуже убийцы? – мрачно прошипела Майяри, старательно отворачивая ухо от мужчины. – И кто ты такой, чтобы орать на меня?

Она мотнула головой, пытаясь прогнать муть, расползающуюся перед глазами, и едва сдержала рвотный позыв.

– Я защищалась! – процедила она. – Он врал, и я доказала это.

– Ну, приврал для красного словца, – стушевался изрядно перепуганный Одаш. – Тёмные попутали! Я уж не знаю, что там на руках у неё было, мож, варежки, но в остальном не соврал ни слова. Богами клянусь!

– А я тоже клянусь! – нагло заявила девушка, с усмешкой смотря на оборотня. – Моё слово против твоего. Я тоже видела. Видела, как ты добивал хранителя! Я видела, что ты его убил!

Её слова вознеслись к потолку и, казалось, замерли там. Несколько секунд Одаш просто в шоке пялился на неё, не в силах осмыслить обвинение, а потом разразился потоком брани.

– Ах ты гадина тёмнобожеская! А я-то ещё жалел её, думал, плохие оборотни на кривую дорогу совратили. А ты, оказывается, подлючая змеюка! Меня оболгать в отместку решила!

Лицо могучего гончара покраснелось, и он уже был готов броситься на девушку. Остановив его только мрачный взгляд Харийда, который продолжал нависать над Майяри.

– Да ежели ты не виновна, так чего ж в бега пустилась, а?! – ткнул в неё пальцем Одаш.

– А я не дура, Одаш, – мягко ответила Майяри. То, что она назвала его по имени, словно слегка испугало оборотня. Девушка перевела взгляд на пристально смотрящего на неё харена. – Я видела его и ещё двоих, но рассмотрела только его. Меня же увидели все трое. Нужны ли им были свидетели? Наверяд ли... Они гоняли меня по городу около часа, пока я не нашла подходящее место, чтобы схорониться. И когда они проходили мимо, я услышала занятную вещь. Знаете, какую? – Майяри склонилась к Ранхашу. – «Пусть бегают. Всё равно к страже подается, там мы её и достанем».

Девушка распрямилась и обвела присутствующих мутным, но полным превосходства взглядом.

– Так что не нужно разыгрывать передо мной представление. Я знаю, что все вы в одной связке. Из этой комнаты я уже не выйду. Безумная магичка взбунтовалась и была убита! В отчёте наверняка запишут что-то в этом роде. Или нет, – Майяри, казалось, что-то вспомнила. – Нет, наверное, не сейчас... Я запуталась! – с досадой простонала она и уткнулась лбом в стол.

Данетий Трибан чувствовал себя совершенно сбитым с толку. Сложно было поверить в полубредовое заявление подозреваемой. Она явно не осознавала, что творит. Её взгляд лихорадочно горел, язык путался, и она сама явно путалась в своих словах. Но вера в Одаша тоже пошатнулась.

Оборотень со страхом смотрел на следователей, глазами умоляя их не верить злой девке. Видимо, он уже очень сожалел о своей любви к привиранию и готов был на коленях доказывать свою невиновность.

Шидай задумчиво почёсывал правую бровь и смотрел в пол. Харийд продолжал нависать над девушкой и мрачно глядеть на харена. Тот же не отрывал глаз от спутанных волос девушки.

– Взять под стражу обоих, – распорядился он.

– Господин! – охнул Одаш.

– Подготовить отдельные камеры? – деловито уточнил данетий.

– Нет, – Ранхаш покачал головой. – Выделить комнаты и оставить под стражей. До выяснения всех вскрывшихся обстоятельств мы не можем запираить их с остальными преступниками.

Данетий поморщился, едва не сказав, что очень даже могут.

Майяри тихо всхлипнула и повернула голову набок. Стало ясно, что она спит, но спит беспокойно. Харийд сглотнул и неохотно заметил:

– Стены обычной комнаты хаги не удержат. И эти кандалы тоже. Харен, всё очень плохо. Она действительно хаги. Причём ещё совсем девчонка! И теперь она может стать тёмной. Её будет тянуть к камням с невероятной силой. Если... – голос парня сорвался на шёпот, – если она действительно не виновата, то вся её жизнь будет сломана. Я как более старший не могу позволить этого. Тёмные хаги – это бедствие!

– Я разберусь с этим, – мрачно пообещал Ранхаш. – Сегодня. Пока бери её и Шидаю, и идите в камеру, где она содержалась раньше. Там есть защита от хаги.

– Мудрое решение, – одобрил Шидай и с улыбкой подступил к дремлющей девушке. – Посмотрим, что у неё с лёгкими. Так, ты пока её неси, а я за одеялами и горячей водой. Совьём ей прелестное гнездышко на тюремном тюфяке.

Харийд осторожно, словно девушка была из стекла, поднял её на руки и медленно покинул допросную в сопровождении Шидаю. Данетий прихватил побелевшего Одаша за локоть и непреклонно поволок его на выход.

Оставшись в одиночестве, Ранхаш откинулся на спинку стула и, закрыв глаза ладонью, застонал.

Глава 18. Новые сложности

Ранхаш оперся локтями на столешницу и уставился в стену невидящим взглядом. Произошедшее слегка выбило его из равновесия, и перед внутренним взором всё ещё стояла измождённая девчонка с воспалено горящими глазами. Увы, он был вынужден согласиться с преподавателями санаришской школы магии: она не была похожа на безжалостную убийцу. Ранхаш часто встречал среди преступников тех, кто выглядел невиннее детей. Он знал, какой обманчивой может быть внешность. Но здесь его интуиция, которой оборотень привык доверять, подсказывала, что он что-то упустил, чего-то не учёл.

Заявление Амайяриды звучало слишком бредово, чтобы относиться к нему серьёзно, но Ранхаш не стал его отбрасывать. Порой самые несуразные детали оказываются важными элементами восстанавливаемых событий. Просто не всегда сразу получается сложить их правильно. И что в итоге он имеет? Двух подозреваемых, один из которых так болен, что допрашивать его нет смысла, а второй ранее значился как свидетель. Теперь они оба – и подозреваемые, и свидетели. Причём девушка в будущем... нет, уже сейчас аукается большими проблемами.

Если она действительно станет тёмной, это может вызвать сильное недовольство со стороны общин хаги и даже обвинения. Она была невменяемой, её обвиняли, давили на неё и по итогу вынудили защищаться и доказать свою невиновность самым эффективным способом. А если она ещё окажется и невиновной – Ранхаш допускал и такое развитие событий – то всё станет ещё хуже. И харен чувствовал себя ответственным за это.

Ему нужно было сразу догадаться, что с ней что-то не так. Большая сила, хвалебные отзывы о способностях со стороны преподавателей, отсутствие в общезнании на месте взрыва печатей, ловкое исчезновение... Он позволил убедить себя, что она просто очень сильный маг, что встречается не так часто. А вот хаги...

Ранхаш выпустил сквозь сжатые зубы воздух и погладил занывшее колено. Хаги встречались чаще, но не всегда можно было понять, что это хаги. Представители этой расы были большими любителями скрытности. Конечно, их сложно винить в этом, ещё три сотни лет назад в законодательстве Салеи не было запрета на охоту на них. Хаги, внешне очень похожие на людей и по физическим способностям мало их превосходящие, пробуждали в сердцах представителей других рас жадность своими способностями. В разные времена от них хотели или богатства, или силы.

Создатель хаги, наверное, не любил своих детей, раз дал им способность чувствовать и находить драгоценные камни. Алмазы, изумруды, опалы, сапфиры – все эти камни будоражили жадное воображение и горячили алчные порывы. Хотя, вероятно, что в момент создания народов ещё не существовало такого низменного явления как жадность, и боги ещё не были с ним знакомы.

Хаги называли детьми земли. Их невероятная сила, чем-то похожая на магию, которой были одарены другие расы, всегда была с ними. Им не нужно было призывать и контролировать свои способности печатями, словами, ритуалами или жестами. Они управляли своими силами интуитивно, с рождения учась понимать их. Казалось, что с такими возможностями хаги были обречены стать хозяевами мира. Но стали предметом алчности других рас. Их искали, отлавливали, выкрадывали детей, чтобы вырастить из тех послушных добывателей вождельных камней или могущественных помощников. А эпоха Лихорадки Сил, что одно время сотрясала Салею, даже породила хагаресов – охотников на хаги, которые, не имея магических сил, были способны своими печатями приманивать силы мира и использовать их в своих целях.

Всё это вынудило хаги стать затворниками и тщательно скрывать свои общины. Но у столь щедро одарённой – или проклятой – расы был один существенный недостаток. Им нельзя было прикасаться к драгоценным камням.

Ранхаш откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и прикрыл глаза, вспоминая всех хаги, что ему довелось встретить за свою жизнь. Многие из них, в отличие от того же Харийда, скрывали своё происхождение. Им было проще притвориться магами средней руки. Отличало их от настоящих магов только то, что они никогда не носили амулетов с драгоценными камнями. Любой драгоценный камень, соприкоснувшись с кожей хаги, становился частью его тела. При этом силы хаги увеличивались и просыпалась жажда. Жажда всё новых и новых сил. Камни, и раньше весьма притягательные, становились ещё заманчивее. В какой-то момент хаги мог стать способным на всё, лишь бы добраться до очередного камня. История помнит события, когда обезумевшие от жажды хаги разрушали города, убивали толпы людей, ломали горы, чтобы добраться до скрытых в их глубинах богатств. К счастью, а может быть, и нет, жажда эта утихала. Чем больше камней хаги поглощал, тем сильнее каменело его собственное тело. После пересечения определённой границы засыпали все желания, и тёмные хаги уже больше ничего не хотели: ни новых сил, ни сна, ни еды... В отсутствии самых естественных желаний они умирали очень быстро.

Насколько знал Ранхаш, хаги старались удерживать своих детей, если те ступали на скользкий путь. Если же всё оказывалось бесполезно, то они сами зачищали последствия недуманных действий тёмных хаги. Так что вряд ли старейшины общин обрадуются, узнав, что у них прибавилось проблем.

И Ранхаш чувствовал себя ответственным за произошедшее. Он допустил оплошность. Позволяя девушке беспрепятственно трогать себя, он позволил себе быть излишне высокомерным: разве могла больная девочка причинить ему вред? А оказывается, что она могла причинить вред себе, доставить беспокойство уйме народу и прибавить ему дополнительные хлопоты. Это его ошибка, он позволил себе быть слишком снисходительным. И эту ошибку нужно исправить.

– О, Ранхаш! – послышался удивлённый возглас.

Ранхаш открыл глаза и увидел на пороге допросной Викана. Троюродный брат выглядел несколько помято, на лице расплывался новый синяк, а на плече у него безвольной тушкой висел очередной щуплый элемент преступного мира.

– Освободишь комнатку? – весело поинтересовался ВIKAN. – Мне нужно провести интимную беседу, – оборотень ехидно подмигнул и хлопнул свою бессознательную добычу по заднице.

Ранхаш почему-то не спешил отвечать. Медленно, словно оценивая, он окинул фигуру брата взглядом, а затем пристально посмотрел ему в лицо.

– Беседа подождёт. Запри этого в камере, – велел он. – Мне нужно, чтобы ты съездил в сокровищницу.

Викан, почуяв интересное дело, с любопытством посмотрел на брата.

– И что мне там нужно?

– Амулет, запирающий силы хаги, – чётко произнёс Ранхаш. – Сильный амулет.

– Зачем? – опешил ВIKAN. – Харийду, что ли...

В Санарише это был единственный знакомый ему хаги.

– Нет, – неохотно ответил Ранхаш. Ему очень не хотелось тратить время на объяснения, но он знал Викана: тот бросался выполнять приказ без размышлений, только если тот отличался редким безрассудством. – Мы нашли подозреваемую по делу об ограблении сокровищницы, но она хаги. И рискует стать тёмной.

Викан присвистнул и бесцеремонно сгрузил свою добычу на пол.

– А мне дадут требуемое? – засомневался он.

– Если не дадут – воспользуйся правом нашей семьи требовать, – жёстко ответил Ранхаш. – Давай быстрее. Девчонка простужена, и мы вынуждены держать её в подzemелье, а мне она нужна живая. Чтобы через полчаса был здесь.

– Есть, командир, – Викан шутливо подмигнул и быстро шагнул за порог.

Ранхаш же опять откинулся на спинку стула и помассировал ноющее всё сильнее колено. В груди слабо зашевелилось удовлетворение. Одна проблема почти решена. Нет сил – нет желания трогать камни.

Глава 19. Неблагодарная профессия лекаря

Харийд осторожно уложил девушку на соломенный тюфяк, всё ещё покрытый плащом харена, и замер, не зная, что делать дальше. Молодой мужчина растерянно осмотрелся, зло зыркнул на пошло шутящих заключённых и робко присел рядом с девушкой. Та продолжала спать. Губы её во сне шевелились, что-то беззвучно произнося, и дышала она тяжело и с хрипами, порой прерывающимся сухим кашлем. Харийду остро захотелось, чтобы личный лекарь харена наконец-то пришёл.

Явился тот только через четверть часа с кипой шерстяных одеял и в сопровождении опасно посматривающего на него стражника, который нёс дымящееся ведро.

– Ты представляешь, – с негодованием начал Шидай, сваливая одеяла на пол, – тюремный лекарь ушёл в запой ещё неделю назад, а они и хвостом не шевелят.

Судя по нервному вздрагиванию стражника, уже шевелили, и не только хвостами.

– У них тут едва опасная преступница не умерла ещё до проведения опознания! – ярился лекарь. – Ранхашу явно стоит немного побеседовать с данетием тюрьмы.

В другое бы время Харийд удивился, что Шидай так просто называет харена по имени, но сейчас у его бока хрипло дышала больная девчонка-хаги и он страстно мечтал, чтобы лекарь с этим что-то сделал.

– Ставь сюда, – распорядился Шидай, и стражник покорно поставил ведро с горячей водой на указанное место и поспешил тихонечко смыться.

А Шидай сноровисто перевернул девушку на спину и начал быстро-быстро расстёгивать платье на её груди. Майяри сонно хлопнула глазами и с непониманием уставилась на него.

– Осмотр, дорогая, – добродушно улыбнулся ей оборотень. – Проверим твои лёгкие.

Майяри уставилась мутным взором на его пальцы, уже расправившиеся с пуговицами и ухватившиеся за завязки на её нижней рубашке, и неожиданно ударила лекаря раскрытой ладонью по лицу. Тот успел отстраниться, но её ногти всё равно полоснули его по щеке.

– Не тронь! – разъярённо прошипела девушка.

– Ну-ну, моя дорогая, это всего лишь осмотр, я лекарь, – Шидая несколько не обескуражил такой прохладный приём. – Иди сюда. Помнится, я тебе нравился.

У Майяри всё плыло перед глазами, и она дрожащими руками пыталась застегнуть пуговицы. Пуговицы не желали входить в петли, выворачивались из трясущихся пальцев, а этот лекарь ещё и мешал.

– Не буянь, – ласково уговаривал он её, пытаясь оторвать её руки от ворота и наконец начать осмотр.

Харийд растерянно отирался рядом, не зная, помочь или лекарь сам справится. В этот момент взбешённая Майяри извернулась и цапнула Шидая зубами за ладонь. Тот досадливо зашипел и поднёс укушенную руку ближе к глазам, рассматривая синеватые лунки. Девушка же, по-звериному сверкая глазами, отползла в дальний угол койки.

– Второй раз уже, – с досадой протянул Шидай.

– Сильно? – обеспокоенно спросил Харийд.

– Да я привычный, – усмехнулся лекарь. – Больные оборотни часто пускают в ход и зубы, и когти. Давай-ка поддержи её.

Это оказалось не так просто. Майяри отбивалась с отчаянием оборотня, загнанного в смертельную ловушку. Харийду досталось ногой в живот, а сапоги на девушке были тяжёлые, с очень жёсткой подошвой. Шидай был более опытным в укрощении строптивых пациентов: увернулся и от кулака, и от пинка, и от ещё одного укуса. Харийд наконец схватил девушку за плечи, не позволяя ей отползти или увернуться от цепких и любознательных рук лекаря. Шидай вклинился между ног девушки под бурные подбадривания заключённых, но до груди

добраться не смог: Майяри крест-накрест обхватила себя руками с такой силой, что лекарь плюнул на попытки полного исследования и решил ограничиться более простым осмотром.

– Только попробуйте что-то со мной сделать! – сдавленно прохрипела девушка в тот момент, когда Шидай ощупывал её горло. – У вас после этого всё сгниёт и отвалится!

– Эй, мы тебя не насиловать собираемся! – оскорбился Харийд.

Девушка быстро сориентировалась на звук голоса и боднула его затылком в челюсть. Парень сдавленно застонал, но не выпустил её. Шидай воспользовался возможностью и, зафиксировав голову девушки в откинутаом положении, заставил раскрыть рот.

– У-у-у, – печально протянул он, в свете светляка рассматривая покрасневшее и опухшее горло.

Майяри щёлкнула зубами, едва не прихватив его за палец. Шидай же нашёл лазейку между скрещёнными руками и ткнул её в грудь. С пальца сорвался всполох, и девушка на мгновение задохнулась от жара, охватившего лёгкие. Жар быстро прошёл, а из груди вылетел голубой шарик. Шидай ловко его поймал и задумчиво помял в руках.

– Однозначно лёгкие воспалились, – с сожалением протянул он, развеивая шарик. – Отпускай.

Харийд с радостью выполнил команду и быстро отскочил от разъярённой девушки подальше. Но та обессилела после схватки и, тяжело дыша, привалилась к стенке.

– А чё остановились-то? Она уж готовенькая, самое то продолжить, – по тюремному коридору разнёсся гогот.

– Я сейчас с лекарским осмотром по камерам пойду, – Шидай с ласковой улыбкой осмотрел шутников. – Наверняка найду и переломы, и выбитые зубы...

Смех немного стих, зато оживились женщины в камере напротив.

– Пойдём к нам, красавчик, – заворковали они, прижимаясь грудями к решётке. – Всё, что хочешь, покажем.

– Я бы с большой, большой радостью, – галантно отозвался Шидай, с весёлым интересом осматривая то, что уже было доступно взгляду, – но сейчас я при исполнении. Если останется время, я с радостью посмотрю на ваши болезни.

Барышни заливисто рассмеялись и заверили, что будут очень и очень ждать.

– Бери пример, – посоветовал Шидай сжавшейся в уголке Майяри. – А то как лошадь дикая, вреда только поменьше, – лекарь почему-то потёр грудь. – Так, Харийд, я за лекарством, тебе же нужно будет завернуть её в одеяло. Хорошо было бы ещё помыть ей руки, шею и лицо, – оборотень с жалостью посмотрел на дымящееся ведро, – но боюсь, что после этого сидеть она будет в мокром платье. Я постараюсь вернуться быстро.

Харийд было открыл рот, чтобы возмутиться, но лекарь уже был в коридоре. Посмотрев сперва на гору одеял, а потом на подобравшуюся девушку, хаги сплюнул от досады и решительно сгрёб одеяла. Одну девчонку он как-нибудь завяжет.

Борьба была короткой и слабой. Силы окончательно покинули Майяри, и ей ещё сильнее подурнело. Харийд, даже не пытаясь сдержать злорадную улыбку, быстро соорудил из неё кокон и уложил на тюфяк.

– Да чё они с ней делают? – недоумевали заключённые.

– Это игры такие, со связыванием, – проявил догадливость кто-то. – Щас она развернётся и будет совсем голая.

Терпением Харийд никогда не мог похвастаться. Он всегда быстро выходил из себя и потом долго кипел. Вот и сейчас он вспыхнул и целеустремлённо направился прочь из камеры.

– О, никак на разборки идёт! – возрадовался драке кто-то.

Но молодой мужчина только шагнул за порог и остановился. Стены камеры больше его не сковывали, и во всех ближайших темницах, кроме той, где сидели женщины, мелькнули вспышки и раздались испуганные крики. Запахло палёным волосом. Шутки и гогот мгновенно

стихли, и наступила звенящая тишина. Харийд ещё раз обвёл узников прищуренным взором и вернулся к девушке.

Та встретила его неожиданно осознанным взглядом. Она лежала на боку и смотрела на него с неприязнью и яростью.

– Чего тебе надо? – прямо спросила она.

– Что? – опешил хаги.

– Что ты ошиваешься здесь? Уходи! И без тебя никуда не денусь!

– Сумасшедшая! – тяжёлый вздох сорвался с губ мужчины.

– Во-во, – поддакнул кто-то.

Но Майяри лишь сильнее прищурила глаза. Она прекрасно знала представителей своего народа. Гордые и высокомерные, они не будут просто так сидеть с больной заключенной, даже если это приказал старейшина. Но он бы не приказал: много чести для такой оборванки, как она. Этот же хаги до сих пор здесь, значит, ему что-то нужно!

Она попробовала сесть, но ослабевшее тело лишь слабо подёргалось в опутывающих его одеялах и блаженно расслабилось.

– Ты точно дура, – устало протянул Харийд и, подойдя к лежанке, подвинул девушку и присел рядом. – Успокойся и просто лежи. Хватит самоубийством заниматься. Сейчас господин Шидай принесёт лекарство и подлечит тебя, а потом мы уж будем разбираться, что там с тобой приключилось. И можешь привыкать ко мне. Я теперь рядом с тобой надолго. И за каким Тёмным ты хватанула этот камень?!

Худшие ожидания Майяри оправдались: ему что-то нужно.

– Говори сразу, чего тебе от меня надо! – потребовала она. – Не нужно морочить мне голову и утверждать, что следуешь приказу. Я знаю, что из себя представляют хаги!

Харийд посмотрел на неё с искренним недоумением, совершенно не понимая, что от него требуют. Он бы заподозрил, что девушка опять бредит, но взгляд у неё был очень осознанным.

– Раз знаешь, то чего спрашиваешь? Как более взрослый, я обязан позаботиться о такой дуре, как ты, умудрившейся ступить на кривую дорожку.

– Не ври! – змеёй прошипела Майяри. – Вы заботитесь только о хаги! Я же уже тёмная! Таких, как я, полагается вышвыривать и забывать об их существовании. Но ты всё ещё отираешься здесь. Что тебе нужно?

Харийд окончательно растерялся. Почему он не должен отираться здесь? Даже если не его долг хаги, то всё ещё есть приказ харена. Он не видел логики в обвинениях.

Майяри зажмурилась от очередного приступа дурноты и почувствовала, как в голове опять взвихрилась муть.

– Ты бредишь, – всё же решил Харийд и мысленно взмолился, чтобы господин Шидай вернулся поскорее.

Девушка отозвалась сдавленным стоном, и мужчина посмотрел на неё. Вот теперь её взгляд утерял осмысленность и затянулся пеленой неосознанности. У Харийда нехорошо засосало под ложечкой. Такое у него возникало всегда, когда он чувствовал, что что-то недопонял. Но её слова были откровенным бредом, хаги не выбрасывают таких, как она. Они сами потом могут уйти, но их никто не вышвыривает...

Харийд замер, припомнив, что это не совсем так. Не все общины хаги одинаковы. Холодок прошёл по его спине, и он с опасением и надеждой на лучшее спросил:

– Ты же не сумеречница?

Девушка была не в том состоянии, чтобы понять смысл вопроса, но знакомое слово заставило её дёрнуться. Глаза её испуганно распахнулись и уставились на Харийда, знаки на стенах темницы угрожающе замигали.

– Боги! – тихо простонал Харийд, осознавая, что угадал, и зарылся пальцами в волосы. – О боги!

Несколько долгих секунд он просто пялился в пол широко распахнутыми глазами, а затем резко склонился к лицу испуганной девушки и горячо зашептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.